

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный институт культуры

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирской государственной академии
культуры и искусств

Научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам

№ 1 (10)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2016

Учредитель: ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-44248 от 15 марта 2011 г.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционная коллегия

Р.И. Пшеничникова, проф., академик МАН ВШ (гл. редактор); Е.Ю. Перова, кан. эконом. наук (зам. гл. редактора); И.С. Цыремпилова, д-р. ист. наук, проф. (зам. гл. редактора); И.Б. Батуева, д-р.ист. наук, проф.; Т.Н. Бояк, д-р.социол. наук, проф.; Н.Б. Дашиева, д-р.ист. наук, проф.; С.А. Езова, канд. пед. наук, проф.; В.Л. Кургузов, д-р. культурологии, проф.; В.Ц. Найдакова, д-р. искусствоведения, проф.; З.А. Серебрякова, д-р. филол. наук, доцент; С.Г. Степанова, канд. пед. наук, доцент; С.П. Татарова, д-р. социол. наук, проф.; С.А. Харитоновна, канд. пед. наук, доцент (ответ. секретарь); Э.В. Хилханова, д-р. филол. наук, проф.; Д.Л. Хилханов, д-р. социол. наук, проф.; Н.Д. Хосомоев, канд. филол. наук, проф.; А.В. Чебунин, д-р. филол. наук, доцент

В Е С Т Н И К Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (10)

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский
государственный институт культуры»

670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

Телефон: (3012) 23-33-59; E-mail: vsgaki_info@mail.ru

Выход в свет 23.03.2016. 60x84 1/8. Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 9,14. Тираж 500.
Заказ №2103. Цена свободная.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО ВСГИК
670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры», 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|-----------|
| ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ | 5 |
| Бальжурова А.Ж. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БУДДИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ БУРЯТИИ XX в. (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА ИЗ ФОНДА НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ) | 5 |
| Жамбаева Т.И. СИМВОЛИКА ДЕКОРА БУДДИЙСКИХ БУРЯТСКИХ ХРАМОВ | 10 |
| Кабунова Е.М. БУДДИЙСКАЯ ЖИВОПИСЬ ТАНКА В СОБРАНИИ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ им. В.П. СУКАЧЁВА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ И ОПЫТ АТРИБУЦИИ | 14 |
| ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ | 20 |
| Зориктуев Б.Р. ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ДОЛИНЫ ЕНИСЕЯ В XIII в. | 20 |
| Суслов А.Ю., Загидуллина А.В. ВТОРОЙ СЪЕЗД ЗАГРАНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ПАРИЖ, 1928 г.) | 26 |
| Серебрякова З.А. ИСТОРИЯ КАК ПЕРСОНАЖ БУРЯТСКОГО РОМАНА | 31 |
| Санникова М.И. ОБРАЗОВАНИЕ В г. ВЕРХНЕУДИНСК В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв. | 36 |
| Чернявская О.А. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОДЕЖДЫ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ | 40 |
| Грызлова А.А. СОВЕТСКАЯ АГИТАЦИОННАЯ ТЕМАТИКА В ФАРФОРО-ФАЯНСОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ им. В.П. СУКАЧЁВА) | 47 |
| Долгорова Б.А. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА | 52 |
| Ваганова Е. В., Иванова Е. В. ОБЪЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕМХОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КРАСНОЧИКОЙСКОГО РАЙОНА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ | 58 |
| КУЛЬТУРОЛОГИЯ | 63 |
| Куницын О.И. О ЗНАЧЕНИИ ЭПИГРАФА К РОМАНУ Л.Н. ТОЛСТОГО "АННА КАРЕНИНА" | 63 |

| | |
|---|------------|
| Судакова О.Н., Нава С.С. ПРОБЛЕМАТИКА КУЛЬТУРОЛОГИИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА..... | 70 |
| Мишакова О.Э., Цыремпилова И.С. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА КУЛЬТУРЫ..... | 75 |
| Затеева Н.А., Татарова С.П. РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ФУНКЦИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК СИБИРИ) | 79 |
| Полтева Т.И. ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ МУЗЕЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ (НА ПРИМЕРЕ БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ А. В. АНОХИНА»).... | 84 |
| Малошик М.В. КОРРУПЦИОНЕР КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ..... | 88 |
| Дансарунова С.А. РЕФЛЕКСИЯ О ВОЗНИКНОВЕНИИ РЕЛИГИИ И ЕЁ РАННИХ ФОРМАХ | 93 |
| РЕЦЕНЗИИ | 99 |
| Хосомоев Н.Д. ИСПЫТАНИЕ СЛОВOM..... | 99 |
| СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... | 102 |

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БУДДИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ БУРЯТИИ XX в.

(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА ИЗ ФОНДА НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

REPRESENTATION OF THE BUDDHIST TRADITIONS IN THE FINE ARTS OF BURYATIA IN THE XX CENTURY. (ON THE EXAMPLE OF WORKS OF ART FROM FUND OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

В данной статье проанализировано влияние буддийских традиций на творчество бурятских художников XX в. Выявлены разные уровни применения буддийских мотивов в работах мастеров-самоучек и профессиональных художников: внешние символы, такие как буддийские орнаменты, стилизация облаков, гор и водоемов; философские – обращение к буддийской мифологии; психологические – введение образов буддийских божеств с целью передачи более глубокого смысла картины.

This article is devoted to the analysis of influence of the Buddhist traditions on work of the Buryat artists in the XX century. Different levels of application of the Buddhist motives in the pictures of self-taught and professional artists are revealed: external symbols, such as Buddhist ornaments, stylization of clouds, mountains and reservoirs; philosophical symbols – the appeal to Buddhist mythology; psychological symbols – introduction of images of Buddhist deities for the purpose of the transfer of the deeper meaning of the picture.

Ключевые слова: Буддийское искусство, художник, наследие, духовная культура, миф, символика.

Keywords: Buddhist art, artist, heritage, spiritual culture, myth, symbols.

Бурятия, как один из субъектов Российской Федерации, тесно взаимодействуя с русской, европейской культурами, органично вливается в общее культурное пространство мирового сообщества. Достижения традиционной восточной культуры сейчас достаточно активно востребованы в международном плане и служат обогащению мировой культуры. Об этом свидетельствует возрастающий интерес к художественному и декоративно-прикладному искусству бурят, внедрение в лечебную практику методов и приемов тибетской медицины. Происходит переоценка огромного пласта художественного наследия бурятского народа буддийского искусства XVIII - начала XX веков. В связи с этим, в последнее время большое внимание уделяется возрождению сакральных и духовных основ в современной бурятской культуре. Цель данной статьи: проанализировать влияние буддийских традиций на бурятское советское искусство XX в.

Буддийское искусство с его дацанами, иконами, скульптурами на протяжении веков тесно сплетаясь с местными традициями и обычаями, несомненно, повлияло на самобытность и уникальность бурятской культуры. Но с 20-30-х гг. XX в. в искусстве основным направлением становится «соцреализм», согласно которому необходимо было отражать советскую действительность, без каких-либо «религиозных примесей». Тем не менее, глубокие национальные корни и территориальная удаленность позволили бурятским художникам сохранить своеобразие духовного мировосприятия, как в 20-30-х гг. XX в., в период становления бурятского советского искусства, так и после небольшого перерыва, вызванного войной, с конца 50-х гг. XX в., вновь возрождать, отражая мотивы ушедшей культуры.

В 20-30-х гг. XX в. первые бурятские художники в той или иной степени обращались к традициям буддийского искусства. В работах художников Р. С. Мэрдыгеева, А.Е. Хангалова,

Ц. С. Сампилова, получивших профессиональное светское художественное образование, прослеживаются традиции буддийской плоскостной иконописи. Также наряду с ними, в этот период работали дацанские иконописцы О. Будаев, Г. Эрдэнийн, Д. Тушнэ, Б. Аригунэ и др.

Одним из первых лам иконописцев, который обратился к социалистической культуре, был Осор Будаев. С 11 лет был отдан послушникам в Агинский дацан. «В 1904 году он пешком отправляется в Ургу, чтобы поучиться у знаменитых тибетских иконописцев, но попадает в мастерскую китайского художника и в совершенстве овладевает живописью, гравюрой и скульптурой» [11, с. 130-136]. К 1912 г. Осор Будаев становится признанным мастером - *зурачином*. После революции он возвращается в родное село и работает при Агинском аймачном совете, рисуя портреты вождей [1, с. 35-39].

В буддийской коллекции Национального музея Республики Бурятия (далее НМ РБ) хранится уникальная работа мастера, которая явилась этапным его произведением - икона «Сансарын Хурдэ» (Колесо Сансары), созданная по заказу А. Доржиева ко второму Всебурятскому духовному Собору буддистов, проходившему 22 декабря 1925 г. в г. Верхнеудинск. В 1927 г. икона Осора Будаева была выставлена в экспозиции первой художественной бурятской выставки, организованной Буручкомом (Бурятский ученый комитет, создан в 1922 г.). Данная работа является одной из нескольких вариантов, которых художник сделал с деревянной матрицы. Ксилографическая доска была вырезана в Гусиноозерском дацане и его оттиски разошлись по нескольким буддийским монастырям. Один из экземпляров иконы и само деревянное клише хранятся в фондах Государственного музея истории религии г. Санкт-Петербурга.

Сансарын хурдэ – сложная многосюжетная композиция, представляющая буддийскую картину мира в виде круга или колеса существования или бытия. Этот круг держит в лапах красный *ракшаса* или демон Ману – символизирующий неведение, омраченность сознания. Круг состоит из четырех частей. В центральном зеленом круге изображены три животных: петух, свинья и змея. Они символизируют три главных *клеши* или "скверны", царящих в мире – неведение, привязанность и ненависть. Второй круг поделён на светлую и темную стороны: в темной стороне изображены падающие люди, влекомые адскими существами на арканах вниз в ад. В светлой стороне показан процесс восхождения, процесс духовной эволюции человека в образах лам. Третий круг разделен на шесть секторов, представляющих собой миры, в которые низвергаются живые существа в процессе эволюции. В свою очередь они делятся на две части – верхнюю, относительно благополучную, и низшую, где живые существа подвержены страданиям. Верхняя часть – это миры богов-суров, асуров и людей. В низшей части – миры животных, духов-*претов* и демонов (ад). Мир ада разделен на восемь горячих и восемь холодных отделов ада, в центре восседает красный Яма Дхармараджа (бур.: Эрлиг хан), владыка ада в облике человека в ханских одеяниях и держит в руках зеркало – *толи*. В зеркале отражаются все деяния умерших. Перед ним изображены весы (символ справедливости), на одну чашу которых кладутся белые камушки (добрые деяния), на другую – черные (злые деяния). В четвертом круге, внешнем, изображены двенадцать картинок или нидан, символы элементов двенадцатичленной формулы зависимого происхождения, а именно *авидья* (санскр.: невежество, заблуждение), карма, шесть органов чувств, имя и форма, соприкосновение с чувственным, страстные эмоции и влечения, рождение и жизнь, старость и смерть.

В верхней части *тхангка* представлены сидящий в окружении учеников и стоящий Будды, благословляющие и указывающие человечеству на возможность духовного освобождения. В нижней части иконы справа изображена композиция Туншэ, слева – белоснежный лев и хтонические существа. В центре на желтом поле представлен текст Восьмеричного благородного пути на тибетском языке, а результат этого пути (нирвана) – вверху в виде белого круга, окруженного радужным сиянием.

Представленная О. Будаевым композиция икона «Колесо Сансары» казалось смелой и резко выделялась необычностью трактовки. По сути дела, икона О. Будаева в красочной художественной форме воплощает основные программные положения идеологии обновленческо-

го движения буддийской церкви в России. В сектор мира людей художник, помимо привычных буддийских стран Индии, Китая, Тибета, Монголии, вводит Россию. Образ России символизирует деревянная изба с сидящей на ее пороге русской женщины с ребенком на руках, лошадь с плугом и вспахивающие поле русские мужики. Новая советская жизнь здесь показана образами фабричной трубы с красным флагом и паровоза. О. Будаев смог чутко уловить ведущую линию художественных поисков того времени – создание особого «национального стиля» в искусстве на основе сохранения драгоценных пластов дацанского наследия и народного творчества. «Пионером нового советского бурятского искусства» назвал его В. Богораз-Тан, подчеркнув его умение «сочетать восточное искусство с некоторыми европейскими техническими приемами» [1, с. 35-39].

Еще одной яркой фигурой этого периода был художник-самоучка Галсан Эрдэнийн. В детстве был отдан в Агинский дацан учеником иконописца. Г. Эрдэнийн, являлся одним из представителей нового направления «стихийного реализма» в житийных иконах. Буддийское искусство в основном, сковано канонами буддийской иконографии и иконометрии, но оно, несмотря на богатство и красочность орнаментации, на разнообразии техники, не дает простора для полнокровного художественного развития. Поэтому Г. Эрдэнийн учась в дацане, стал вводить в иконы свои мысли, видения и за вольную трактовку буддийских канонов живописи был уволен из дацана.

В фондах историко-краеведческого центра НМ РБ хранятся небольшие по формату акварельные работы художника: «Шаман во время камлания», «Волк», «Семья», «Бой быков», написанные в 1920-30-х гг. Метод рисунка и техническое мастерство, выработанные у него при обучении в дацане, сохранились почти в каждой его работе. Это сохранение плоскости листа, отточенность и одновременно упрощенность рисунка.

В музее также хранятся работы еравнинских мастеров-иконописцев Даба Тушнэ и Базара Аригунэ, написанные в кон. 20 - нач. 30-х гг. XX в. Это шесть картин Даба Тушнэ: «У озера», «Новая жизнь», «Пейзаж в летнее время», «Пейзаж с железнодорожным мостом через реку», «Пейзаж с пароходом и паровозом», «Пейзаж» и две картины Базара Аригунэ: «Пейзаж озера Байкал», «Пейзаж». Работы написаны в смешанной технике (фанера, масло, минеральные камни) и посвящены «новой советской жизни» с изображениями пароходов, паровозов, мостов и пейзажа с водоемами. В данных картинах еще сохранились характерные черты буддийских икон - это изысканное сочетание цветов, тонкая детализация и та же трактовка сюжета, что и в иконах «Белый старец» (пара оленей, пришедших на водоем, или птицы, плавающие по реке). Ландшафтный фон на картинах художников удивительно похожи, также как и на буддийских иконах, все пейзажи подобные.

Именно в творчестве первых художников-самоучек О. Будаева, Г. Эрдэнийна, Д. Тушнэ, Б. Аригунэ наблюдается начало переходного периода художников от религиозно-культурного к светскому, реалистическому искусству.

Советское государство дало возможность многим молодым художникам начать свой творческий путь, получить профессиональное художественное образование. Это такие известные бурятские художники Р.С. Мэрдыеев, Ц.С. Сампилов, И.А. Аржиков и многие другие.

В фондах музея сохранились интересные работы Романа Сидоровича Мэрдыеева. В 1917-20-е гг. учился в Черемховском училище. В 1925-27-е гг. продолжает учебу в Иркутском художественном техникуме (мастерская И. Копылова), в 1932-35 гг. в институте живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств. Среди сохранившихся работ художника можно выделить такие его работы, как «Пейзаж», альбом «Тунка. 1934. 20-го июля». В этих его ранних работах видны традиции буддийской плоскостной иконописи с ее контрастностью цветосочетаний и выверенностью линий. В альбоме «Тунка. 1934. 20-го июля» Р.С. Мэрдыеева сохранился рисунок буддийского божества «Чойжил», который больше напоминает маску из буддийской мистерии Цам. В облике божества, полно одухотворенности и величия, что характерно для изображения буддийских божеств. Также в некоторых зарисов-

ках человеческих фигур видны методы рисования буддийских икон: строго фронтальное расположение фигуры, статичность, позы, напоминающие позы буддийских божеств. На одной из страниц альбома простым карандашом нарисована женская фигура, которая напоминает женское божество Белую Тару, богиню милосердия и дарительницу долгой и счастливой жизни.

Р. С. Мэрдыеев прошел большой и сложный путь в искусстве. Поиски, находки и даже творческие неудачи этого своеобразного мастера определяются особенностями художественной культуры бурятского народа в один из сложных противоречивых и вместе с тем интересных периодов ее становления и развития [7, с. 113].

Наиболее показательным в процессе становления бурятской живописи в 1920-1930-х гг. является творчество Ц. Сампилова, художника реалистического склада, с деятельностью которого связаны крупнейшие завоевания национальной живописи на начальном и последующем этапе.

Сампилов Цыренжап Сампилович учился в студии Жукова и Читинском художественно-промышленном училище, затем в Москве в Высшем художественно-техническом институте. Ц.С. Сампилов, работая в Бурятском издательстве, откликнулся на бурные события того времени (борьба с кулачеством и ламством) серией карикатур, в которых высмеивались пороки представителей обоих классов [6, с. 3-4].

В собрании историко-краеведческого центра НМ РБ хранятся небольшие акварельные рисунки на остросатирические и злободневные темы того периода, а также альбомы с зарисовками бурятских узоров художника. Это малоизвестные широкой публике работы: «Ламы в бурятской юрте», «Подношение ламе одежды умершего», «У ламы» и т. д. В своих акварелях художник умело использует выразительные качества цвета. Яркие цветовые сочетания желтого с красным, оранжевого с белым говорят о безусловном обращении к национальным традициям, прежде всего к буддийской иконографии. Сама тема и манера изображения лам в рисунках художника показывает негативное отношение к религии, чего требует советская идеология. Однако, по нашему мнению, в рисунках Ц. Сампилова просматривается почтительное отношение к буддийским божествам и вере. Это показано в тщательно вырисованных алтарях с божницей, в некоторых ламах, в лицах которых присутствует одухотворенное выражение, показывающее истинных последователей буддизма.

С середины 1920-х гг. и практически до конца своей жизни Ц. Сампилов занимался сбором материалов по бурятскому орнаменту. Участвуя в научных экспедициях Буручкома по дацанам, бывая в различных аймаках, он тщательно копировал наиболее интересные узоры. Тщательно изучив характерные особенности бурятского орнамента, Ц. Сампилов берется за разработку новых мотивов орнаментики. Часто встречается мотив, созданный самим художником: симметрично расположенные круги, вписанные в прямоугольник или в квадрат, охваченные вкруговую растительными рамками, с обязательным включением традиционных элементов как плетенка - «улзий» (по буддийской мифологии «улзий – одна из восьми благоприятных символов – бесконечная нить счастья»), так и орнаментальный мотив «хусын эбэр» (бараний рог). С большим вкусом и знанием народного узора он вводил в традиционный бурятский орнамент элементы советской эмблематики [3, с. 56-57].

Ситуацию 1920-30-х гг. XX в. резюмирует М. Сарьдак (Б. Ц. Найдаков), один из первых советских публицистов, критиков, поэтов и прозаиков Бурятии: «Изобразительное искусство бурят-монголов основы свои заложило, но тематика большинства картин не созвучна времени, школы у наших художников еще не совсем достаточно. Есть не желательные мотивы в некоторых картинах, религиозно националистические стремления, чрезмерная насыщенность картин мотивами прошлого, или старинного патриархального, захолустного улуса, куда Октябрь еще не проник» [8, с. 90-96].

Идеологическая установка конца 30-х гг. XX в. решительно отвергла дальнейшее использование традиции буддийского искусства, и ведущая роль в художественной культуре переходит к социалистическому реализму. Буддийское искусство, которое в течение нескольких

столетий было неотъемлемой частью духовной культуры бурятского народа, не могло уйти в небытие навсегда и попытки обращения к буддийским традициям, наблюдались вплоть до конца 30-х гг. XX в., а после вызванного войной перерыва с новой силой начинают возрождаться со II пол. XX в.

Вторая половина XX в. насыщена глобальными переменами в жизни страны и сознании людей. Искусство же обладает свойством объективно отражать духовное состояние своего времени. Время перемен подвигло художников на более пристальный взгляд на современную действительность, на философское осмысление своего предназначения, на прошлое своего народа, на изучение старобурятского искусства и поиски своей самобытности. Появляются работы самобытных мастеров: Ц.-Н. Очирова, Д.Г. Пурбуева, А.Н. Сахаровской, А.О. Цыбиковой и мн. др.

В фондах историко-краеведческого центра хранятся работы мастера-самоучки Цырен-Намжил Очировича Очирова: «Побег», «Фронтовик показывает извлеченную из тела пулю», «Партизан Патий указывает маршрут. 1919 г. Забайкалье», «Сэргэ» и т. д. В картинах Ц.-Н. Очирова перед зрителем предстает бесхитрое и вместе с тем глубоко содержательное описание будней бурят-скотоводов и запечатлен традиционный образ мира старой бурятской культуры.

Творениям Ц.-Н. Очирова характерна печать уникальности и самобытности, глубокая и неразрывная связь с традицией восточной графики. Графическая манера Очирова необычайно индивидуальна, разнообразна и выразительна. Он словно всякий раз заново открывает для себя неисчерпаемые ресурсы техники рисунка тушью (пером или кистью). Очертание фигур, контуры изображений создаются особой вихрящейся линией. Его работы соответствуют китайскому понятию «шаньшуй» - горы-воды, то есть «мир земной», чье изображение присутствует во многих тибетских и бурятских иконах, где мирское и сакральное начало в единстве, причем изобразительные композиции бурятской иконы значительно ближе народной жизни, так как в бурятском ламаизме в большей мере сохранились старые, добуддийские мифологические представления [5, с. 95-99]. Облака и деревья, озера и камни предстают в рисунках Очирова полноправными действующими лицами, взаимодействуя с людьми и между собой. Впечатлению единства мира, связи с небом способствовал оригинальный прием изображения облаков, выходящих из отверстия юрт и горящего очага, выполненные в традициях буддийской орнаментики. По преданию считалось, что через кольцо дымника (тооно) в юрту могут проникать божественные высшие силы, посещение которых неотвратимо.

Творчество Ц.-Н. Очирова являет собой замечательный культурный феномен, это пример драгоценного сплава традиционной фольклорной и буддийской культур.

Своеобразная манера письма, стиль, чем-то напоминающий старо-бурятскую живопись, выделяют творчество Доржи Гармаевича Пурбуева. Художник закончил Таллинский государственный художественный институт в 1973 г. Его гравюры отличает тонкое философское осмысление каждого цикла, каждой работы, филигранной техникой глубокой печати. Черный цвет достигает подчас такой глубины, что становится одухотворенным, а неяркое светлое пятно приобретает эффект ослепительного свечения.

В фондах музея хранятся работы из циклов «Сталинизм: 1937. Уничтожение. Аресты, ссылки лам» (1991), «Памяти погибших лам» (1993), «Цаннид-Хамбо *Агван Доржиев*». Эти работы наполнены глубоким драматизмом. Здесь нет певучих плавных линий, штрихи короткие, резкие, как бы пронизывают все изображения. На картинах цикла «Сталинизм: 1937. Уничтожение. Аресты, ссылки лам», силуэты буддийских божеств, лам, *хувараков* (учеников) высвечены на фоне темных расстрелянных людей или связанных перед расстрелом лам именно тем неярким цветом, который характерен для художника. Этот эффект дает понимание всей глубины трагедии 30-х гг. XX в. Цикл иллюстраций к книге «Цаннид-Хамбо *Агван Доржиев*» выполнен в форме буддийской книги, обрамлен темно-синим шелком, что уже несет художественную и смысловую нагрузку и говорит о приверженности автора к буддийской философии.

Таким образом, мы видим, что буддийские традиции влияли на культуру Бурятии на протяжении всего XX в. Каждый самобытный художник в своем творчестве обращался к религиозным буддийским корням на разном уровне: философские, психологические идеи или только внешние символы. Творчески переосмыслив традиции национального художественно-культурного наследия, они создали собственные реконструкции и интерпретации буддийских мотивов, которые сделали возможным не только сохранение, но и продолжение традиций. И, следовательно, хранящиеся в собрании НМ РБ работы бурятских художников являются уникальным фондом, который иллюстрирует историю становления и развития профессионального искусства Бурятии и весь сложный процесс искания путей становления бурятского искусства в XX в.

Примечания

1. Балдано И. Страницы истории бурятского изобразительного искусства // Искусство. 1981. № 27. С. 35-39.
2. Балдано И. Галсан Эрдэнийн. К истории бурятского изобразительного искусства // Советская графика. М., 1983. С. 292-302.
3. Бороноева Т. А. Графика Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 127 с.
4. Герасимова К. М. Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций. Трактаты по иконометрии и композиции Амдо XVII в.- Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1971. 303 с.
5. Иофан М., Цыбыктарова С. Художник из Могсохона // Знание – сила. 1990. № 21. С. 95-99.
6. Панкратова Е. С. Ц. Сампилов. М., 1962. 95 с.
7. Соктоева И. И. Живопись Советской Бурятии. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1965. 187 с.
8. Санжиева Е. Г. Воздействие буддизма на становление бурятской культуры // Проблемы истории культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т 2. Социология. Культурология и искусство : материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2000. С. 88 -92.
9. Сарьдак М. Об изобразительном искусстве бурят-монголов (критический этюд) // Жизнь Бурятии. 1929. № 25. С. 90-96.
10. Художники Бурятии : каталог. 80-90-е гг. Улан-Удэ, 2000. С. 2-64.
11. Цыбыктарова С. Д. Осор Будаев – мастер Петроградского буддийского храма // Байкал. Улан-Удэ, 1990. № 5. С. 130-136.

УДК 294.3+75.054

Жамбаева Т.И.

СИМВОЛИКА ДЕКОРА БУДДИЙСКИХ БУРЯТСКИХ ХРАМОВ THE SYMBOLISM OF THE DECOR OF THE BURYAT BUDDHIST TEMPLES

В данной статье рассматривается вопрос символики и генезиса декора буддийских бурятских храмов как системы расположения, проецирующей религиозно-философскую концепцию мандала. Указаны виды декора и технология исполнения. Храмовый декор является неотъемлемой частью самобытного облика бурятского храма как результат деятельности бурятской художественной школы мастеров XIX века.

This article discusses the symbolism and genesis of the decor of the Buryat Buddhist temples, which is considered as a systematic location projecting a religious-philosophical concept of the mandala. The kinds of decoration and technique are indicated. The temple decoration is an integral part of the Buryat temple's identity and a product of masters of the Buryat art school of the nineteenth century.

Ключевые слова: Антаблемент, дацан, декор, знак, мандала, мотив, орнамент, портик, сандрик, чеканка.

Keywords: The entablature, temple, decoration, sign, mandala, motive, ornament, portico, fascia, chasing.

Декор буддийских храмов - одно из значительных достижений в бурятском искусстве. С ним связан высокий уровень пластического мышления мастеров, которые создали синтез архитектуры, резьбы, скульптуры, росписи, цветового звучания в облике бурятских буддийских храмов. Период строительства и декоративного оформления в сер. XIX в. в Забайкалье связывается с понятием "художественная школа", что свидетельствует о высоком уровне профессионализма, сплоченности, собственной манере исполнения, творческой переработке образцов храмового строительства соседних стран бурятскими мастерами. Большинство дацанов Забайкалья были построены "Оронгойской школой мастеров", также известны произведения школы хоринских дарханов, сформировалась традиция школы бурятских танкописцев. Благодаря деятельности мастеров XVIII в., XIX в., нач. XX в. мы можем сегодня говорить о бурятской художественной традиции в буддийском искусстве.

Декор в архитектуре бурятских храмов концентрируется в оформлении портиков, дверей, окон, карнизов и крыши. По технике исполнения его можно разделить на: резьбу по дереву, резьбу по камню, роспись, чеканку и технику создания монументально-декоративной скульптуры. По смысловому признаку декор делится на орнаментальный, как например, лотосовый, алхан хээ (бурят. молоточковый) или растительный орнаменты; а также, на знаковый, например, ваджра, ганжир, толи, сосуд бумба и др. В целом, концентрируется декор в украшении южного парадного портика в виде орнаментальных рядов антаблемента, число которых обычно варьировалось до шести. Декоративная композиция антаблемента повторялась в украшении дверных блоков, сандриков, в портиках второго или третьего ярусов, если храм был трехярусный. Таким образом достигалась декоративная целостность, гармоничное звучание всех ярусов храма, всего художественного облика храмового сооружения. Далее, основополагающее значение в соразмерности расположения декора имела религиозно-философская концепция мандала - буддийская модель Вселенной. С мандалой связано сложение системы расположения декора в архитектуре бурятских храмов, так как она является основой для всех произведений буддийского искусства, создающихся по канону. Буддийские храмы несмотря на разнообразное региональное объемно-пространственное композиционное строение имеют в своей идейной основе диаграмму мандала или гору Сумеру, ее центр. То есть система декора и вся архитектурная композиция бурятских храмов - это трехмерная проекция мандалы.

Бурятские храмы практически с XVIII в., времени начала строительства первых кошмовых, затем деревянных храмов имели собственное регионально-пластическое решение, связанное и с климатическими, географическими и историко-политическими факторами. Формирование школы бурятского зодчества датируется 30-40-ми гг. XIX в., временем появления нового типа бурятского цокчина, временем появления бурятских строительно-художественных артелей и, в первую очередь, школы оронгойских мастеров. Начиная с Гусиноозерского цокчин дугана, строятся монументальные храмы квадратные в плане несколько растянутые в широтном направлении: «30,08x25,80 м без портика (Агинский), 27,66x23,40 м без портика (Гусиноозерский)...» [2, с. 163]. С монолитным, чаще белоснежным нижним ярусом и ровными рядами окон боковых фасадов, с парадным южным портиком и системой бурятского ордера, легкими верхними деревянными ярусами - храмы данного типа во многом обрели своеобразный облик благодаря архитектурному декору.

У входа в храм, по обе стороны от крыльца, устанавливаются парные фигуры льва и львицы, один с шаром, другая - с львенком. Символически, фигуры львов являются верными служителями, охраняющими вход в храм. Художественная трактовка их облика напоминает больше собак с пышной гривой, укороченной мордой, так как отражает тибетский миф о снежном льве, который обитает в Гималаях. В культовом искусстве северного буддизма распространено изображение снежного льва и в иконографии, и у подножия трона верховного

ламы т.н. "львиный трон", и в виде скульптур львов у входа в храм. Также можно отметить, что парные фигуры льва имеют корни происхождения в древнекитайской мифологии. В тибетской иконографии "шар сравнивают с драгоценностью или солнечным диском..." - указывает Роберт Бир в книге "Энциклопедия тибетских символов" [1, с. 106]. Более древняя художественная традиция образа льва идет из Индии. Со львом отождествлялся Будда, к нему относится такой эпитет как Шакьясимха (санскр.) "Лев из рода Шакья", олицетворение силы и могущества. Образ льва широко представлен в памятниках буддийского искусства периода правления Ашоки (273-232 гг. до н.э.).

Двери и стены буддийского храма часто несут знак ваджры (санскр.) молния или алмаз; прежде всего функция ваджры в декоре связана с защитой. Как атрибут, в основном гневных божеств, класса дхармапал, ваджра превращается в жезл, который рассекает различные препятствия или врагов веры, обладая силой и энергией молнии. Символическая связь с молнией связана с индуистским происхождением ваджры как атрибута бога грома и молнии - Индры. Термин ваджра также звучит в названиях священных текстов – сутр, как приставка, обозначающая силу слова, например, "Ваджрачхедика" (Тибет), "Алмазная сутра" (Китай, IX в.). Нередко на стенах на уровне карниза первого или второго яруса размещали намчжувандан – молитву, обозначающую монограмму Калачакры, выполненную как орнаментальная каллиграфия.

Также дверные полотна расписывали благопожелательными орнаментальными мотивами: "шоу" (кит.) - знак долголетия, "алхан хээ" (бурят.) - молоточный узор, своего рода меандр, символизирующий движение жизни, использовали символику "улзы" (бурят.) - плетенку или узел долголетия и благопожелания; мотив "тумэн жаргалан" (бурят.) - буквально переводится "десять лет счастья", нередко размещали растительно-цветочные медальоны. Двери как и колонны в бурятских храмах традиционно имеют красный цвет, который несет значение огня, жизни. Несомненно, что пятитонная цветовая система, принятая в бурятском народном искусстве, сохранилась и развилась с распространением буддийского искусства. Красные колонны портиков-входов называли багана, как опоры в юртах, поддерживающих верхнее окно.

Колонны завершались квадратными капителями (бурят. хобто), четыре стороны расписывали мотивами перекрестной ваджры, облаков, парных колец. По обе стороны или над капителью сооружали кронштейны (бурят.) номо, не имеющие конструктивной функции, как и многие другие части антаблемента. В целом, портики храмов (бурят. добжо) представляют согласованную систему опор и перекрытий, при наличии колонн, капителей, антаблемента, то есть мы в данном случае можем говорить о бурятском ордере. Перекрытие представлено антаблементом, который насчитывает шесть орнаментальных рядов, свободно чередующихся, так как ряды перекрытий не несли первоначальную конструктивную нагрузку.

Обычно нижний ряд - эрхи (бурят. четки) выполняется в виде белых кружочков, имеющих сходство с рядами четок; в других частях храма не встречается. Далее, ряд тобируу - чередование квадратов и кругов торцевых сторон стропил. Затем, бантаб (тиб.) - орнаментальный ряд из лепестков лотоса. Образ лотоса широко применяется в буддийском искусстве всех стран индо-буддийского ареала, это основополагающий символ, иногда заменяющий мандалу - буддийскую модель Вселенной, также, лotosовый трон служит основанием как сидящих, так и стоящих божеств. Как орнаментальный узор в бурятских храмах он встречается в антаблементе, дверных блоках, оконных сандриках. Художники обычно применяли прием градации, плавного перехода тонов в орнаменте бантаб. Полоса фриза (бурят. хэжим) наиболее широкая из всех рядов антаблемента, в виде бардового фриза, на котором сияют медные диски толи. Толи (тиб., монг.) означает зеркало, таким образом, его сияние должно распространять свет учения, и тем самым отгонять злых духов. В качестве материала для изготовления толи применяют медь, обработанную в технике чеканки. Можно отметить интересное происхождение бардового фриза, имитация которого стала обязательной в декоре бурятских храмов. В Тибете храмы имеют форму цзонов - средневековых замков с контрфорсами и плоскими крышами, последние перекрывались брусом самшитового дерева, который со временем

темнел, образуя со стороны фасада темно-бардовую полосу. Ряд гурби - фасонный брус для обшивки карниза. Далее, орнаментальный ряд "шубуун хоног" (бурят. ласточкино гнездо), вид геометрического орнамента, напоминает соты, вырезанные квадратами в шахматном порядке. Композиция декоративных рядов антаблемента: бантаб, тобируу, шубуун хоног украшали двери и окна. Двери и окна также дополнялись орнаментальными мотивами, не входившими в антаблемент: тумэн жаргалан (бурят.) десять тысяч лет счастья; алхан хээ - молоточковый орнамент или меандр; хас тамга - бурятский орнамент на основе древнеиндийской свастики, символа движения солнца; орнаментальная композиция из трех кругов в чаше – гурбан эрдэни (монг., бурят.) или три драгоценности, в философии буддизма они обозначают Будду, Дхарму и Сангху.

Завершали оформление крыши следующие декоративные элементы: уняя (бурят.), дулэ (бурят.), жалцан (тиб.) и ганжир (тиб.). Уняя набивные бруски, имитирующие концы стропил на широких выступах карниза, под кровлей. Происхождение бурятского обозначения данных брусков связано с жердями, образующими каркасное перекрытие в бурятской юрте. Дулэ (бурят.) или бадра (монг.), ешей-ме (тиб.) то есть пламя, помещали на углах крыш как символ защиты от злых духов. Иногда декоративный элемент дулэ заменялся головами драконов или макар. Макары - это фантастические существа, имеющие собирательный облик: дракона, змеи, крокодила и слона, почитались еще в Древней Индии как олицетворение силы.

В центре южного парадного портика устанавливается композиция "Чойхорло" (монг.) Колесо учения. Скульптурно-декоративная композиция символизирует первую проповедь Будды в парке в Сарнатхе, и первых слушателей – двух ланей. Во времена правления Ашоки изображение Колеса заменяло образ самого Будды в статусе Чакравартина (санскр.) "тот, кто повернул колесо"; далее, колесо с восемью спицами означает учение Будды или дхарму. Данная композиция канонична в том плане, что в центре всегда помещается колесо, и две лани по обе стороны. Свободой отличается интерпретация ланей, сидящих или реже стоящих на простой подставке, которая могла быть украшена лотосовым орнаментом. Колесо чаще установлено на перевернутом бутоне лотоса как на подставке. Также основанием колеса могла служить бумба (спицы иногда декорируются цветами, растительными завитками, спицы могут оканчиваться "тремя драгоценностями", мотивами облаков. Вся композиция исполняется в технике чеканки по листовой меди, затем покрывается золотой фольгой.

Ганжир (тиб. полный сокровищ) - это знак веры, излучающий свет. Аналогично бумбе, которая закладывается в основании храма, на коньке крыши, по центру помещается ганжир. И в бумбу и в ганжир закладываются внутрь тексты молитв; так создается центральная ось сооружения, если рассматривать храм как модель Вселенной, соответственно концепции мандала.

По обе стороны от ганжира устанавливаются жалцаны (тиб. знак победителя). Технология та же, что и при создании ганжира, также во внутрь закладываются мани. Жалцаны дополняют "вазоподобный сосуд", если ганжир - знак веры, то жалцаны - знак победителя, это название они получили в связи с тем, что монахи тибетцы помещали знаки цилиндрической формы на высоких просматриваемых местах.

В заключении необходимо сказать, что декор в архитектуре бурятских храмов можно разделить на каноничный по расположению и символике - толи, дулэ, композиция Чойхорол, ганжир, жалцаны; и варьируемый, ими украшали некоторые ряды антаблемента, дверные полотна и блоки, оконные сандрики, перила окружных галерей и их декоративное оформление. В целом, по характеру расположения декор представляет систему, выявляющую основные точки геометрической диаграммы буддийской Вселенной - мандалы.

Примечания

1. Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М. : Ориенталия, Самадхи, 2011. 428 с.
2. Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск : Наука, 1983. 191 с.

Кабунова Е.М.

**БУДДИЙСКАЯ ЖИВОПИСЬ ТАНКА В СОБРАНИИ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ им. В.П. СУКАЧЁВА:
ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ И ОПЫТ АТРИБУЦИИ**
**BUDDHIST ICON THANGKA IN THE COLLECTION OF SUKACHEV IRKUTSK
REGIONAL ART MUSEUM: HISTORY OF THE COLLECTION AND ATTRIBUTION
EXPERIENCE**

Статья посвящена истории формирования коллекции буддийской живописи *танка* в собрании Иркутского областного художественного музея имени В.П. Сукачёва. Рассмотрены основные этапы возникновения коллекции и история бытования, проанализирована степень ее изученности, приведены отдельные примеры атрибуции и описание ряда работ. Особое внимание уделено коллекции музея при ВСОИРГО, которая в значительной степени способствовала формированию коллекции буддийского искусства ИОХМ им. В.П. Сукачёва.

The article is dedicated to the history of formation of the collection of Buddhist painting *thangka* in Sukachev Irkutsk Regional Art Museum. We reviewed main stages of formation of the collection and life of the icons, analyzed its state of knowledge and provided the examples of attribution and description of several works. We also devoted special attention to the collection of East Siberian Branch of Imperial Russian Geographical Society that significantly encouraged formation of the collection of Buddhist art in Sukachev Irkutsk Regional Art Museum.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, восточное искусство, Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачёва, танка, свитковая живопись, божество, Будда.

Keywords: Eastern Siberia, Oriental art, East Siberian Branch of Imperial Russian Geographical Society, Sukachev Irkutsk Regional Art Museum, *thangka*, scroll painting, deity, Buddha.

Танка (*than ka* или *sku than*) – это особая живопись на ткани, связанная с целым рядом ритуалов и таинств. Каждая танка при помощи определенных художественных средств: композиции, цвета, формы – воплощает в себе глубокую философию буддизма и представляет ценность как изображение религиозного содержания, которому поклоняются и которое используют в буддийских обрядах и церемониях. Тем не менее, танка нельзя рассматривать только как предмет религиозного культа. Она является также и произведением искусства, которое имеет свои художественные, стилистические и композиционные достоинства. Как музейный предмет танка должна рассматриваться именно с этих позиций – в ее совокупной значимости, что дает возможность специалистам наиболее объективно оценить ее уникальность и самобытность.

В собрании Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачёва (ИОХМ) имеется небольшая (62 произведения) коллекция буддийской живописи танка. Значительную часть собрания составляют иконы, переданные в 1925 г. и 1936 г. этнографическим отделом Иркутского государственного музея бывшего Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). Несмотря на небольшой количественный состав, коллекция буддийской иконы разнообразна и представляет большой интерес как для специалистов, так и для широкого круга посетителей музея.

Надо отметить, что буддийская живопись танка – лишь малая часть восточного собрания ИОХМ, которое в целом насчитывает около 2500 произведений, может познакомить с искусством Китая, Японии, Монголии и Бурятии и хронологически охватывает период с XIII по XXI вв.

Формированию столь значительной коллекции во многом способствовала деятельность ВСОИРГО, созданного в 1851 г. Именно коллекция музея при ВСОИРГО, собранная

исследователями Востока на рубеже XIX–XX вв., стала впоследствии основой восточного собрания художественного музея.

Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества играл значительную роль в духовной и художественной жизни Иркутска во второй половине XIX в. Горячим поклонником идеи открытия Сибирского отдела был генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, один из образованнейших людей своего времени. Отдавая все свои силы вопросам преобразования края, он понимал важность Отдела и поддерживал его начинания.

С первых же дней своего существования ВСОИРГО стал проводить большую научно-исследовательскую и культурно-просветительскую работу и тем самым привлек внимание интеллигентной и образованной части иркутской общественности к жизни региона. Отдел устраивал ежегодные художественные выставки в собственном музее. Члены ВСОИРГО занимались исследованиями обширного региона и изучали не только Сибирь, но и страны Востока – Монголию, Китай, Японию. Иркутск был связан с этими государствами дипломатическими и экономическими миссиями. Здесь формировались научные экспедиции и проходили торговые пути из Востока в Европу. По мере развития торговых отношений с сопредельными странами в Сибирь стали поступать, помимо традиционных товаров, и художественно исполненные вещи [26, с. 161].

Экспедиции таких известных исследователей, ученых и этнографов, как Г. Потанина, Д. Гомбоева, И. Подгорбунского, возвращаясь из пограничных стран, привозили разнообразные предметы культуры и быта.

Местные культы Сибири – шаманизм и буддизм (распространенный в форме ламаизма среди бурят и жителей Монголии) – также интересовали исследователей из ВСОИРГО. Они привлекали ученых своими необычными обрядами, яркими мистериями, глубокой философией. ВСОИРГО поддерживал постоянные связи с ламами Восточной Сибири, от которых в коллекцию созданного в 1854 г. Отделом музея поступали пожертвования предметов культа, скульптурные образы божеств, буддийские иконы, составившие основу буддийского собрания. Так, в XIX в. среди коллекционеров пользовался известностью старший брат знатока восточного искусства Н. Гомбоева Дампил Гомбоев – бандидо хамбо-лама Гусиноозерского дацана (Бурятия). В 1888 г. он передал в музей Отдела 21 предмет буддийского культа [26, с. 163].

С установлением в Иркутске советской власти в 1922 г. музей ВСОИРГО вошел в сеть государственных музеев и стал подчиняться отделу по делам музеев Главнауки. Позже на базе его коллекции возник Краеведческий музей, при котором был создан художественный отдел. В 1936 г. этот отдел выделился в самостоятельный Иркутский областной художественный музей, куда и перешла часть восточного собрания музея бывшего ВСОИРГО.

Коллекция исторической народной картины *няньхуа*, японская гравюра *укиезэ*, китайский фарфор, японские изделия из бронзы, резные *нэцкэ*, веера, народная вышивка, буддийская живопись танка – это лишь небольшой перечень редкостей музея ВСОИРГО, украшающих в настоящее время залы Иркутского областного художественного музея.

Что касается буддийской коллекции танка, то после первой и значительной ее передачи из фондов музея ВСОИРГО в 1925–1936 гг. следующим достаточно крупным поступлением стало приобретение в 1995 г. более 20 икон у коллекционера С.М. Можаровского. Другим источником формирования коллекции икон явилось дарение. Среди меценатов оказались П.Г. Маляревский, В.В. Величко, Б. Кербель, искусствовед и мастер по живописи танка Н.Д. Дондокова. В 2004 г. известный иркутский коллекционер А.В. Иващенко передал в дар музею 6 икон – произведения монгольских и бурятских мастеров XIX–XX вв.

Можно говорить о том, что первоначально музейная коллекция буддийской традиционной живописи формировалась бессистемно и неупорядоченно. Впрочем, это касается и всей восточной коллекции. Вспоминая 1929–1933 гг., первый директор художественного музея Г.И. Дудин пишет: «В течение этих лет картинная галерея, да и весь музей переживали

мрачный период в своей деятельности. Рост художественных фондов резко сократился, а поступающие экспонаты инвентаризировались небрежно или совсем не приходывались. Учет и место хранения их потеряли всякое практическое значение, в результате чего ценные предметы и даже целые коллекции оказывались в других отделах музея, где они разрознились, а зачастую просто терялись» [4, с. 67].

Отсутствие специалистов по искусству буддизма нередко приводило к путанице при заполнении инвентарных книг и внесении базовых данных. Например, в инвентарных книгах имеются произведения, где в графе «Автор и сведения о нем» значится: «Китай (?)» [16; 18], «Монголия (?)» [17] или «бурято-монгольский мастер» [20]. Разночтения касались как определения изображенного божества, так и техники написания танка. При заполнении графы «Материал, техника» встречается: «бумага, тушь» [6]; «бумага, акварель» [19; 21]; «ткань, гуашь» [20]; с 1980-х гг. – «холст, минеральные краски» [7; 8].

До последнего времени в отечественной искусствоведческой науке технике и технологии живописи танка практически не уделяли внимания. Это объясняется, во-первых, тем, что только в 20-х гг. XX в. искусствоведы обратились к изучению танка; во-вторых, сложившимся ошибочным мнением об одинаковом и неизменном технологическом построении этой живописи по всей территории ее распространения за все время существования; и, в-третьих, некоторой недооценкой важности знания технологии живописи для систематизации и атрибуции картин [23, с. 120].

Даже при внешнем анализе технологии написания танка (вид холста, качество грунта, краски – природные или химические, обрамление иконы и т. д.) в сочетании с техникой исполнения и рассмотрением второстепенных деталей изображения можно уточнить (или подтвердить) хронологические рамки некоторых работ.

Например, танка «Зеленая Тара» XIX в. («бурято-монгольский мастер» [15] отличает не столь тщательное соблюдение правил технологии, которого требовал от иконописца канон. На тонкую хлопчатобумажную ткань нанесен слой почти прозрачной проклейки без какого-либо наполнителя (мела или толченой кости) так, что живописное изображение просвечивает. Краски по своей плотности и цвету выдают добавление современных красителей. Скорее всего, художник работал по исходному трафарету, а после нанесения красочного слоя контуры были обведены простым химическим карандашом. Живописное полотно небрежно вшито в обрамление, явно не подходящее ему по размерам, вследствие чего произошла деформация холста. Вышеперечисленные признаки позволяют уточнить датировку иконы как конец XIX или начало XX вв. – тот период, когда Монголию и Бурятию заполнили работы ремесленных иконописцев, не оказавших существенного влияния на развитие профессиональной буддийской иконы.

Как дар известного иркутского коллекционера А.В. Иващенко, в 2004 г. в собрание буддийского искусства ИОХМ поступила танка «Будда Амитабха» [12], датируемая XIX в. Однако после тщательного рассмотрения иконы можно более конкретно обозначить хронологические рамки ее создания и определить, что танка была написана бурятским мастером в конце XVIII в. или в самом начале XIX в.

Танка представляет однофигурную композицию. В центре восседающим на лotosовом троне изображен Будда Амитабха – создатель и владыка рая Сукхавати, олицетворение «неизмеримого света». Композиция иконы, поза и атрибуты божества соответствуют традиционной иконографии.

В изображении складок одежды, лепестков лотоса использована тонкая, тщательная прорисовка контуров, что выдает руку умелого мастера. В образе Будды и окружающем его пейзаже можно отметить преобладание округлых линий и форм, усиливающих состояние умиротворения и созерцательности божества. Подобранные цветовые решения – иконописец использует сдержанные, приглушенные цвета: серый, голубой, светло-зеленый, – соответствует общему настрою танка.

По ряду отличительных особенностей, которые приводит искусствовед А.Ш. Гомбоева в статье «Буддийская танка в Бурятии» [3, с. 41], определяя хронологические рамки бурятской буддийской иконописи, икону из музейного собрания можно атрибутировать как работу бурятского мастера конца XVIII – начала XIX вв. Об этом свидетельствует строгий приглушенный колорит иконы; абстрактно-геометрическое изображение воды и облаков; простота и лаконичность композиции и при этом энергичная линия; использование для обрамления простой хлопчатобумажной ткани темно-синего цвета. Судя по небольшому размеру танка (30 × 41 см) и достаточно простому обрамлению, скорее всего, она предназначалась для домашнего алтаря, а не для храмовых обрядов и торжеств.

Практически все танка из собрания ИОХМ имеют осыпи, мятины, фрагментарные утраты холста. Вышеперечисленные недостатки осложняют работу по атрибуции предметов, а нарушения и загрязнения красочной поверхности полотна затрудняют выявление живописных особенностей произведения и определение иконописной школы. Однако благодаря сотрудничеству с реставрационными мастерскими Государственного Эрмитажа, в период с конца 1980-х гг. по начало 1990-х гг. было отреставрировано более 200 произведений графического искусства Востока из фондов ИОХМ, в том числе и некоторые произведения буддийской живописи.

При работе с рядом буддийских икон из собрания ИОХМ нами была подробно рассмотрена иконография божеств и выявлены особенности их колорита. Обращение к иконографическим сборникам [25] позволило внести уточнения в наименование некоторых произведений. Степень надежности и авторитарности подобных источников в самостоятельной работе с буддийской иконой достаточно высока. Это связано в первую очередь с тем, что высокая степень разработанности в традиции буддизма иконографических и иконометрических норм, определяющих внешний облик персонажей, делает чрезвычайно похожими произведения различных мастеров, работавших в разные века и в разных странах.

Так, икону «Будда Шакья-Муни» [10] по иконографическому канону следует определить как «Будда и 18 архатов», образ Зеленой Тары на танке «Зеленая Тара» [14] можно идентифицировать как «Зеленая Тара – спасительница от восьми страданий Сансары». Подобные уточнения в наименовании иконы очень важны, поскольку от канонического типа того или иного божества зависит смысловое наполнение сюжета, а также особенности «расшифровки» других персонажей или атрибутов.

При работе с произведениями буддийского искусства из собрания ИОХМ значительную сложность вызывает различие специальных терминов и имен божеств, пантеон которых в буддизме обширен. Иконография Ваджраяны насчитывает сотни персонажей, выступающих под разными формами в контексте огромного количества иконографических и ритуальных текстов, а также предыдущего развития и раскрытия буддизма в целом [5, с. 6]. Нередко одно и то же божество имеет несколько десятков различных форм и имен, воспроизводимых в тибетской, монгольской и бурятской традициях совершенно по-разному.

В 2000 г. известный иконописец Н.Н. Дудко, просмотрев некоторые танка из коллекции музея, провел их атрибуцию, которая нами была уточнена и расширена.

Согласно атрибуции Николая Николаевича, на танка «Гу-Нга (пять братьев)» [11] в центре композиции изображен Доржи Наг-по. Исходя из подобного иконографического типа, приведенного в «Историко-культурном атласе Бурятии» [22, с. 429], нами было сделано уточнение, впоследствии подтвержденное буддийским скульптором Д. Будажабэ и самим Н. Дудко, о том, что на иконе изображен Дамчен Ваджрасадху («Обладающий Обетами Добрый Ваджра»). «Дамчен Ваджрасадху», как и «Доржи Наг-по» – имена одного и того же божества, но в разных транскрипциях. И именно с такими дополнениями оно было внесено в музейную информационную систему КАМИС.

«Гандхарва» – такое название иконы под номером [9] было записано в инвентарной книге. Согласно определению и описанию божества «Гандхарва» в разных литературных источниках [24, с. 672], на нашей танка изображено не вышеназванное божество. Иконописец

Н. Дудко определил изображенный на свитке образ как «Долга» или «Ю-дон-ма». Однако по ряду иконографических особенностей (и с согласования с Д. Будажабэ и Н. Дудко) более точным будет назвать данный тип танка «Губилха» или «Пять Лха» [22, с. 312]. Определение стало возможным при сопоставлении главных и второстепенных персонажей, их атрибутов, жестов и поз с изображениями на других танка и в иконографических сборниках.

Большой исследовательский интерес представляет танка «Цаган Убугун» [21], подаренная музею коллекционером А.В. Иващенко. Цаган Убугун, или Белый Старец, в иконографии тантрийского буддийского искусства относится к категории Локапал (группа божеств, связанная с различными формами активности, к которым относится охрана местности, сторон света, привлечение и приумножение богатства практикующих). В сутрах, посвященных Цаган Убугуну, сказано, что его почитали как хозяина земли, лесов, рек, а также как «хозяина скота». Белый Старец был излюбленным сюжетом для бурятских художников и скульпторов.

Этот сложный синкретический образ доламаистского культа дошел до нас и в древней, и в более поздней форме. В поздней традиции Цаган Убугун изображался, как правило, на фоне природы и в окружении брачных пар животных и птиц [2, с. 10–11]. Танка с подобным иконографическим типом имеется в коллекции ИОХМ. А вот менее распространенного варианта – когда Белый Старец изображается в виде жреца, восседающего на троне (иногда в небесной часовне), – в восточной коллекции ИОХМ еще не было.

Цаган Убугун изображен в фас, в центре полотна, восседающим на троне, «с белой, как снег, бородой и волосами цвета раковины» [1, с. 55] и с большим, высоким лбом. В его правой руке жезл с навершием в виде головы дракона, в левой – свиток. Танка примечательна китайской трактовкой образа Белого Старца: он предстает в одеяниях и головном уборе китайского чиновника. Подобный образец буддийской иконографии дает возможность проследить влияние искусства Китая на традиционную живопись танка.

Можно предположить, что икона была написана неизвестным мастером в конце XIX в. или начале XX в. Именно в это время существенно изменилось качество красок, появились пронзительно яркие тона синего (одежды Цаган Убугуна и небо), оранжевого (лотосовый трон), зеленого (трава), которые соединяются в резких, контрастных сочетаниях. Танка отличается декоративность цветового решения, а в изображении лица божества, его головного убора и одежд проявилась утонченная техника прорисовки. Однако лотосовый трон и вода тракуются по-прежнему схематично.

Таким образом, подводя итог изложенному, можно с уверенностью говорить о значительном вкладе ВСОИРГО в формирование восточного собрания Иркутского областного художественного музея, в частности – коллекции буддийской живописи. Сотрудниками музея ВСОИРГО делались также первые попытки систематизации, учета и изучения произведений, их каталогизации.

Влившись в 20-е гг. XX в. в коллекцию Иркутского областного художественного музея, буддийская живопись танка сразу же стала одной из важных частей основного фонда. Приведенные выше примеры по атрибуции и научному описанию танка дают лишь общее представление о своеобразии иконописи из собрания ИОХМ. Проблемы современного бытования, хранения и реставрации традиционной буддийской живописи, на наш взгляд, достаточно актуальны и заслуживают дальнейшего изучения.

Примечания

1. Бачуулун С. Образ хозяина земли Белого старца в искусстве Монголии, Бурятии и Калмыкии как отражение взаимодействия культур // Путь Востока. Межкультурная коммуникация : материалы VI Молодеж. науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока. СПб., 2003. Вып. 30. С. 53-60.

2. Герасимова К. М., Соктоева И. Д. Искусство Бурятии 18–19 вв. : из фондовых материалов Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова и Художественного музея им. Ц. С. Сампилова. М., 1970. С. 10-11.

3. Гомбоева А. Ш. Буддийская танка в Бурятии // Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. Улан-Удэ, 1999. Вып. 2. С. 40-43.
4. Дудин Г. И. Об истории музея : рукопись // Архив Иркутского областного художественного музея. Д. 3929. Л. 32-33.
5. Иконография Ваджраяны : альбом. М. : Дизайн. Информация. Картография, 2003. 624 с.
6. ИОХМ (Иркут. обл. худож. музей). ОФ. Инв. № Г-671.
7. Там же. Инв. № Ж-2242.
8. Там же. Инв. № Ж-2332.
9. Там же. Инв. № Ж-2336.
10. Там же. Инв. № Ж-2344.
11. Там же. Инв. № Ж-2345.
12. Там же. Инв. № Ж-2476.
13. Там же. Инв. № Ж-2477.
14. Там же. Инв. № Ж-2480.
15. Там же. Инв. № Ж-2481.
16. Там же. Инв. № ЖА-142.
17. Там же. Инв. № ЖА-143.
18. Там же. Инв. № ЖА-167.
19. Там же. Инв. № ЖА-168.
20. Там же. Инв. № ЖА-263.
21. Там же. Инв. № ЖА-2477.
22. Историко-культурный атлас Бурятии. М. : Дизайн. Информация. Картография, 2001. 680 с.
23. Куликовская Е. С. К проблеме хранения, реставрации и исследования тибетской живописи танка // Исследование музейных коллекций в критике буддизма : сб. науч. тр. Л., 1981. С. 166-176.
24. Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. М. : Совет. энцикл., 1990. С. 672.
25. Терентьев А. А. Опыт унификации музейного описания буддийских изображений // Использование музейных коллекций в критике буддизма. Л. : Издание ГМИРиА, 1981. С. 5-34.
26. Шинкова А. И. К вопросу о восточных коллекциях ВСОИРГО и японских гравюрах, собранных Н. В. Кирилловым // Сибирский архив: архивные документы, публикации, факты, комментарии : науч.-попул. историко-краевед. сб. / под ред. Е. Б. Шободоева. Иркутск : Оттиск, 2002. Вып. 3. С. 157-176.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 39+94(57)

Зориктуев Б.Р.

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ДОЛИНЫ ЕНИСЕЯ В XIII в.

ABOUT THE ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION IN THE VALLEY OF THE ENISEI RIVER IN THE XIII CENTURY

Статья посвящена теме этнического состава населения долины Енисея в XIII в., имеющей важное значение для изучения истории не только Саяно-Алтая, но и сопредельных регионов. Автор на основе широкого круга источников предлагает новые, наиболее точные результаты исследования проблемы.

The article is devoted to the ethnic composition of the population in the valley of the Enisei river in the XIII century which is very important in historical studies not only of the Sayan-Altai, but also of some neighboring regions. The author, on the basis of a wide range of sources, offers some new and more correct results of the problem under investigation.

Ключевые слова: этнонимы, топонимы, Енисей, Кыргыз и Кэм-Кэмджиут.

Keywords: ethnonyms, toponyms, the Enisei, Kyrgyz and Kem-Kemdzhuit

Саяно-Алтай – горная страна в Южной Сибири, судьбы народов которой с глубокой древности были тесно переплетены с судьбами народов сопредельных, а порой и значительно удаленных от нее регионов. Высказывались гипотезы, что Саяно-Алтай был заселен первобытным человеком в ашельское время раннего палеолита. В эпоху каменного века там происходил процесс формирования человека разумного (*Homo sapiens*), в дальнейшем заселившего север Евразии, а затем через мост древней Берингии – Америку [10, с. 328]. Главной водной артерией Саяно-Алтая всегда была р. Енисей, на берегах которой, как считают, существовал один из древнейших очагов человеческой цивилизации [15, с. 72]. Сказанное означает, что к числу актуальных научных задач относится комплексное изучение истории, археологии, этнографии, языка населения как всего Саяно-Алтая, так и отдельно взятой долины Енисея. Без этого невозможно понимание и удовлетворительное решение проблем истории и культуры многих народов, которые издавна населяют территории, прилегающие к Саяно-Алтаю или непосредственно выходящие к бассейну Енисея.

В настоящей статье изложены некоторые результаты проводившегося мной исследования темы этнического состава населения долины Енисея в XIII в. Источниковую базу составили «Тайная история монголов» (далее - ТИМ), «Юань ши», «Старинное китайское сказание о Чингис-хане» (Шэн ву цин чжэн лу), «Сборник летописей» и др. Больше всего материала содержится в 239-241-м параграфах ТИМ. На первый взгляд кажется, что содержащиеся в 239-м параграфе памятника скупые сведения дают лишь некоторое общее представление о состоявшемся в 1207 г. походе монголов под командованием Джочи по завоеванию лесных народов. Но при глубоком и вдумчивом подходе с расшифровкой приведенных терминов выясняется, что указанный параграф дает не только общую картину того, какие события разворачивались на Енисее в начале XIII в., но и предоставляет исследователям редкий материал об именах живших там народов и названиях некоторых местностей, где они обитали. Поэтому, без какого бы то ни было пафоса и преувеличения, достойна уважения дальновидность участвовавших в походе монгольских воинов, которые, продвигаясь вниз по долине Енисея, тщательно фиксировали встречавшиеся на их пути этнонимы и топонимы, а потом, не нарушая того порядка, в каком они записывались, сообщили автору (авторам) ТИМ.

Самыми первыми подчинились Джочи ойраты. Их правитель Худуха-беки вышел на встречу Джочи и вызвался по долине р. Шихшит (приток Малого Енисея, там, между прочим, в местности Секиз-мурэн находилась древняя родина ойратов – Б.З.) провести монголов к верховью Енисея. Этот маршрут очень четко указан в ТИМ. Текст гласит: «В год Зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к лесным народам... Прежде всех явился с

выражением покорности ойратский Худуха-беки. Явившись, он стал провожатым у Чжочия... и ввел в Шихшит. Подчинив ойратов, ...Чжочи подступил к тумен-киргизам» [11, § 239].

После встречи с Худуха-беки Джочи повернул на протекающую западнее Шихшита р. Бурят – правый приток Дэлгэр-мурэна (один из истоков р. Селенга – Б.З.), где была нейтрализована группа противников Чингис-хана, которая, надо полагать, в 1201 г. вместе с ойратами входила в группировку Джамухи. Вероятно, данная победа по своей значимости была для монгольского правителя далеко не рядовым событием. По этой причине, гидроним Бурят (его семантика неизвестна) по аналогии с некоторыми другими топонимами был включен в этнонимический ряд в 239-м параграфе ТИМ.

До недавнего времени считалось, что слово *бурят* в ТИМ является самоназванием якобы существовавшего в XIII в. бурятского народа. Однако это разные по происхождению, но случайно совпавшие по звучанию слова. Этноним *бурят* и соответствующая ему этническая общность – народность – возникли у Байкала намного позже XIII в. Первоначальной формой имени *бурят* было слово *бурат* («лесные»). Так называлось племенное объединение на западной стороне Байкала, существовавшее в XVI–XVII вв. В начале XVIII в. имя *бурат* приняло форму *бурэт* [buræt:d]. В это время консолидационные процессы широко проникли в Забайкалье, и имя *бурэт* стало обозначением всего коренного населения у Байкала. В середине XVIII в., со вступлением объединительных процессов в заключительную фазу развития и вовлечением в свое русло живших по Селенге монгольских родов, этноним *бурэт* принял форму *бурят*, которой до этого вблизи Байкала никогда не было. Имя *бурят* стало официальным названием бурятской народности, занявшей территорию по обе стороны Байкала. Его образование относится к 80-м гг. XVIII в. [26, р. 208].

В ТИМ после бурят стоит слово *barhun*. Из этнических и топонимических терминов, упоминаемых в 239-м параграфе источника, оно остается единственным, до конца неясным и не поддающимся точной идентификации. В данное время я пока придерживаюсь мнения, что это слово сопоставимо либо с названием калмыцкого рода *багут* (*багун*), который в XIII в. в состав ойратов, возможно, не входил и был самостоятельной этнической единицей, либо с наименованием *барагу*. Так именовался один из тумэнов (подразделений) ойратов [21, с. 51]. В то же время я не откидываю напрочь мысль, что данное слово могло быть топонимом.

Продвинувшись по Шихшиту до бассейна Малого Енисея, Джочи приступил к покорению собственно енисейских племен. Вначале эта участь постигла племя тумат. До недавнего времени отдельные исследователи, главным образом, бурятские, отождествляли туматов с баргуджин-токумовским племенем хори (хори-тумат) и считали, что оно в 1201 г. около Байкала было разгромлено вторгшимися туда монголами. При этом игнорировался тот факт, что в «Сборнике летописей» имеется точное указание на то, что исконной родиной туматов было Восьмиречье - бассейн Малого Енисея. «Юртом и местопребыванием этих ойратских племен, - подчеркивал Рашид-ад-дин, - было Восьмиречье [Секиз-мурэн]. В древности по течению этих рек сидело племя тумат» [19, с. 118]. В другом месте своего труда персидский историк вновь заострил свое внимание на вопросе о родине туматов. Он писал: «[Туматы] жили в пределах страны киргизов... Их предводитель Тайтула-Сокар явился к Чингиз-хану, покорился и смирился [перед ним]. Когда Чингиз-хан был занят завоеванием областей Китая..., то по возвращении он услышал, что [племя] тумат вторично восстало. Чингиз-хан... послал Борагул-нойона... Вкратце [дело обстояло так]: они [монголы] дали большие сражения и покорили племя тумат... Так как туматы были злокозненным и недоброжелательным племенем, то [монголы] множество из них перебили» [Там же, с. 122].

Приведенные цитаты, не допуская двоякого толкования, однозначно говорят о том, что в 1207 г. туматы жили в верховье Енисея, где были застигнуты монгольским вторжением. Вначале они покорились монголам, но затем, в ответ на их действия, дважды восстали, за что были жестоко наказаны Чингис-ханом. В связи с тем, что туматские восстания были в Туве, хотелось бы напомнить одно весьма приметное место в 240-м параграфе ТИМ, которое обычно остается за пределами внимания исследователей. Приведу его с некоторым сокращением

дословно: «Дорбо отрядил часть войска к той самой охранявшейся Туматским караулом тропе, по которой хотел пройти перед тем отряд Борохула, и, обманув неприятеля этим ложным движением, сам направил войска по тропе, проложенной дикими буйволами... Вооружив ратников топорами, тесаками, пилами и долотами и всяким потребным инструментом, он приказал прорубать просеку по следу буйволов, пилить и рубить деревья. И вот, поднявшись на гору, он внезапным ударом обрушился на пировавших беспечно Туматов и полонил их».

Теперь резонно поставить вопрос: какие горы, поросшие густым непроходимым лесом, в которых водились буйволы, имеются на западной стороне Байкала, конкретно, в бассейне Верхней Лены, где жили хоринцы? Поскольку положительно ответить на него невозможно, то ничего не остается как заключить, что в данном параграфе под буйволами подразумеваются яки, родиной которых, как предполагают, наряду с другими регионами был Саяно-Алтай [13, с. 77 ; 10, с. 15]. В таком случае это означает, что против монголов восставали жившие в Туве туматы.

О том, что дело обстояло именно так, убедительно доказывает монгольский текст ТИМ. В нем яки, по протоптанной которыми тропе шел Дорбо-Докшин, названы *hulaan buqa*, т.е. *улаан буха* – «красный бык». Однако монголы, насколько позволяет судить известный материал, яков всегда называли *сарлаг*, а не *улаан буха*. Тогда откуда взялось в ТИМ выражение *улаан буха*? Ответ на этот вопрос дает тувинский материал. Оказывается, тувинцы в прошлом называли яков не только *сарлык*. Иногда, независимо от масти, к ним применялось другое имя *кызыл буга*, что значит «красный бык». Считалось, что красный цвет отпугивает злых духов. Поэтому яки, которые у тувинцев являлись олицетворением физической мощи и входили в число девяти священных для них животных, выполняли охранительную функцию, защищая детей и стариков от всякого рода негативных воздействий. Не исключено, что с выражением *кызыл буга*, которое в переводе на монгольский язык звучало как *улаан буха*, монголы познакомились во время енисейской кампании и после использовали его в ТИМ при описании подавления туматского восстания. Поэтому упоминание тувинского по своему происхождению выражения *улаан буха* в монгольской хронике является убедительнейшим свидетельством, не оставляющим сомнений в том, что против монголов с оружием в руках поднимались жившие по Малому Енисею тувинские туматы.

В верховьях Енисея обитало племя урсут. Об этом писал Ф. Кливз [23, р. 394]. По своей этнической принадлежности урсуты, видимо, относились к тюркам. По данным Ф. Кливза известно, что имя *урсут* возникло от названия р. Урс. Следуя своим древним традициям, урсуты каждый год, в первой декаде шестого месяца, отправлялись на священную для них реку для принесения жертвы ее божеству белыми лошадьми, рогатым скотом и овцами, сопровождая ритуал брызганием молоком кобылиц [Там же, р. 401]. О местонахождении р. Урс точных сведений не имеется. Однако принимая во внимание сообщение Ф. Кливза, что на востоке от нее был исток р. Кемь (Енисея), где жили хабханасы [Там же, р. 401], а также урсуты, со значительной долей вероятности можно предположить, что Урс – это нынешняя р. Урсул, которая протекает по территории Горного Алтая и слева впадает в Катунь. Не исключено, что от названия р. Урсул образовался этноним *урсут*. Остатки урсутов сохранились до наших дней практически на той же территории, на которой эта группа жила в XIII в.: на северо-западной стороне оз. Хубсугул, по долине р. Шарга. Урсутские информаторы, с которыми я встречался в экспедиции, говорили, что их предки пришли сюда с верховья Енисея.

Неподалеку от урсутов, у истока Енисея, жили хабханасы [23, р. 401]. Их самоназвание в форме *хань-ха-на-сы* упоминается в «Юань ши» [14, с. 397]. Не исключено, что от этнонима *хабханас* образовался топоним Хабханас, который сохранился на западной стороне Хубсугула. Область с таким же названием Капканас была образована в Туве, в Тодже, после включения Саяно-Алтая в состав монгольской империи [12, с. 94]. Предполагается, что с хабханасами ТИМ генетически связан хакасский сеок хапхына [4, с. 47].

На Енисее обитали племена ханхас, тухас и тубас. В китайской хронике «Шэн ву цин чжэн лу» сообщается, что Джучи прошел вниз по р. Кянь (китайское название р. Енисей) и

покорил ряд племен, в числе которых были Ханьхасы [22, с. 191]. Этнонимы *тухас* и *тубас* являются производными от племенного названия *дубо (туба)*, с древности известного в районе Хубсугула. В настоящее время они известны как в древних границах их распространения от озера Хубсугул до верховьев Енисея, так и западнее [18, с. 180-182]. Поэтому не будет ошибкой сказать, что в начале XIII в. тубасы и тухасы обитали на Верхнем Енисее.

Ниже тубасов, в Среднем Енисее, начиналась территория обитания кыргызов. ТИМ сообщает, что «подчинив... Тубасов, Чжочи подступил к Тумен-Киргизам. Тогда к Чжочи явились Киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами да белыми же соболями» [11, §239]. Выражение покорности кыргызскими князьями означало, что отныне весь регион Саяно-Алтая, который до монгольского нашествия управлялся енисейскими кыргызами и входил в состав их государства, автоматически стал частью зарождавшейся Монгольской империи.

В ТИМ слово *шибир* указано в качестве этнонима. По мнению В.В. Бартольда, в XIII в. шибирцы жили на Енисее севернее кыргызов и были последним племенем, покоренным Джочи [2, с. 459]. Однако у енисейских и окружающих их народов этническое название *шибир* отсутствует, что дает основание заключить, что данное слово было топонимом. Мое предположение подтверждается при обращении к «Сборнику летописей». В нем упоминается местность Ибир-Сибир, находившаяся, как можно понять из источника, в районе слияния Ангары и Енисея. Поскольку сообщение Рашид-ад-дина перекликается с текстом ТИМ, в котором сказано, что «Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы, начиная отсюда по направлению к нам», то с полным правом можно утверждать, что по завершении похода Джочи вся долина Енисея от его верховья до соединения с Ангарой стала подвластной монголам. Так как успешное завершение всей енисейской кампании 1207 г., что для Чингисхана было событием огромной политической значимости, символизировало подчинение населения Ибир-Сибири, то наименование этой местности в форме Шибир было введено в текст 239-го параграфа памятника. Предложенная гипотеза согласуется с мнением П.Пелльо, который, изучив содержание этого параграфа, пришел к выводу, что в нем перечислены не только имена завоеванных Джочи народов, но и названия местностей, где он был со своим войском [25, р. 56-63].

Слово *кесдиин* в ТИМ также приведено в качестве этнонима (в «Сборнике летописей» - *куштеми*). Исследователи согласны в том, что *кесдиин* сопоставим с часто встречающимся в русских документах XVII-XVIII вв. термином *кыштым*, который употреблялся, однако, не в этническом значении, а как собирательное название мелких сибирских племен, находившихся в даннической зависимости от более сильных соседей [18, с. 169]. Но словом *кыштым* иногда обозначалась определенная местность, главным образом в Туве, где обитали зависимые от енисейских кыргызов племена. Так, в рунической надписи Хая-Баты на р. Хемчик, составленной около IX в., слово *кешдим* употреблено именно в таком значении [Там же, с. 158-159]. По аналогии с приведенным примером вполне допустимо, что в ТИМ и «Сборнике летописей» названиями *кесдиин* и *куштеми* тоже обозначена конкретная местность в Туве, население которой, зависимое от енисейских кыргызов, в 1207 г. переподчинилось монголам.

Этноним *баит* отождествим с названием народности баит, живущей в настоящее время на северо-западе Монголии в районе Убса-Нура. Не исключено, что в начале XIII в. кочевья баитов, когда они оказались в числе покоренных Джочи племен, были расположены перед входом в Саяно-Алтайское нагорье, на водоразделе Селенги и южносибирских рек. Это предположение вполне согласуется с сообщением Рашид-ад-дина о том, что юрты одной из ветвей баитов находились на р. Селенга [19, с. 175].

В источниках не указаны места обитания племен тенлек, тоелес и тас. Однако надо иметь в виду, что в конце XIX в. у тувинцев и алтайцев были сеоки телек, тоёлес и тас. Они имеются у этих народов и сейчас [18, с. 186 ; 20, с. 49 ; 17, с. 1]. Этнографами подмечена большая устойчивость этнонимов у населения Саяно-Алтая во времени вследствие значи-

тельной недоступности и изоляции этой горной системы в прошлом. Учитывая это обстоятельство, можно утверждать, что имена *телек*, *тоёлес* и *тас* восходят к этнонимам *тенлек*, *тоелес* и *тас* ТИМ и были известны на Енисее в начале XIII в.

В литературе скудны данные о племени бачжиги. Вероятно, прав был Г.Е. Грумм-Гржимайло, полагавший, что этноним *бачжиги* сопоставим с названием одного из кара-кирейских родов *байджигит* [7, с. 417]. О кара-киреях, в состав которых входили байджигиты, известно, что они во второй половине XIX в. населяли Северо-Западную Монголию и были частью тюркского племени кыргызы [16, с. 6]. Поскольку дополнительных сведений нет, можно считать, что байджигиты также имели тюркское происхождение и входили в состав кыргызского государства, охватывавшего в IX-X вв. Северо-Западную Монголию. После ухода основной массы кыргызов на Енисей байджигиты могли остаться на своей прежней родине, в 1207 г. оказаться на пути отряда Джучи и быть завоеванными им.

Таким был этнический состав населения долины Енисея в XIII в. Важно отметить, что почти все упоминаемые в ранних источниках этнические общности обнаруживались исследователями в местах бывшего их обитания много времени спустя: в конце XIX - начале XX в. Данный факт несомненно свидетельствует о том, что после XIII в. заметных изменений в этническом составе населения не произошло, что было обусловлено, о чем говорилось выше, большой недоступностью и изоляцией Саяно-Алтая в прошлом. В этой связи необходимо привести гипотезу исследователя из Внутренней Монголии Д. Буяндэлгэра (2002), согласно которой обитателями долины Енисея довольно продолжительное время было известное в монгольском мире племя баргут. Автор пишет, что в 1207 г. территория между Алтаем и Байкалом, занятая лесными племенами, была включена в состав Монгольского государства. За то, что в том году перед началом монгольской экспансии в Саяно-Алтай ойратский вождь Худуха-беки оказал услугу Чингис-хану, проведя его войско к верховью Енисея, все лесные племена стали называться ойратами. В «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна имеется выражение «*oyirad bagatud-un bagarhun otog-un alag čingsang...*». В нем слово *bagarqun* – один из вариантов этнонима *баргут* (*bagarqun - bargun - bargu*). Оток *bagarqun*, т.е. баргут, занимал ведущие позиции в батудском тумэне ойратов. Его предводитель Алаг-чжи-юнь некоторое время был главой ойратского племени. В 1455 г. ойраты в верховье Енисея были разгромлены восточными монголами-харачинами. Год спустя Алаг-чжи-юнь убит на своей родине в Кэм-Кэмджиуте, т.е. в Туве. После этого события баргутский оток был переселен в Восточную Монголию и стал частью племени юншиэбу. В 1508 г. группа племен, в составе которой были баргуты, подняла восстание против последнего Всемонгольского хана Бату-Мункэ (Даян-хан), закончившееся ее поражением. После этого следы баргутов на длительное время исчезли из источников и вновь появились в них в начале XVIII в., когда они оказались на северо-востоке Китая [24, р. 1-3, 5, 6, 9, 10, 11, 20, 23, 26].

Я не буду касаться вопроса, как забайкальское племя баргут оказалось в Северо-Восточном Китае. Затрону только ту часть статьи Д. Буяндэлгэра, где о баргутах говорится как о жителях Верхнего Енисея, конкретно – Тувы. Прежде всего надо сказать, что автору следовало четче разобраться в географическом расположении основных этнотерриторий на севере Центральной Азии. В XIII в. и позже занятая преимущественно монголоязычными этносами достаточно обширная местность по обе стороны Байкала, на восточном побережье которого, о чем свидетельствуют практически все источники, обитало племя баргут, называлась Баргуджин-Токумом. Западнее ее, по долине Енисея, с охватом Горного Алтая, где жили предки тувинцев, алтайцев и хакасов, располагались области Кэм-Кэмджиут и Кыргыз. Важно отметить, что Кэм-Кэмджиут на юго-восток и юг простирался до р. Селенга и северных предгорий Хангая. Поэтому местность Секиз-мурэн, населявшаяся ойратами и располагавшаяся в бассейне Малого Енисея, находилась в пределах страны Кэм-Кэмджиут [9, с. 175-179], а не Баргуджин-Токума, как считает Д. Буяндэлгэр.

Заслуга ойратского предводителя Худуха-беки перед Чингис-ханом, выразившаяся в том, что он в 1207 г. перед началом монгольского похода по завоеванию и присоединению к

зарождавшейся Монгольской империи Саяно-Алтая (район Байкала в 1201 г., после приезда послов Чингис-хана, стал частью складывавшегося Монгольского государства), провел отряд Джочи к верховью Енисея, имела значение только для ойратов. По сообщению ТИМ, Чингис-хан выдал замуж за его сына Инальчи свою дочь Чечейген. Не остался без ханской милости другой сын Худуха-беки Торельчи. За него была выдана другая дочь Чингис-хана Олуйхан [11, § 239]. Поэтому в источниках невозможно найти сведения о том, что по завершении енисейского похода все лесные племена, включая и тех, которые с баргутами жили в Баргуджин-Токуме, стали называться ойратами. Нельзя признать верным и другое глубоко ошибочное мнение автора, что после похода Джочи баргуты, видимо, только из-за того, что стали называться ойратами, вошли в состав ойратского этноса и стали жить на Енисее, а их имя *bargu* приобрело там форму *bagarqun*. О том, что такого случая в истории этнонима *барга* никогда не было, говорит тот факт, что в разных районах Евразии, где были монголы, данное имя бытует только в одной известной форме *баргут*.

Самая большая ошибка Д. Буяндэлгэра заключается в том, что он неверно интерпретирует термин *оток*, отождествляя его с понятием *род*. Многочисленными исследованиями, начатыми Б.Я. Владимирцовым и продолженными последующими исследователями, установлено, что оток, являясь важной социальной и хозяйственной единицей в структуре монгольского общества, в том числе ойратского, основывался на территориальном единстве, а не на этническом. Другими словами оток объединял разнородное, по воле случая оказавшееся на одной территории, население [5, с. 132-137 ; 8, с. 79-81 ; 6, с. 36, 37 ; 1, с. 40-42 ; 3, с. 19].

Оток у ойратов, как и у всех монголов, входил в тумэн, тот – в состав племени. Оток распадался на аймаки – группы, отнюдь не скрепленных между собой родственными узами. Но каждый отдельный аймак, что необходимо подчеркнуть, состоял из нескольких близкородственных семей, пусть и принадлежавших к разным родам, но ведших свое происхождение от одного общего предка. Например, известный буддийский деятель и составитель нового ойратского алфавита «Тод бичиг» («Ясное письмо») Зая-Пандита, принадлежал к племени хошут, отоку гуручин, аймаку шангас. По такому же принципу раскрывается содержание выражения «*oyirad bagatud-un bagarhun otog-un alag čingsang...*» (Алаг-Чинсан из *bagarhun*'ского отока, *bagatud*'ского тумэна, *oyirad*'ского племени...) в сочинении Саган Сэцэна. В нем не указано, какие семьи входили в *bagarhun*'ский отток, из какой семьи и, главное, из какого конкретного рода был его глава Алаг-Чинсан. Но поскольку данный оток, подобно другим ойратским, был организован, как сказано, по территориальному принципу и состоял далеко не из родственных групп, то в него входили представители разных родов. Этот ключевой момент не учел Д. Буяндэлгэр, что привело его к неверным выводам о тождестве понятий *род* и *оток*, терминов *bargu* и *bagarhun* и о почти трехвековом, как можно понять из статьи, обитании забайкальской по происхождению этнической общности баргут в долине Енисея.

Примечания

1. Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста, 2002.
2. Бартольд В. В. Сочинения. М. : Вост. лит., 1963. Т. 1.
3. Бембеев В. Ш. Ойраты и калмыки на евразийском пространстве : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006.
4. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор. Абакан, 2001.
5. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
6. Вяткина К. В. Очерки истории культуры и быта бурят. Л., 1969.
7. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2.
8. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635-1758. М., 1964.
9. Зориктуев Б. Р. К вопросу о местоположении Баргуджин-Токума // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993.
10. История Тувы. Изд. 2-е, перераб. и доп. Новосибирск, 2001. Т. 1.

11. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М. ; Л., 1941.
12. Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
13. Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии. М., 1981. Вып. 8.
14. Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
15. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан, 2008.
16. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 2.
17. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4.
18. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.
19. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М. ; Л., 1952. Т. 1, кн. 1.
20. Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
21. Санчиров В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990.
22. Старинное китайское сказание о Чингис-хане / пер. с кит. архимандрита Палладия // Восточный сборник. СПб., 1887. Т. 1.
23. Cleaves F. W. Qabqanas~Qamqanas // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. Vol. 19, № 3-4.
24. Jiyačidai Buyandelger. Qalq-a baryu-yin egüsül irel // Mongyol arkivs. Kökeqota, 2002.
25. Pelliot P. Notes critiques d'histoire Kalmouke. Texte, tableaux genealogiques (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot. VI.). Paris, 1960.
26. Zoriktuev B. R. About a little-known military expedition of Mongols to the Yenisei in 1207 // Chinggis Khaan and Globalization. International Academic Conference. Devoted to the 850th Birthday Anniversary of Chinggis Khaan under the patronage of Ts. Elbegdorj, the President of Mongolia, November 14-15, 2012, Ulaanbaatar, Mongolia. Ulaanbaatar, 2014.

УДК 94(47+57)

Суслов А.Ю., Загидуллина А.В.

ВТОРОЙ СЪЕЗД ЗАГРАНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ПАРИЖ, 1928 г.)¹

THE SECOND CONGRESS OF FOREIGN ORGANIZATIONS OF SOCIALIST-REVOLUTIONARIES' PARTY (PARIS, 1928)

Рассматриваются организационные проблемы формирования и деятельности эсеровской эмиграции в 1920-е гг. Подчеркивается отсутствие полноценной научной истории ПСР в эмиграции, анализируются особенности эмиграции социалистов-революционеров, создание различных внутривнутрипартийных группировок, конфликты и противоречия. Особое внимание обращается на подготовку и проведение в Париже в 1928 г. Второго съезда заграничных организаций партии социалистов-революционеров. Исследуются причины неудачи этого форума как одной из последних попыток достичь партийного единства среди эсеров-эмигрантов.

The paper examines the organizational problems of foundation and activity of the socialist revolutionary (SR) emigration in the 1920s. It emphasizes the lack of comprehensive scientific history of the SR party in exile, analyzes the peculiarities of emigration of the socialist revolutionaries, the establishment of various intra-party factions, as well as conflicts and contradictions. The special attention is given to the organization of the Second Congress of foreign organizations of the SR party in Paris in 1928, which was as one of the last attempts to achieve party unity among the SR emigrants. The reasons for the forum's failure are also examined.

Ключевые слова: социалисты-революционеры, эмиграция, Заграничная делегация, социализм, демократия, фракции, съезд, конфликт.

Keywords: the socialists-revolutionaries, emigration, foreign delegation, socialism, democracy, factions, congress, conflict.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00264а.

Современные исследования «первой волны» российской эмиграции, в том числе ее партийного спектра, получили в последние 20 лет значительное развитие [7; 9; 14; 17; 18; 19], в том числе и в плане документальных публикаций [6; 12; 13]. Однако до сих пор научная история социалистов-революционеров в эмигрантский период существования партии не создана. По большому счету остаются неизвестными основной массе исследователей материалы партийных съездов и конференций социалистов-революционеров за границей, переписка с российскими эсерами, протоколы и иные материалы Заграничной Делегации и Областного Комитета ПСР, богатейшее эпистолярное и публицистическое наследие видных деятелей партии. Без внимательного анализа этих документов невозможно как создание научной истории российской многопартийности, так и адекватное представление о деятельности российской социалистической эмиграции в 1920-50-е гг., ее связях с международным социалистическим движением, воздействием на внешнюю политику Советского Союза.

Сформировалось несколько центров эсеровской эмиграции. Относительно многочисленные группы ПСР функционировали в Праге и Париже, более мелкие – в Белграде, Лондоне, Нью-Йорке и Харбине. Был налажен выпуск целого ряда печатных изданий [2, с. 56-84]. Вокруг журнала «Современные записки» сложилась группа Н.Д. Авксентьева, Бунакова, М.В. Вишняка и В.В. Руднева; пражская «Воля России» объединяла В.И. Лебедева, Е.А. Сталинского, М.Л. Слонима, В.В. Сухомлина; газета «Дни» находилась в руках А.Ф. Керенского, В.М. Зензинова и большинства с.-р. группы пражского Земгора. Наконец, вокруг журнала «Революционная Россия» оформилась группа В.М. Чернова, Г.И. Шрейдера, В.Я. Гуревича, Н.С. Русанова.

С 16 по 24 ноября 1923 г. социалисты-революционеры провели в Праге первый съезд заграничных организаций ПСР. На нем для руководства партийной работой в эмиграции был избран Областной Комитет заграничных организаций ПСР в составе В.Я. Гуревича, В.И. Лебедева, Ф.Е. Махина, О.С. Минора, И.П. Нестерова и Е.Ф. Роговского. Различные эсеровские группировки сумели договориться о создании единой заграничной партийной организации. Задачей Областного Комитета являлось создание партийных групп на местах, установление связи между ними, объединение и развитие партийной работы за границей. Заграничная Делегация сохраняла за собой функции связи с Советской Россией и взаимодействие с Социалистическим Интернационалом. В апреле 1925 г. Центральное Бюро ПСР утвердило следующий состав Заграничной Делегации: В.Я. Гуревич, С.П. Постников, М.С. Слоним, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин, В.М. Чернов и Г.И. Шрейдер [12, с. 648]. Однако уже в 1926 г. Заграничная делегация ПСР раскололась, В.М. Чернов и его группа (Гуревич и Шрейдер) стали контролировать центральный орган партии, «Революционную Россию», Сухомлин был исключен из редакции и создал в 1927 г. в Париже журнал «Социалист-революционер».

Причины раскола Заграничной Делегации до конца не ясны. М.Янсен писал о том, что это столкновение носило «...скорее личный, чем деловой характер» [12, с. 738]. По мнению А.И. Авруса и А.П. Новикова, в Заграничной Делегации «сепаратистские тенденции особенно усилились после того, как в мае 1925 г. ОГПУ разгромило последний состав ЦБ ПСР. В России перестал существовать руководящий эсеровский центр, на поддержку которого опирался Чернов. Это развязало руки тем силам среди зарубежных эсеров, которые хотели освободиться от черновского руководства» [1, с. 217]. Во многом солидарен с этой позицией финский историк Ханну Иммонен, подчеркивающий фактор прекращения связей с эсерами в России, а также «разрыв между поколениями» как наиболее важные причины раскола социалистов-революционеров в эмиграции [5, с. 318-323].

Наиболее категорична оценка Д.А. Местковского, прямо обвиняющего В.М. Чернова в распаде Заграничной Делегации ввиду его претензий на обладание «чрезвычайными полномочиями» [8, с. 119]. В любом случае, конфликт резко ослабил эсеровскую эмиграцию, и без того не отличавшуюся внутренним единством [16].

Летом 1927 г. В.М. Чернов принимает активное участие в создании «Лиги Нового Востока», пытавшейся объединить российских, украинских, белорусских и армянских социали-

стически-ориентированных политиков (в 1928-1929 гг. в Праге вышло два номера «Вестника Социалистической Лиги Нового Востока»), а в марте 1928 г. группа Чернова порвала с заграничной организацией ПСР и образовала Заграничный Союз ПСР.

В такой ситуации созыв съезда заграничных эсеров являлся попыткой восстановить единство партии. Подготовка съезда шла весьма сложно.

Две крупнейшие эмигрантские группы – пражская и парижская – неоднократно обсуждали этот вопрос. В мае 1927 г. в Париже прошло совещание, на котором присутствовали представители парижских эсеров и группа «Воли России». Целью совещания являлась подготовка к проведению второго заграничного съезда партии. Четкого решения принято не было, переговоры и обсуждения продолжались. Так, В.М. Зензинов отмечал в письме В.В. Рудневу от 22 сентября 1927 г.: «...третьего дня состоялось многочисленное собрание парижской группы, на котором специально обсуждался вопрос о съезде (...) В субботу должны приехать сюда Брушвиг и Николаев (...) – решено с ними также обсудить этот вопрос. Во всяком случае, срок созыва съезда – дело неопределенное, а может быть, и самый съезд. Во всяком случае, ни одна из «группировок» на собрании не обнаружила особого энтузиазма в смысле скорейшего созыва съезда».

23 сентября 1927 г. в Праге собралась вторая согласительная комиссия в составе Чернова, Гуревича, Брушвита, Калюжного, Постникова, Слонима и Минахоряна. На этот раз совещание проходило при участии представителей всех эсеровских групп. Комиссия собралась для выработки тех условий, при которых черновская группа согласилась бы принимать участие в съезде. Согласительная комиссия работала до 16 декабря. В виду ее работ был отложен созыв второго заграничного съезда, первоначально предполагавшийся на декабрь или февраль.

Однако работа и этой согласительной комиссии была прервана и не привела к желательному результату. Чернов и его последователи вышли из пражской группы и разорвали организационные связи с заграничной эсеровской организацией [17, с. 147-149]. Остальные члены партии решили провести съезд даже при отсутствии на нем группы Чернова.

В итоге II съезд заграничных организаций ПСР состоялся в Париже 29 апреля – 6 мая 1928 г. На нем присутствовали 22 делегата, представлявшие 119 членов местных групп (без В.М. Чернова и членов Заграничного Союза П.С.-Р.). В работе съезда участвовали такие известные деятели партии как А.Ф. Керенский, Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, В.В. Руднев, О.С. Минор, Е.Е. Лазарев, С.П. Постников. Единогласно был избран президиум в составе О.С. Минора, И.М. Брушвита, В.В. Руднева, С.П. Постникова и секретариат в составе С.Н. Николаева и М.В. Кобякова [3]. Удалось заслушать отчет Областного Комитета (докладчик С.Н. Николаев); сообщение Заграничной Делегации (С.П. Постников) – причем докладчику пришлось оговориться, что оно делается не от Заграничной Делегации как органа, а ввиду острого конфликта только от группы членов этого органа; о партийной работе заграничных организаций – докладчик Н.Д. Авксентьев.

После этого съезд погрузился в дебаты, неоднократно прерываясь на частные совещания и работу согласительной комиссии. Достичь реального соглашения заграничным эсерам в Париже не удалось. Фактически съезд увяз в решении организационных вопросов – запланированные доклады Е.А. Сталинского, В.В. Руднева, В.В. Сухомлина, посвященные важнейшим проблемам: социально-экономической политике ПСР, земельному вопросу, а также основным пунктам партийной платформы и тактики – так и не были заслушаны. Делегаты, представлявшие различные партийные группировки, несмотря на декларируемые заявления о единстве, погрязли во взаимных претензиях. Как пражских, так и парижских эсеров объединяло лишь неприятие деятельности В.М. Чернова.

Резолюции съезда были опубликованы в газете «Дни» 9 мая 1928 г. Они сводились к следующему: «1. Съезд постановляет продлить полномочия Областного Комитета, избранного на первом (Пражском) Съезде Заграничной Организации Партии С.-Р. На срок до следую-

щего съезда. Заявление В.Я. Гуревича о его выбытии из состава Комитета принимается к сведению.

2. Съезд поручает Областному Комитету подготовить и созвать следующий Съезд Заграничной Организации Партии С.-Р.

3. Съезд единодушно осуждает поведение т.н. «Союза Социалистов-революционеров за границей», возглавляемого В.М. Черновым.

Съезд не усматривает оснований партийно-общественного характера для откола от Заграничной Партийной Организации 10 человек в особый «Заграничный Союз Партии с.-р.», самым категорическим образом протестует против попытки этой группы внести раскол и разложение в ряды единой Заграничной Организации Партии с.-р. и проходит мимо недопустимой кампании тех систематических искажений истины, которым эта группа пытается оправдать свой откол от Заграничной Организации П.-С.-р.

4. Констатируя, что «Революционная Россия», превращенная в орган отколовшейся группы, является орудием дальнейшего разложения и распада Партии, Съезд Заграничной Организации Партии с.-р. отказывается видеть в «Революционной России» центральный орган Партии.

5. Съезд самым решительным образом осуждает В.М. Чернова и его группу за то, что они, нарушив партийные традиции и перешагнув пункт партийной программы о федерации, примкнули, без предварительного обсуждения вопроса Организацией Партии С.-Р., к «Социалистической Лиге Нового Востока», задачи и деятельность которой направлены на расчленение России, мыслимой Съездом, как федерация народов.

Съезд солидаризируется с постановлением Исполнительно Комитета Рабочего Социалистического Интернационала, запрещающим Партиям Рабочего соц. Интернационала участвовать в Социалистической Лиге Нового Востока, равно как и с решением раб. Соц. Интернационала предложить Международному его Конгрессу запретить и персональное участие Членов Партий Раб. Соц. Интернационала в международных объединениях, направление коих находится в противоречии с программой и тактикой Раб. Соц. Интернационала.

В виду этого Съезд полагает, что участие Членов Партии С.-Р. в подобном объединении совместно с представителями Организаций, враждебных Рабочему Социалистическому Интернационалу и ведущих против него ожесточенную борьбу, является совершенно недопустимым» [4].

Фактически делегаты продлили полномочия областного Комитета, осудили деятельность В.М. Чернова, а также отказали журналу «Революционная Россия» вправе именоваться центральным органом партии. Несмотря на столь скромные результаты, И.И. Фондаминский (в съезде участие не принимавший) в письме М.В. Вишняку 16 мая 1928 г. оптимистично заключал: «философия съезда: несмотря на все наши «ереси», мы значительно усилились – наша фракция была в значительном большинстве и у нас новые сторонники (Жаба, Скобцова, Кроль)» [15, с. 433]. Количество и особенно качество «новых сторонников» вряд ли можно считать серьезным подспорьем парижским эсерам – и С.П. Жаба и особенно Е.Ю. Скобцова (в будущем монахиня Мария (известна как Мать Мария) стремительно эволюционировали в религиозную сферу.

Как отмечает И.В. Чубыкин, «итоги работы съезда продемонстрировали фактическое отсутствие за границей единой партийной организации. Составленный из представителей различных партийных течений, Областной комитет обнаружил полную недееспособность, не сумев наладить взаимодействие местных групп, большинство из которых, пройдя регистрацию в Заграничной делегации и Областном комитете, в дальнейшем ничем не проявили себя» [18]. Резолюции съезда были компромиссом, который фактически никого не устраивал и который не мог быть основой для дальнейшей работы.

Реакция В.М. Чернова на решения съезда была вполне предсказуема. В письме Н.С. Русанову из Праги 30 сентября 1928 г. он язвительно, но в целом вполне справедливо отмечал: «Вы уж, конечно, прочли в «Днях», какими громами, да не из тучи, разразились против

нас «взволнованные лоботрясы» уездного городка Парижска с примыкающими к нему пригородами. Я считаю, что лучших резолюций нам, с нашей точки зрения и в виду наших интересов, нечего и желать. Четыре года люди сидели по своим углам, сколько за это время воды утекло, сколько перемен и в России и во всем мире, а они съехались – и если бы не наш «Союз», да не «Соц[иалистическая] лига», им бы и говорить было не о чем. В четырех резолюциях с разных сторон ругали нас всех, ну, и меня, разумеется, в особицу, а больше из себя им и выжить было нечего» [11, с. 106]. Вплоть до 1933 г. в печати и личной переписке продолжалась ожесточенная полемика В.М. Чернова с оппонентами из различных эсеровских группировок.

Парижский съезд стал последним форумом в истории партии социалистов-революционеров, где были представлены, пусть и не в полном объеме, различные течения в партии социалистов-революционеров. Дальнейшие попытки собрать зарубежных эсеров и наладить общепартийную работу оказались безуспешны. На конференции пражской группы ПСР 1931 г. И.А. Якушев отмечал, что «...связь с Россией оборвалась, ЗД практически не существует, во всяком случае общепартийной работы не ведет, отсутствует и центральный орган» [6]. Угасает и издательская деятельность партии. Журнал «Революционная Россия» перестал выходить в Праге в 1931 г. (на №77/78), «Воля России» и «Социалист-революционер» прекратили свое существование в 1932 г. Только в Париже в 1933 – 1936 гг. группе эсеров под редакцией В.В.Руднева удалось выпустить шесть номеров журнала «Свобода».

Расколы в среде послереволюционной эсеровской эмиграции имели российские корни. Речь идет как о самой природе партии социалистов-революционеров, отрицавшей жесткое организационное построение, так и о различном видении путей и методов построения социализма в России среди различных эсеровских группировок. В этой связи обоснованным представляется наблюдение К.Н. Морозова, что «...сложись обстоятельства иначе и существовай партия эсеров в России на свободе, уже вскоре было бы, как минимум, две новые партии, возникшие на базе ПСР. Одна часть эсеров создала бы реформистскую социалистическую партию и заседала в парламенте и правительстве, пропагандируя приоритет национальных интересов над классовыми (а одними из ее главных лидеров были бы Н.Д.Авксентьев, Е.К.Брешко-Брешковская, А.А. Аргунов, И.И. Фондаминский, В.М. Зензинов). Другая, куда вошли бы левоцентристы и немало центристов (...), защищала бы интересы трудящихся всеми легальными способами» [10, с. 410]. Поэтому проблемой (а возможно, и трагедией) ПСР как политической партии стало то обстоятельство, что этот раскол произошел так поздно.

Во время революции и гражданской войны необходимость подпольной работы и тесная связь партийных активистов с народом в определенной мере сглаживали центробежные тенденции (тем не менее, в 1917 г. от ПСР откололись левые эсеры, а в 1919 г. группа «Народ»). В условиях же эмиграции и исчезновения связи с последними группами социалистов-революционеров в Советской России, когда главным видом деятельности заграничных эсеров – помимо элементарного выживания – стала литературно-критическая, груз старых противоречий дал о себе знать в полной мере.

Примечания

1. Аврус А. И., Новиков А. П. От Хвалынска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В. М. Чернова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 300 с.
2. Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.). СПб. : С-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. 432 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-6108. Оп.1. Д.24.
4. Дни. Париж, 1928. 9 мая.
5. Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873- 1952). СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2015. 486 с.
6. Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / публ. подгот. А. П. Новиков, А. Ю. Суслов // Вопр. истории. 2014. №8. С.3-26; №9. С.3-15; №10.

С.3-14; №11. С.3-18; №12. С.3-19; 2015. №1. С.3-26; №2. С.3-15; №3. С.3-14; №4. С.3-17; №5. С.3-17.

7. Кукушкина И. А. Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918-1922) // Русский исход : сб.ст. СПб., 2004. С.79-105.

8. Местковский Д. А. Идеи демократии и партийный централизм: к вопросу об организационных принципах в эсеровской эмиграции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 4 (10), ч. 2. С.117-122.

9. Местковский Д. А. Партия социалистов-революционеров в эмиграции в 1920-х годах. Пути возрождения организации: централизм или демократизм // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 44-55.

10. Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922 – 1926): этика и тактика противоборства. М. : РОССПЭН, 2005. 736 с.

11. «Мы, русские, – другие, мы созданы для испытаний» : письма В. М. Чернова. 1920-1941 / публ., вступ.ст., подгот. текста и коммент. Г. В. Лобачевой, А. П. Новикова ; науч. ред. И. Р.Плеве. Саратов : Саратов. гос. техн. ун-т. 2014. 412 с.

12. Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года : док. из архива П. С.-Р. / собрал и снабдил примеч. и очерком истории партии в пореволюционный период MarcJansen. Amsterdam : Stichting beheer IISG, 1989. 772 с.

13. Партия социалистов-революционеров : док. и материалы. В 3 т. Т. 3, ч. 2. Октябрь 1917 г.-1925 г. М. : РОССПЭН, 2000. 1055 с.

14. Сафонов И. А. Социалисты-революционеры в эмиграции // Общественная мысль Русского зарубежья : энциклопедия. М., 2009. С. 90-117.

15. Современные записки (Париж, 1920-1940). Из архива редакции. Т. 1 / под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. М. : НЛЮ, 2011. 952 с.

16. Социалист-революционер. Париж, 1929. №2.

17. Тикеев М. Д. Эсеровская эмиграция 20-30-х гг. XX в.: идейные основы и общественно-политическая деятельность : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 196 с.

18. Чубыкин И. В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

19. White E. The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921-1939. Milton Park, Abingdon, Oxon ; New York : Routledge, 2010. 208 p.

УДК 94(57): 82-31

Серебрякова З.А.

ИСТОРИЯ КАК ПЕРСОНАЖ БУРЯТСКОГО РОМАНА

HISTORY AS A HERO OF THE BURYAT NOVEL

В статье рассматривается эволюция бурятского романа по пути углубленного понимания истории. Выявлены особенности авторской интерпретации истории в разных типах исторических романов. Бурятский роман пронизан чувством истории, а судьба человека неотрывна от судьбы народа. В статье также анализируются образы некоторых реальных исторических деятелей.

In the article, the evolution of the Buryat novel in the direction of deeper understanding of history is considered. The features of autor's interpretation of history in different types of historical novel have been defined. A Buryat novel is penetrated by the feeling of history, and the human fate is connected with the people's fate. Images of some real historical personalities in Buryat novels are also analyzed in the article.

Ключевые слова: история, литература, бурятский роман, герой, персонаж.

Keywords: history, literature, the Buryat novel, hero, character.

Одной из актуальных проблем современного литературоведения и искусствознания является объективное и всестороннее исследование художественного опыта XX века в объемном историко-культурном контексте. Частью этого наследия является роман в литературах народов России, который относится к числу важнейших достижений литературы прошлого столетия.

Роману свойственны глубина проникновения в суть изображаемого, единство конкретности, интереса к судьбе человека и народа и масштабности, философская обобщенность, целостность мировидения, а также пластичность и незавершенность, отмеченные М.М. Бахтиным. Основное предназначение и миссия романа – концептуальное осмысление истории и места человека в череде исторических событий.

Несмотря на все сложности развития отечественной литературы в советский период, многим писателям удавалось выразить свое миропонимание, свои взгляды и идеалы.

Появление романа в бурятской литературе было вызвано необходимостью в эпически полном отображении коренного перелома в жизни страны, в истории бурятского народа. Писатели ответили на этот вызов времени, и в национальной литературе появились произведения «Степь проснулась» Ж. Тумунова, «На утренней заре» Х. Намсараева, «Доржи, сын Банзара» и его продолжение - роман «Вдали от родных степей» Ч.Цыдендамбаева, опубликованные в 1949-1959 гг., написанные в жанре исторического романа. Ж. Тумунов и Х. Намсараев показывают революцию как важнейшее историческое событие, это подчеркнуто метафорой пробудившейся степи и образом утренней зари в названиях, а также сравнением грозы с социальной бурей в романе Х. Намсараева. Концепция национальной истории в них пока достаточно упрощена: резко противопоставляется старая и новая жизнь, при характеристике персонажей подчеркивается их классовая принадлежность, непременно связанная с моральной оценкой: положительные качества присущи беднякам, а отрицательные поступки и мысли – богачам. Но и в первых бурятских романах условный мир постепенно приобретал художественную конкретность.

Значение персонажей этих произведений в том, что в них впервые воплощены отдельные черты концепции истории и был заложен фундамент для создания полнокровных образов участников исторических событий. Степные пейзажи и другие яркие элементы картины народной жизни ощущаются в романах пока как фон для эпохальных событий или как обязательное условие увлекательности и наивно понимаемой «художественности». Многогранные характеры зрелой бурятской романистики не появились бы так быстро, если бы в ранних романах не было основ для их создания.

Бурятский исторический роман отличается масштабом событий, отображением судеб множества героев, через которые персонифицируется течение истории и постигается ее смысл. Его главным объектом были сложные моменты истории, и авторы обстоятельно их исследовали.

В бурятском романе история выступает как историческое время и историческое пространство, проявлена в образах реальных деятелей и вымышленных действующих лиц, в передаче атмосферы конкретных периодов, в анализе влияния обстоятельств на персонажей и в показе героев как творцов и участников событий, в их чувствах и мыслях, взаимодействии друг с другом, в позиции автора и т.д. Она выступает как локальная история и как Большая история. Первая из них воссоздается в произведениях, действие которых протекает в ограниченном пространстве: одного улуса, местности и т.п., но повествование, как правило, направлено в глубь времени, часто показана сила традиции в бытовании героев (произведения Ч. Цыдендамбаева, А. Бальбурова, Ц.-Ж. Жимбиева, Б. Мунгонова, П. Малакшинова и др.).

Термин «Большая история» используется в современных исторических исследованиях. Так, А. Бюргер подразумевает под ней анализ экономических и социальных отношений [4, с. 30]. Большая история в романе означает события эпического значения, коренным образом меняющие судьбу народа и человека, вписывающие их в контекст эпохи, масштаб больших пространств. Такой исторический масштаб присутствует в романах «Похищенное сча-

стье» Д.-Р. Батожабая и «Долина бессмертников» В. Митыпова, судьбы героев которых соотносятся с историей человечества. Включенность повествования в жизнь страны обозначает причастность к Большой истории и романа «Год огненной змеи» Ц.-Ж. Жимбиева, в нем история – полноправный персонаж.

Теория и практика литературы социалистического реализма исходила из усеченного понимания истории, согласно которому дореволюционное бытие рассматривалось как некий подготовительный этап, предыстория, а нередко объявлялось небытием [5, с. 483]. Как следствие этого понимания в советской литературе главенствовало критическое отношение к прошлому. Лишь советская действительность, свершавшаяся на глазах современников и при их непосредственном участии, считалась подлинной историей.

В литературах народов СССР был особенно популярен историко-революционный роман, одна из проблемно-тематических разновидностей исторического романа. В 1950-1970 гг. события революции были недавним прошлым и воспринимались с присущими тому периоду идеализацией и героизацией, грань между историческим и историко-революционным романом была более отчетливой. Ныне же период начала XX в. стал для большинства людей далеким прошлым, и на первый план выходят черты сходства между историческим и историко-революционным романом советской эпохи.

Концепция истории в книгах Ж. Тумунова и Х. Намсараева, а также в романе «Горные орлы» Д.-Р. Батожабая носит «усеченный» по сравнению с другими романами характер, и подлинная, в понимании указанных авторов, история начинается лишь с Октября. Вместе с дореволюционной жизнью отрицается либо остается вне внимания романистов (кроме Ж. Тумунова) все, что связано с традициями народа. Такой подход, в конечном счете, не дает объективной исторической панорамы.

Вместе с тем в реальной литературной практике, в сознании писателей существовало и другое понимание истории. Даже когда революция показывается как эпохальное событие, она раскрывается ими в определенных пространственно-временных координатах. В романе «Степь проснулась» агинская степь – не только место действия, с нею связаны мысли и чувства персонажей, ощущающих себя частью родной земли. Достаточно ярко изображена история своего народа в пространстве национальной жизни в творчестве таких прозаиков, как Ч. Цыдендамбаев, (первый роман дилогии о Д. Банзарове), Б. Санжин, описавший события, связанные с походом хоринцев к Петру I в начале XVIII в. в романе «Путь праведный», П. Малакшинов, убедительно воссоздавший жизнь бурятского улуса начала XX века в романе «Аларь-гол» и др.

Содержание многих бурятских романов о предреволюционном и пореволюционном периодах, несмотря на сходство их идей и образов с идеями и образами других советских литератур, связано не столько с историей революции, сколько с историей бурятского и других народов, проживающих в Бурятии тех лет («Поющие стрелы» А. Бальбурова, «Похищенное счастье» Д.-Р. Батожабая, «Мать-лебедица» Ц. Галанова, «Школа в Таряте» П. Малакшинова и др.). Прошлое в них весомо, значимо и тесно связано с настоящим. При этом локальная история, как правило, выступает в контексте истории страны. Начиная с дилогии о Д. Банзарове Ч. Цыдендамбаева, прошлое в бурятском романе интерпретируется в аспекте ценности наследия народа. В русле такой концепции истории развивается мотив прошлого в романе о современности «Хилок наш бурливый» Б. Мунгонова.

В бурятском романе персонаж, чаще всего, показан как часть общности: семья, родственники, круг друзей и товарищей, земляков и т.д., наконец, он – часть народа, и в этом качестве участник исторических событий, вписывается в движение истории, исторический процесс. Герои изображаются патриотами своей родины, которая для них неотрывна от ценности семьи, рода.

Писатели Бурятии создали убедительные образы реальных деятелей, сыгравших важную роль в истории, культуре, оставивших заметный след в памяти предшествующих и ныне живущих поколений. Некоторые из них рассмотрим более подробно.

В романе «Доржи, сын Банзара» Ч. Цыдендамбаева рассказывается о детстве Д. Банзарова, первого бурятского ученого-ориенталиста с европейским образованием. Писателю удалось проследить истоки формирования его личности в бурятском улусе Ичетуй и во время учебы в Кяхте. В романе изображено множество типов персонажей, окружающих мальчика: задавленные нуждой, покорные, терпеливые и смелые, активные выразители народных чаяний. Автор показывает жестокую эксплуатацию и социальную несправедливость со стороны знати улусного общества, поборы властей всех уровней, которым подвергается большинство соседей и знакомых главного героя. Все это глубоко воздействует на формирование сознания Банзарова. Одна из главных заслуг писателя – колоритная картина жизни бурятского улуса, показ судеб людей, наполненных неустанным трудом, вдохновенным творчеством, семейными радостями. Особой проникновенностью отличаются эпизоды, переданные через восприятие будущего ученого, с его любознательностью, наблюдательностью, детской свежестью чувств и непосредственностью. Этот фон, составивший биографию будущей яркой личности – первого бурятского ученого Д. Банзарова, становится наиболее интересным «персонажем» благодаря стяжению всех судеб в его характере.

Знакомство с романом помогает читателю понять истоки пытливости ума и увлеченности предметом исследований, свойственных будущему ученому, которые писатель связывает с таким качеством национального менталитета, как тяга к знаниям, высокий статус мудрости и образованности.

Ч. Цыдендамбаев показывает присущую бурятам восприимчивость и искренний интерес к достижениям других народов. Доржи и его одноклассники увлеченно читают русскую литературу, находят общее между персонажами сказок Пушкина и образами родного фольклора. Прозаик показывает, насколько много значат для ребят легендарные имена декабристов, отбывавших каторгу и ссылку в Забайкалье.

Во втором романе «Вдали от родных степей», являющемся продолжением романа «Доржи, сын Банзара», студент, затем соискатель кандидатской степени Казанского университета Банзаров работает над рукописью научного труда о шаманстве у монголов.

Он считает себя сыном своего народа и всей России, надеется своей научной деятельностью возвысить и прославить её. Молодой ученый с энтузиазмом говорит об одаренности народа и созданных им бесценных сокровищах культуры, стремится глубоко осмыслить духовное наследие бурят.

Писатель передает атмосферу жизни интеллигенции России того периода. Так, в записной книжке главного героя среди прочтенных книг – стихи С. Аксакова, «Мертвые души» Гоголя, а также особенно интересные номера журнала «Современник». Он наизусть знает стихи Шекспира, Байрона, Гейне и других поэтов (некоторые на языке оригинала), многих русских авторов, в числе которых Сумароков, Ломоносов, Пушкин. Доржи выступает инициатором сбора средств в помощь больному Белинскому.

При всем своем мастерстве писатель не мог избежать идеологических стереотипов своего времени. Поэтому столь далекими от объективности и правдоподобия звучат чрезмерно резкие высказывания молодого ученого о шаманах, его противопоставления служителей культа народу.

Нужно отметить, что по своим художественным достоинствам это произведение значительно уступает первой книге дилогии. Следует согласиться, что «иллюстративность, бытописательство не способствуют глубокому реалистическому изображению жизни, эпохи, героя» [3, с. 29].

Реальные исторические персонажи выведены и в историко-революционном романе «Горные орлы» Д. Батожабая. Это известные деятели периода октябрьской революции и гражданской войны в Бурятии П.С. Балтахинов и М.Н. Ербанов. Писатель отмечает их преданность делу революции, ответственность, самоотверженность, меньше внимания уделяя при этом индивидуализации их образов. Показательно, что в числе немногих качеств, позволяющих читателю полнее представить внутренний мир героев, писатель выделяет одно из

отличительных свойств бурятского национального характера – стремление к знаниям. Им прозаик наделяет бурятского революционера Павла Балтахинова, с детства выделявшегося любознательностью, бойкостью и складностью речи, и в пятнадцать лет с золотой медалью окончившего духовное училище. О радости, которую дает ему процесс познания говорит другой бурятский революционер Михай Ербанов: «Книги тебе дороже хлеба окажутся, дивиться будешь – как раньше без них жить мог. С книгой человек поднимается выше небес, опускается в глубины моря, в глубины души, не выходя из дома весь свет объехать может, понять свою жизнь и жизнь народа, с книгой человек без оружия вооружен – вот как!» [2, с. 144].

В литературе 1960-1980-х гг. выделяются романы В. Митыпова, особенностью которых является внимание их героев к исторической памяти. Они напоминали читателю-современнику, что он связан с историей, принадлежит ей. Таким историческим зрением наделен Олег Аюшеев («Долина бессмертников»). Здесь история становится одним из «персонажей» бурятского романа.

В качестве важной особенности социалистического реализма М. Балина отмечает доминирование времени над пространством [1, с. 585]. Действительно, соцреалистическое искусство с его устремленностью в будущее характеризуется доминированием времени, часто представляющего как неудержимый поток, а пространство зачастую представлено абстрактно, как весь мир, планета, которой в скором будущем предстоит быть охваченной энергией революции.

В хронотопе же бурятского романа, особенно начиная с 1960-х гг., пространство вступает в свои права, оно почти всегда показано как пространство национальной реальности и включает весь предметно-вещный мир: юрта или дом, их интерьер, двор, мир улусной жизни и в особенности – пейзаж, изображение которого открывает большие возможности для выражения субъективности, оказывается пронизанным идеями, связанными с прошедшей историей, смыслом бытия, вечностью, иначе говоря, приобретает трансцендентальное измерение. Писатели, хорошо знавшие жизнь родного народа, нередко мастерски воспроизводят национальные реалии, богатство и своеобразие национальной культуры.

Обращение к истории часто происходило под воздействием современности, сопровождалось осознанием новых связей между прошлым и настоящим. История в романах о современности становится действующим лицом, персонажем, поскольку историческое чувство героев книги осознается писателями как момент истины. Так, в романах «Голубые сопки» Ж. Балданжабона и «Степные дороги» Ц.-Ж. Жимбиева далекая история пронизывает современность, от нее тянутся невидимые, но неразрывные связи к актуальным событиям и жизни людей. Это происходит благодаря воспоминаниям героев о прошлом, пейзажам, введению в структуру романа Жимбиева степного изваяния, с которым беседует в своих снах главная героиня, раздумьям о предках-кочевниках одного из персонажей романа «Голубые сопки» и другим средствам художественного осмысления действительности.

В исторических произведениях отражается эпоха, несмотря на ее субъективную интерпретацию автором в контексте своего времени, а в произведениях на тему современности сегодняшние реалии соприкасаются с прошлым, т.к. писатель испытывает потребность в оценке настоящего времени в контексте истории. В романе «Год огненной змеи», наряду с событиями бушующей на западе страны Великой Отечественной войны, на фронтах которой сражаются близкие герои, показана и жизнь бурятского улуса первого, самого трудного года войны. В художественную ткань романа органично вплетены образы и мотивы народного творчества, в том числе образы богатырей-защитников народа, благодаря чему становится очевидной и естественной преемственность прошлого и настоящего.

Несмотря на главенствующую идеологическую парадигму, в бурятском романе имел место отход от нее благодаря знанию писателями национальной реальности, пониманию нерасторжимости традиций и современности, чуткости романистов к народному мироощущению. Таким образом, при всех сложностях, обусловленных ситуацией прошедшей эпохи, бу-

рятский роман советского периода представляет собой художественную концепцию истории, а история выступает одним из его персонажей.

Благодаря красочной картине, воссозданной в бурятских романах, у читателя формируется целостное впечатление об истории Бурятии, о процессах, происходящих в различных сферах деятельности, прежде всего в духовной культуре. Романы дают представление об идеях, идеалах, чувствах и мыслях людей, о самих этих людях, в том числе и о реальных исторических деятелях.

Примечания

1. Балина М. Дискурс времени в соцреализме // Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 585-595.

2. Батожабай Д. Горные орлы : роман / пер. с бурят., послесл. Н. Ершова. М. : Современник, 1978. 272 с.

3. История бурятской литературы : в 3 т. Улан-Удэ : Бурят. науч. центр СО РАН, 1997. Т. 3. 298 с.

4. История ментальностей, историческая антропология : зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. 255 с.

5. Постоутенко К. Исторический оптимизм как модус сталинской культуры // Соцреалистический канон : сб. ст. С. 48-491.

УДК 37(91)(Б71.54)

Санникова М.И.

ОБРАЗОВАНИЕ В г. ВЕРХНЕУДИНСК В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

EDUCATION IN VERKHNEUDINSK TOWN AT THE END OF XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES

Начало государственному общему образованию в России было заложено в 80-х годах XVIII в. в Восточной Сибири, в связи с малонаселенностью региона и недостаточным развитием экономики, развитие сети общеобразовательных школ происходило медленными темпами. Состояние образования в конце XVIII – первой половине XIX вв. рассмотрено на примере одного уездного города.

The state general education in Russia started in the 1780s. The development of the secondary schools network was slow due to the small population density and insufficient growth rate of economy in the region. The state of education at the end of XVIII – first half of the XIX centuries is considered on the example of Verkhneudinsk.

Keywords: history of education, school reform.

Ключевые слова: история образования, школьная реформа, учебные заведения.

В разные исторические периоды российская школа претерпевала значительные изменения, стремясь отвечать требованиям времени. Этот процесс мы наблюдаем и сейчас. С реформ Петра I получает свое развитие светское образование. Именно тогда в европейской части России стала формироваться сеть начальных и профессиональных учебных заведений. Что касается Восточной Сибири, то здесь начальные «цифирные» и «градские» школы, открывавшиеся по «Регламенту Главного Магистрата» (1720 г.), не прижились из-за отсутствия городских средств на их содержание. Медленные темпы экономического развития Сибири в этот период не стимулировали развитие спроса на образование.

Начало образованию в Забайкалье было положено во время правления Анны Иоанновны. Так, первым учебным заведением стала открытая в Селенгинске начальная школа для детей солдат и казаков. Здесь обучали элементарной грамоте, а также ремеслам и военному делу. Середина XVIII в. ознаменовалась открытием в Забайкалье двух профессиональных школ

– Нерчинских навигационной и горнозаводской, что было обусловлено необходимостью подготовки специалистов для морской службы и горного дела [1].

Появление первого общеобразовательного учреждения в Забайкалье было связано с реформами школы, проведенными в правление Екатерины II. Созданная 2 сент. 1782 г. «Комиссия об учреждении училищ» занялась проработкой вопросов открытия общеобразовательных школ с единой учебной программой, а также подготовкой соответствующих учебников. За основу постановки школьного дела был взят австрийский опыт. Комиссией был разработан «Устав народных училищ» (1786 г.), предполагавший открытие главных и малых народных училищ – общеобразовательных школ.

С ноября 1788 г. начался подготовительный этап к открытию главных народных училищ в Иркутском, Тобольском и Колыванском Сибирских наместничествах, а на следующий год состоялся первый набор учеников. В главных училищах преподавались такие предметы, как: «Закон Божий», география, история, алгебра, геометрия, естественная история, гражданская архитектура, изучались два языка.

С 1789 г. в России учреждаются малые народные училища, являвшиеся первой ступенью в системе среднего образования. В 1793 г. состоялось открытие Верхнеудинского малого народного училища, ставшего первым учебным заведением города и первым общеобразовательным учебным заведением в Забайкалье. Училище «находилось на берегу р. Уды поблизости соборной церкви в доме купца Орлова» [2]. В первый год обучения, соответственно в первый класс было зачислено 29 учеников. В 1794 г., уже в двух классах, обучалось 35 детей. В последующие годы (до 1897 г.) число учащихся в училище не превышало двадцати человек. Учителем классов был назначен Николай Иванович Ощепков, якут по национальности, воспитанник священника Ощепкова. Николай Иванович получил образование в Иркутской семинарии, обучаясь там с 1781 г. чтению, письму, латинскому языку и риторике. Затем, подготавливаясь к учительской должности, окончил Иркутское главное народное училище, обучаясь предметам 1 и 2 классов и методике их преподавания. 13 февраля 1793 г. он был «определен Иркутским приказом общественного призрения в Верхнеудинскую малую народную школу первого, а на другой год и 2-го класса учителем» [3].

Всего в Восточной Сибири насчитывалось два малых училища – в Иркутске и Верхнеудинске. Программа малых народных училищ включала в себя чтение, чистописание, первые действия арифметики, грамматику, чистописание, «Священную историю». Учебная программа двух первых классов главного народного училища была тождественна программе малого двухклассного училища [4]. Выпускники малых училищ могли продолжить образование, перейдя в третий класс учебного заведения второй ступени подготовки. Учебники, учебные пособия, карты, атласы, были подготовлены «Училищной комиссией» для этих учебных заведений.

Следующие серьезные изменения в системе общего образования произошли в начале XIX в. В 1804 г. «Училищная комиссия», в ходе реформ правительственных учреждений, была преобразована в Министерство народного просвещения (МНП). В том же 1804 г. при министерстве был создан цензурный комитет и принят «Цензурный устав».

Реформа в деле образования 1804 г. дала толчок развитию сети начальных школ министерства народного просвещения. Второй ступенью среднего образования стали уездные 4-х классные училища, преобразованные из малых училищ. Полное среднее образование давали гимназии губернских городов, преобразованные из главных училищ, либо вновь созданные. В итоге общеобразовательная школа стала трехступенчатой, продолжая оставаться, до 1826 г., бессловной. Круг изучаемых предметов определялся тем же «Уставом» [5].

В 1804 г. МНП был разработан и издан «Устав об университетах», в соответствии с которым территория страны была поделена на шесть учебных округов по числу университетов: Московского, Петербургского, Харьковского, Виленского, Дерптского и Казанского. По «Общему уставу училищ, подведомственных университетам» (1804 г.) все общеобразователь-

ные учебные заведения МНП Сибири и Дальнего Востока входили до 1828 г. в Казанский учебный округ.

В 1804 г. Верхнеудинское малое народное училище получает статус уездного. Кроме учебных предметов, преподаваемых в начальных классах, учебная программа уездных училищ включала изучение физики, начальных правил геометрии, чтение книги «О должностях человека и гражданина».

Школьная реформа была подготовлена не в полном объеме к начавшимся школьным преобразованиям. Это видно по необеспеченности учебных заведений необходимым количеством учебных изданий. Так, в 1806 г. в Верхнеудинском малом народном училище, несмотря на ежегодные заказы на книги, отмечался большой недостаток учебников и пособий, в нем имелось всего 23 книги и одна карта Европы, в то время, как число учащихся в 1806-1807 уч. г. составляло 32 человека.

Круг чтения детей и юношества, обучавшихся в общеобразовательных школах, определялся «Цензурным комитетом» МНП, и ограничивался учебниками, книгами духовного и монархического содержания. Давая оценку уровню грамотности среди учащихся г. Верхнеудинск за первую четверть XIX в., смотритель училищ Верхнеудинского учебного округа Г. Копылов писал в отчете, что одной из причин низкой образованности являлось препятствие в «распространению оной» самих родителей. Многие из учеников не заканчивали полного курса уездного училища, осваивая только элементарную грамоту: чтение, письмо и начальные правила арифметики. Вторым и «главнейшим препятствием» было «слабое содействие местного начальства» [6].

По архивным сведениям второй четверти XIX в. Верхнеудинское уездное училище располагало двумя библиотеками: постоянной – для учащихся и «продажной», своего рода коллектора, фонд которой создавался с учетом перспективного и оперативного комплектования начальных учебных заведений Верхнеудинского учебного округа, а также продажи учащимся.

Сами учебные библиотеки комплектовались не только за счет государственного финансирования, но и за счет частных вложений. Так, за 1824 г. было пожертвовано на пополнение фонда книгами 205 руб. 40 коп. К январю 1825 г. вместе с остатком за 1823 г. сумма составила значительный объем – 781 руб. 65 коп., что позволяло уверенно осуществлять централизованные заказы. На приобретение книг для Верхнеудинского учебного округа было израсходовано за два года 678 рублей. Более того, у уездного училища была возможность выдавать часть учебников необеспеченным ученикам бесплатно [7].

Такая школьная политика перспективного комплектования Верхнеудинского уездного училища, проводимая смотрителем Г. Копыловым, оправдывала себя, большое число детей Верхнеудинского учебного округа оставалось не охваченным даже начальным школьным образованием. «Указ о казаках» 1824 г. позволил создать в г. Верхнеудинск начальную школу для обучения казачьих детей. В первый год ее открытия (1825 г.) был осуществлен набор в количестве 120 учащихся. Перечень учебных предметов этой школы был такой же, как и в приходских министерских училищах (школах), программа обучения дополнительно включала военную подготовку. По предписанию Иркутского генерал-губернатора М.М. Сперанского, атаман Забайкальского казачьего войска обратился к Г. Копылову с ходатайством о приобретении книг для вновь испеченной школы. Для учащихся требовалось «Российских букварей» 60 экз., «Правил для учащихся» 2 экз., «Кратких Священных историй» и «Катехизисов» по 30 экз., «Арифметики», Ч. 1 Ф.И. Буссе и «Закона Божия» по 25 экз. [8].

Во второй четверти XIX в. в Верхнеудинске открывается городское приходское училище (1833 г.) с типовым набором учебных дисциплин. Общеобразовательные учебные заведения первой ступени могли приобретать книги с целью обучения детей начальной грамоте и некоторые издания для внеклассного чтения. Сумма ежегодных затрат определялась дирекцией Иркутской гимназии и не превышала 10 руб. в год. В приходских одноклассных училищах преподавались следующие предметы: грамматика, чистописание, Закон Божий, чтение, пер-

вые действия арифметики. Соответственно приобретались необходимые по этим предметам книги: «Сокращенный» и «Пространный Катехизис», «Евангелие», «Священная история или начатки христианского учения», «Русская грамматика» Востокова, «Российский букварь», «Арифметика. Ч.Г. Буссе. Учителя приходских училищ выписывали для своих воспитанников журнал «Друг детей» [9].

Комплектование учебных библиотек системы МНП носило централизованный характер. Заявки на книги и учебные пособия поступали, в зависимости от осуществляемого набора на следующий учебный год, от учителей приходских школ вначале на имя смотрителя своего учебного округа. По итогам формировался общий заказ от уездных учебных округов и направлялся в Дирекцию гимназий. Сводные заявки на комплектование учебных заведений губерний направлялись в МНП. (Дирекции гимназий предоставляли общие заказы МНП).

Заметно улучшилась ситуация с развитием сети учебных заведений Верхнеудинского учебного округа при назначении смотрителем известного деятеля Восточной Сибири Дмитрия Павловича Давыдова. Свою педагогическую деятельность Д.П. Давыдов начал учителем первого класса Троицкосавского уездного училища (1830-1833 гг.). После тринадцатилетней службы учителем, а затем смотрителем Якутского уездного училища, Дмитрий Павлович был переведен в 1844 г. на новое место службы – Верхнеудинское уездное училище, с сохранением должности. При содействии Давыдова в Верхнеудинском учебном округе было открыто пять новых приходских школ, в том числе при Кударинской и Баргузинской степных думах, где, помимо обязательных учебных предметов, детей обучали монгольскому языку. Необходимые книги для бурятских приходских училищ выписывались из Казанского университета. Библиотека Верхнеудинского уездного училища также располагала небольшим количеством книг на монгольском языке.

Частным обучением монгольскому языку в Троицкосавске и Верхнеудинске занимался Александр Васильевич Игумнов (1811-1814 гг.), являвшийся одним из лучших знатоков монгольского языка в России. Вначале работа «толмачем» в Кяхтинской пограничной канцелярии, затем успешная государственная и частная практика в Верхнеудинске, Троицкосавске, Иркутске. По характеристике, данной Иркутской консисторией, Александр Васильевич «по образованию своему в монголо-бурятском языке ... первый в Иркутской губернии» [10]. Личная библиотека Игумнова А.В. состояла приблизительно из семидесяти книг на монгольском и маньчжурском языках, по которым он вел занятия [11].

Итак, образование в г. Верхнеудинск берет свое начало с открытия первого в Забайкалье общеобразовательного учебного заведения – малого народного училища. Следует оговориться, что подобные учебные заведения не давали полного среднего образования, а являлись первой ступенью в двухступенчатой системе подготовки. В 1804 г. Верхнеудинское малое народное училище было преобразовано в уездное и уже стало второй ступенью в трехступенчатой системе (приходская школа – уездное училище – гимназия). Из начальных учебных заведений в дореформенный период в г. Верхнеудинске были открыты начальная казачья школа (1824 г.), и министерское городское приходское училище (1833 г.).

Число обучающихся детей в г. Верхнеудинске оставалось незначительным на протяжении всей первой половины XIX в. На состояние общего образования оказывало влияние слабое экономическое развитие уездного города, недостаточное внимание со стороны городского самоуправления, недолжное внимание к вопросу обучения своих детей со стороны родителей.

Круг чтения детей и юношества, обучавшихся в уездных и приходских училищах (школах) определялся «Цензурным комитетом» Министерства народного просвещения и ограничивался учебниками, книгами духовного и монархического содержания. Но даже эти издания для внеклассного чтения не всегда оказывались доступными для учащихся. Отмечается неудовлетворительное состояние училищных библиотек, медленный прирост их фондов был связан с целым рядом причин: недостаточный тираж издаваемой учебной литературы, бы-

строе обветшание книг при постоянном использовании во время классных занятий, незначительная годовая денежная сумма, выделяемая на приобретение учебников.

Примечания

1. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып. 1. Общий ход развития школьного дела в Сибири. Ново-Николаевск, 1923. С. 26.
2. РГИА (Рос. гос. ист. архив). Ф. 730. Оп. 2. Д. 480. Л. 2(об)-3.
3. Там же. Л. 5(об)-6.
4. Юрцовский Н. С. Очерки истории просвещения ... С. 44.
5. Годы реакции наступили после восстания декабристов, в царствование Николая I. Новый «Устав учебных заведений» 1828 г. окончательно утвердил их сословный характер. Была нарушена преемственность в трехступенчатой системе общего образования.
6. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Ч. 2. Л. 213.
7. Там же. Л. 197-204.
8. Там же. Л. 10 (об.), 22, 256.
9. Там же. Д. 32. Л. 4.
10. Там же. Л. 54 (об.).
11. Яроцкий А. В. О деятельности П. Л. Шиллинга, как востоковеда // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963. Сб. 6. С. 223-224.

УДК 391.0

Чернявская О.А.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОДЕЖДЫ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ

HISTORY OF THE STUDY OF PEOPLES' CLOTHING IN THE NORTH-EAST SIBERIA

В статье представлена история изучения одежды народов Северо-Востока Сибири, которую можно разделить на три этапа: первый – описательный; на втором этапе делались попытки сравнительного межэтнического, конструктивного анализа, создания методики описания одежды; для третьего этапа характерно изучение и обработка накопленных материалов и выявление роли одежды в духовной жизни народа, ее семиотической сущности.

The article provides the history of the study of clothing of peoples in the Northeast Siberia, which can be divided into three stages: the first is descriptive; in the second phase, the author tried to provide comparative analysis of clothing and to create a methodology of description; in the third phase, study and processing of accumulated material and identification of the role of clothing in the spiritual life of the Siberian people, its semiotic entity are provided.

Ключевые слова: традиционная одежда, коренные малочисленные народы Сибири.

Keywords: the traditional clothes, the indigenous peoples of Siberia.

Одежда относится к числу устойчивых этнических признаков и дает богатый материал для изучения национальной культуры того или иного народа, а порой и ключ к пониманию некоторых вопросов конкретной истории, этногенеза, исторических связей и взаимовлияний народов, его контактах и взаимодействиях. На формирование традиционной одежды повлияли хозяйственная деятельность той или иной этнической группы, социально-политические особенности ее жизни. Кроме того, на это повлияла и этническая традиция, отражающая эстетические вкусы, бытовые привычки, этические нормы многих поколений, а также исторически сложившиеся межэтнические связи. Поэтому при изучении одежды возникают многие историко-культурные вопросы – это влияние географических и хозяйственных условий, повлиявших на изобретение различных форм одежды, а также вопрос культурных заимствований. Важно определить степень этих влияний. Для исследования коллекции одежды, хранящейся в фондах музея, необходимо изучить труды ученых, наблюдавших жизнь населения Сибири в период его раннего развития, ученых описывающих музейные коллекции одежды на современном этапе.

Первый, описательный этап изучения традиционной одежды лишь частично знакомит с костюмом народов Сибири. Изучение Сибири приобретает организованный и систематический характер с 20-х гг. XVIII в. В Сибирь направляются комплексные экспедиции, ориентированные на изучение не только геологии, природных ресурсов, но и на выявление и описание народов, населяющих эти края. Участники больших академических экспедиций делали краткое описание одежды, сведения о ней носили разрозненный и случайный характер, информация зависела от времени года, в которое исследователи проезжали по территориям коренного населения. Однако любое, даже беглое замечание исследователей ценно. В «Сибирской истории» Фишер пишет: «Верхние места реки Лены издревле обитаемы были Тунгусами и Бурятами» [50, с. 528]. Такие замечания дают возможность говорить о тесном контакте бурят и тунгусов этого района, что могло отразиться и в одежде.

Большой вклад в изучение Сибири внес профессор Г.Ф. Миллер, участник Второй Камчатской экспедиции, подготовивший к 1750 г. трехтомник «История Сибири». В него вошли рукописные акты XVII-XVIII веков из сибирских архивов, записи легенд, рукописи по истории и этнографии на русском и монгольском языках. Работа была переиздана в 1937-1941 гг. Богатые данные о природе, географии, этнографии, быте, культуре, языках и истории народов Сибири, особенно Бурятии, Якутии, Камчатке и Чукотке собрали участники академической экспедиции – студент С.П. Крашенинников, переводчик Я.И. Линденау, адъютанты Г.В. Стеллер и И.С. Фишер. Разнообразные материалы, собранные С.П. Крашенинниковым вошли в его классическую монографию «Описание земли Камчатки», впервые изданную в 1755 г. Он делает подробное описание одежды и сравнение покроя у разных народов, населявших Камчатку: «Верхнее платье по казачьи называется куклянка, от северных Камчадалов Коавись, а от южных Кахпитачь; а делаются куклянки двумя разными покроями, у одних подольбывается ровной, а у других назади с нарочитою выемкою и с хвостом долгимъ...» [36, с. 43]. Бесценным в его работах было то, что он не просто описывал самобытную культуру народов Камчатки, но и указал на изменения, которые происходили здесь под влиянием русской культуры. В 1785-1793 гг. Сенатом была организована Северо-Восточная экспедиция И.И. Биллингса – Г. Сарычева. В своей работе «Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении семи лет при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год» (1802 г.) Г. Сарычев впервые дал картину быта чукчей, внес уточнения и дополнения в ранее собранные данные об алеутах, юкагирах, об охотских тунгусах, якутах и русском населении Сибири.

Для изучения отдаленных мест практиковалось привлечение и местных сил. В 1734 и 1747 гг. В.Н.Татищевым были разосланы по Сибири анкеты с вопросами по экономике, географии, статистике, этнографии и истории Сибири. Созданная в 1766 г. Ясачная комиссия должна была решать многие вопросы, связанные с положением ясачного населения, и в 1767 г. анкеты, подобные предыдущим разослал Сенат. По заданиям Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, Э. Лаксмана, П.С. Палласа по сбору историко-этнографического материала работали геодезисты, учителя и другие специалисты. В анкеты был включены вопросы и об одежде: «Какие одеяния носят зимою и летом обоюга пола ясашные? Какие наряды употребляют? В чем почитают щеголять?» [2, с. 93]. В 1799 г. был издан труд И.Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, верований, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопримечательностей». Автор обратил внимание на отличия мужской, женской и девичьей одежды, а также попытался сравнить одежду разных народов. Так, он пишет об одежде тунгусов: «Одеянье ихъ сходно наибольше съ Якутскими, тем паче отменно от одежды почти всехъ прочихъ Восточныхъ народов... одеяние ихъ обыкновенно короче и уже, да и сапоги свои не так часто, как Якуты украшают черными и белыми полосами из необделанных звериных шкур, но испещряют их красивым шитьем или строчением и бисером...» [18, с. 44]. Таким образом, в XVIII в. был собран не только обширный материал о

народах Северо-востока России, но и сделана попытка описать и проанализировать этнические и половые различия в декоре и конструкции одежды местного населения.

К середине XIX в. становится ясно, что с помощью только экспедиций из центра невозможно провести научные исследования, необходимо создать отдел Русского географического Общества в Сибири. В 1851 г. в Иркутске был создан Восточно-Сибирский отдел императорского русского географического общества (ВСОИРГО). На первых порах он не имел определенного района действия. Сюда стекалась информация практически со всех областей Сибири. Не имел отдел и четкой программы исследований. В первые годы деятельности во ВСОИРГО поступали разрозненные материалы, как например, заметки от протоиерея Хитрово «Описание Жиганского улуса», или описания священника А. Аргентова «Путевые записки священника-миссионера А. Аргентова в приполярной местности», изданные в «Записках ВСОИРГО» в 1857 г. Руководитель Вилюйской экспедиции Р.К. Маак делал краткие описания быта населяющих те земли народов. Работа его вышла через 30 лет после экспедиции и сохранила, в том числе зарисовки утвари и одежды. Результаты Чукотской экспедиции (1868 г.) вышли в Известиях ВСОИРГО в 1868 г. в виде статьи Г.А. Майделя «Ответы Чукотской экспедиции на вопросы академика Берга». В таких работах большей частью давалась географическая информация и экономическое положение туземцев.

Второй этап в изучении одежды можно назвать периодом накопления материала и началом разработки программ по единому описанию одежды.

В 1894 г. Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества на средства купца И.М. Сибирякова была снаряжена экспедиция под руководством и наблюдением правителя дел Д.Д. Клеменца. В первую очередь перед экспедицией стояла задача в выяснении экономических условий жизни инородцев, живущих в приисковом районе Якутской области. И.М. Сибиряков писал Д.Д. Клеменцу о необходимости узнать, вымирают ли коренное население или нарождаются, каковы их обычаи, предания и т.д. Среди исследователей, работавших на Чукотке в составе экспедиции, первое место принадлежит политическому ссыльному лингвисту и этнографу В.Г. Богоразу. Вместе с В.И. Иохельсоном он собрал богатый этнографический и лингвистический материал о чукчах, эскимосах, эвенах, чуванцах и русских-старожилах Колымского края. В.Г. Богораз писал, что «внедрившись в среду коряков, часть их (чукоч) в значительной степени ассимилировалась, но старшее поколение, переселившись даже на самую Камчатку, до сих пор говорит по-чукотски. На пограничной линии между чукчами и коряками есть несколько стойбищ, обитатели которых не могут определить, к какому племени они принадлежат, потому что самосознание оленных одно и то же, а языки их весьма схожи» [6, с. 6]. Другой участник экспедиции В.И. Иохельсон два года провел среди юкагиров и привез оттуда большой фольклорный материал, а также ценные этнографические наблюдения, которые были опубликованы в небольшом очерке «По рекам Ясачной и Коркодону» в 1898 г. Будучи членом корякско-юкагирского отряда Джузеповской экспедиции (1900-1902 гг.), В.И. Иохельсон обследовал корякские селения, тщательно изучил предметы художественного творчества: вышивки, изделия из кости. В 1894 г. Э. Пекарским была написана «Программа экспедиционных работ для исследования домашнего и семейного быта якутов». Основные вопросы ее касались хозяйственной деятельности, верований, психического склада народа. В разделе программы «Портняжество» основное внимание уделялось вышивке и рукоделию. По итогам Якутской экспедиции больше повезло исследованиям В.Л. Серошевского. На деньги А.И. Поповой была напечатана его монография «Якуты» [47], в которой есть и описание одежды. Русская цензура долго не разрешала публикацию трудов как В.Г. Богораз, так и В.И. Иохельсона. Результаты их исследований впервые были напечатаны в США, на английском языке. И только в 1936 г. вышли две части из огромного труда на русском языке «Социальная организация чукчей» и «Религия чукчей». Что касается раздела о материальной культуре и информации об одежде, то он увидел свет только в 1991 г., когда было выпущено полное издание В.Г. Богораз.

Сложнейшая ситуация в стране в начале XX в.: русско-японская война, революция 1905 г. – не способствовали развитию науки в стране. Из работ интересующего нас региона можно

отметить «Путешествие по Камчатке в 1908-1909 гг.» В.Л. Комарова, изданная в 1912 г. Одежда в его работе описана довольно бегло. Кроме того, для этнографических работ конца XIX – начала XX вв. характерна субъективность. Описание одежды делалось выборочно: чаще всего это яркая, праздничная одежда, в то время как невзрачная на вид повседневная выпадала из поля зрения исследователей. Данные факторы повлияли и на комплектование коллекций в музеях, и в результате отразились на последующих исследованиях.

Итоги изучения одежды в XIX в. можно подвести словами Н.И. Гаген-Торн, сказанными в статье «К методике изучения одежды в этнографии СССР», изданной в 1933 г.: «Нет ни одной монографии, посвященной отдельной народности или району, где не упоминалась бы одежда; но большая часть этих описаний научно далеко неудовлетворительны. Одежда описывается там только как часть общего впечатления о культуре народности, воспринятая с точки зрения эстетики или экзотичности. Это сказывается на описании: оно туманно, неопределенно, лишено четкости, точности, чертежа и обмера» [17, с. 119].

После октябрьской революции выдвигаются новые подходы в методологии науки, в основе которых лежат принципы соединения науки с развитием производительных сил. В 1920-е гг. возобновились экспедиции в Сибирь. Основная роль в этом принадлежала Геологическому комитету Российской Академии наук. В 1925 г. была создана Комиссия по изучению Якутской АССР, но маршруты ее экспедиций пролегали по течению р. Лена и ее притокам, поэтому районы Колымы и Чукотки не были охвачены. В северных районах Сибири с 1927 г. работала Тунгусская экспедиция. Центром по выработке методов обобщения этнографического материала стал журнал Академии наук «Советская этнография». В 1931 г. в этом журнале выходит статья Н.М. Маторина «Современный этап и задачи советской этнографии», где формируется основная задача – исследование «докапиталистических пережитков» или изучение доклассовых обществ. В этом же номере были опубликованы статьи В.Г. Тан-Богораз «Классовое расслоение у чукоч-оленьеводов» и Л.Я. Штернберга «Орнамент из оленьего волоса и игл дикобраза», посвященная орнаменту народов Севера.

В 1933 г. состоялся I Всесоюзный географический съезд. На секции по этнографии с докладом выступил Д.Н. Зеленин. В своей речи он говорил о необходимости изучения этнографических предметов (веществоведении), что было раскритиковано. Постепенно материалы о традиционной одежде коренных малочисленных народов России в журнале «Советская этнография» стали редкостью. К одной из них относится интересная работа Е.Д. Стрелова «Одежда и украшение якутки в половине XVIII века» [47]. Объясняя свое обращение к археологическим материалам, автор указывал, что самое раннее описание якутского костюма было сделано в работе «Путешествие флота капитана Сарычева», напечатанное К.В. Миллером в 1796 г. Отказ от детального изучения вещей приводит к постепенному изменению приоритетных тем. Большое внимание начинают уделять фольклору, вопросам лингвистики, изучению обычаев и воззрений, анализ которых проводится с позиций поиска контрреволюционных моментов. Это неизбежно сузило задачи этнографии.

После Великой Отечественной войны исследования материальной культуры в этнографии стали заметно возрастать, но одежде народов Севера Сибири уделялось незначительное внимание. Наиболее полными и глубокими по содержанию были работы Г.М. Василевич «Тунгусский нагрудник у народов Сибири [8], «Тунгусский кафтан (к истории его развития и распространения)» [9], «Эвенки Катангского района» [10], где она подробно описала ряд вещей, и представила крой парки, головного убора и обуви; в 1963 г. – «Типы обуви народов Сибири» [11]. Работа Г.М. Василевич «Производственный костюм эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок как исторический источник» [12] по праву может считаться классическим образцом описания одежды и выявления отличительных особенностей костюмов разных групп эвенков. На основе анализа одежды исследователь определила пути формирования различных групп эвенкийского народа. Автор рассмотрела причины сохранения одних и исчезновения других традиций пошива одежды и обуви.

В 1952 г. вышла работа другого ученого Н.Ф. Прытковой «Типы верхней одежды народов Сибири» [44]. В тот период Г.М. Василевич и Н.Ф. Прыткова являлись наиболее крупными специалистами в области изучения разных сторон жизни народов Сибири, и в том числе одежды. В 1955 г. вышли в свет статьи М.М. Носова «Одежда и ее украшения у якутов XVII-XVIII в.» [41].

В начале 1960-х гг. государство обратилось к написанию истории коренных малочисленных народов. В этот период появился ряд исследований по истории коренных малочисленных народов Севера. Например, «Очерки истории и этнографии чукчей» и «Очерки этнической истории коряков» [13; 14]; «Культура и быт коряков» [3], «Хозяйство и культура народов Чукотки (1958-1970)» [38], «Юкагиры. Историко-этнографические очерки» [19]; «Культура северных якутов-оленеводов» [20]. В 1963 г. появились статьи С.В. Иванова «Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX- начала XX в.)» [32]. В 1975 г. вышли «Очерки по этнографии алеутов» Р.Г. Ляпуновой [37], в которых автор включила описания различных предметов материальной культуры алеутов, собранных русскими путешественниками, мореплавателями и учеными XVIII-XIX вв.

Только к концу 1960-х гг., но главным образом с начала 1970-х гг., особенности традиционной одежды становятся одной из обязательных тем этнографических очерков и сборников по истории культуры народов Сибири. После издания в 1961 г. коллективного труда «Историко-этнографический атлас народов Сибири» [34], вышел сборник Музея антропологии и этнографии «Одежда народов Сибири» под редакцией С.В. Иванова, в котором отмечалось, что, «изучая материал одежды как исторический источник, необходимо определить тот главный, ведущий признак, по которому следует вести сравнительный анализ» [42, с. 1].

В своей статье сборника «Одежда народов самодийской группы как исторический источник», которая посвящена одежде ненцев, энцев, нганасан и селькупов, Н.Ф. Прыткова главную задачу определила как «описание одежды каждого народа с выявлением наиболее старых ее форм, решение вопроса о происхождении того или иного вида одежды и отражение в одежде каждого народа его исторических взаимоотношений с другими народами» [45, с. 3]. Завершает сборник «Программа по изучению одежды народов Сибири» [44], разработанная Н.Ф. Прытковой, в которой были разработаны не только методы паспортизации и датировки материалов, но и вопросник для сбора сведений об одежде.

В 80-е гг. XX в. появляются статьи на темы, которые могут связать традиционную одежду с нуждами производства.

Третий этап в изучении одежды народов северо-востока Сибири можно назвать периодом возрождения интереса к национальному искусству, пробуждением этнического самосознания в условиях глобализации и перестройки, возросшим желанием самоидентификации со своей нацией. В начале 1990-х гг. представители многих этнических общностей стали возрождать свою культуру через национально-культурные объединения и центры. Появилось стремление возродить национальные праздники, необходимой составляющей которых является традиционный костюм. Все это привело к более углубленному интересу к особенностям национальной одежды. Традиционная одежда становится символом возрождения малых народностей. Изучение одежды приобретает другую направленность. Ее исследуют в семантическом и символическом контексте культуры.

Серьезным исследованием якутского национального костюма является работа Р.С. Гаврильевой «Одежда народа саха конца XVII - середины XVIII века» [16]. Якутскому костюму посвящена диссертация Е.М. Ефимовой «Семантика картины мира якутов в традиционной одежде» [21] и ее статья «Костюм невесты в контексте картины мира якутов» [22], предметом исследования которых выступает картина мира якутского этноса как система знаков, овеществленная в традиционной обрядовой одежде якутов XVII-XIX вв. Монография Т.В. Мельниковой «Традиционная одежда нанайцев» (2005 г.) позволяет открыть новое содержание в истории уже редких костюмов из рыбьих кож. Во вступлении к фотоальбому И.В. Витер, Ю.О. Новик «Мода от природы» традиционная корякская одежда, изготовленная в конце

XX века» [15] (2004 г.), отмечается, что традиции, сохраненные старшим поколением, находятся на грани вымирания. Проблемно звучит статья С. Ивановой «Придумать новый якутский костюм – значит погубить культуру народа» [33]. В перечисленных работах исследуются не только проблемы кроя, технологии изготовления и художественного оформления одежды, но и ее тесная связь с мировоззренческими представлениями народа.

Одним из ведущих исследователей традиционной одежды юкагиров является Л.Н. Жукова. За последние годы ею издан ряд интересных статей, диссертация и монография по этому вопросу: «Этнические традиции в орнаменте юкагиров» [23]; «Одежда юкагиров. Учебное пособие» [24]; «Одежда юкагиров: генезис и семантика» [25]; «Глухая одежда лесных и тундровых юкагиров» [26]; «Иноэтнические элементы в одежде юкагиров» [28]; «Глухая одежда арктических аборигенов в гардеробе якутов и вопросы ее изучения» [29]; «Глухая одежда тунгусов Северо-Восточной Азии» [30]; «Очерки по юкагирской культуре. Часть 1 Одежда юкагиров: генезис и семантика» [31].

Этнографов интересуют самые разнообразные темы, связанные с традиционным костюмом коренных малочисленных народов Сибири. Об этом свидетельствует ряд исследований: «Орнамент народов Западной Сибири» [40]; «Халат на рыбьем меху» [39]; «Проблемы семантики орнамента и элементов традиционного костюма: (вопросы этносемиозиса на фоне этнокультурных и языковых связей по материалам декоративного искусства народов крайнего северо-востока)» [7]; «К истории народного костюма» [43]; «Хранители народного костюма» [48]; «Традиционная одежда народов Севера: проблема сохранения и развития» [1]; «Народный костюм (семиотические функции)» [35]; «Ментально-антропологические основания костюма в традиционной культуре коренных народов Сибири» [5], предметом исследования которой стала связь конструкции традиционного костюма эвенков с ментально-антропологической структурой.

В последнее время появились статьи, связанные с рекомендациями по описанию музейных коллекций одежды. Одним из источников знания о коллекциях этнографической одежды являются альбомы. Однако чаще всего они представляют лишь самые красочные (как правило, праздничные), хорошо сохранившиеся или прошедшие реставрацию костюмы. Основной пласт коллекций, хранящихся в фондах музеев, представляет повседневная, часто мало декорированная одежда, которая по-прежнему оказывается вне широкого доступа, как для исследователей, так и для населения. Литературы научного характера, в том числе каталогов по коллекциям музеев явно недостаточно.

Примечания

1. Акимова В. С. Традиционная одежда народов Севера: проблема сохранения и развития : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [б. и.], 2001. 17 с.
2. Андреев А. И. Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцах // Совет. этнография. 1947. № 1. С. 84–100.
3. Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. 215 с.
4. Арутюнов С. А. Народный костюм: архаика или современность? // Нар. творчество. 2004. № 1. С. 35–36.
5. Боброва А. Ш. Ментально-антропологические основания костюма в традиционной культуре коренных народов Сибири : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2003. 18 с.
6. Богораз-Тан В. Г. Чукчи : авториз. пер. с англ. Ч. 1 / Науч.-исслед. ассоц. Ин-та народов Севера ЦИК СССР. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 192 с.
7. Бурькин А. А. Проблемы семантики орнамента и элементов традиционного костюма: (вопросы этносемиозиса на фоне этнокультурных и языковых связей по материалам декоративного искусства народов крайнего северо-востока) // Диалоги во времени: традиционное искусство в контексте музея. СПб. : МАЭ РАН, 1998. Вып. 2. С. 3–13.
8. Василевич Г. М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 42–61.

9. Василевич Г. М. Тунгусский кафтан (к истории его развития и распространения) // Там же. 1958. Т. 18. С. 122–178.
10. Василевич Г. М. Эвенки Катангского района // Сибирский этнографический сборник. М. : Изд-во АН СССР, 1962. Т. 4. С. 99–121.
11. Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 21. С. 3–64.
12. Василевич Г. М. Производственный костюм эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л. : СМАЭ : Наука, 1970. С. 137–165.
13. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М. ; Л. : Наука, 1965. 404 с.
14. Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л. : Наука, 1973. 304 с.
15. Витер И. В., Новик Ю. О. Мода от природы. Традиционная корякская одежда, изготовленная в конце XX века. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2004. 221 с.
16. Гаврильева Р. С. Одежда народа саха конца XVII- середины XVIII века. Новосибирск : Наука, 1998. 143 с.
17. Гаген-Торн Н. И. К методике изучения одежды в этнографии СССР // Совет. Этнография. 1933. № 3-4. С. 119–135.
18. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, верований, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопримечательностей. Часть третья. О народах семоядских, манджурских и восточных сибирских, как и о Шаманском законе. СПб. : Император. Акад. наук, 1799. Ч. 3. 376 с.
19. Гоголев З. В., Гурвич И. С., Золотарева И. М., Жорницкая М. Я. Юкагиры : ист.-этногр. очерк. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1978. 245 с.
20. Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленоводов. Л. : Наука, 1972. 248 с.
21. Ефимова Е. М. Семантика картины мира якутов в традиционной одежде : автореф. дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2006. 22 с.
22. Ефимова Е. М. Костюм невесты в контексте картины мира якутов // Культура & общество [Электронный ресурс] : интернет-журн. / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. 2006. URL: <http://Yefimova.pdf> (дата обращения: 25.02.2015).
23. Жукова Л. Н. Этнические традиции в орнаменте юкагиров // Социальное и этническое развитие народов Северо-Востока Российской Федерации. Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. С. 64–69.
24. Жукова Л. Н. Одежда юкагиров : учеб. пособие. Якутск : Якут. край, 1996. 143 с.
25. Жукова Л. Н. Одежда юкагиров: генезис и семантика : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1999. 17 с.
26. Жукова Л. Н. Глухая одежда лесных и тундровых юкагиров // Культурное наследие народов Сибири и Севера. IV Сибирские чтения. СПб., 2000. С. 149–151.
27. Жукова Л. Н. Одежда юкагиров: прошлое и будущее // Полярная звезда. 2001. № 3. С. 75–77.
28. Жукова Л. Н. Иноэтнические элементы в одежде юкагиров // Взаимодействие культур народов Якутии в XVII – XXI вв. Якутск, 2002. С. 90–96.
29. Жукова Л. Н. Глухая одежда арктических аборигенов в гардеробе якутов и вопросы ее изучения // Вестн. Северо-Вост. науч. центра ДВО РАН. 2006. № 2. С. 86–91.
30. Жукова Л. Н. Глухая одежда тунгусов Северо-Восточной Азии // Там же. 2007. № 3. С. 79–84.
31. Жукова Л. Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 1. Одежда юкагиров: генезис и семантика. Новосибирск : Наука, 2009.
32. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник : (по материалам XIX – начала XX в.). М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 1963. 500 с.
33. Иванова С. Придумать новый якутский костюм – значит погубить культуру народа // Этносфера. 2006. № 1. С. 36–41.
34. Историко-этнографический атлас народов Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 1961. 498 с.

35. Калашникова Н. М. Народный костюм (семиотические функции). М. : Сварог и К, 2002. 374 с.
36. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб. : Император. Акад. наук. 1756. Т. 2. 320 с.
37. Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. 204 с.
38. Леонтьев В. В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958-1970). Новосибирск : Наука, 1973. 178 с.
39. Миловский А. Халат на рыбьем меху // Родина. 1997. № 7. С. 90–92.
40. Мухина Н. В. Орнамент народов Западной Сибири. Томск : Молодая гвардия, 1992. 158 с.
41. Носов М. М. Одежда и ее украшения у якутов XVII-XVIII в. // Сборник научных статей. Якутск : Якут. респ. краевед. музей, 1955. Вып. 1.
42. Одежда народов Сибири / под ред. С. В. Иванова. Л. : СМАЭ : Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. 222 с.
43. Олзоева Л. К истории народного костюма // Реалистическое и символическое в художественной культуре Бурятии. Улан-Удэ, 2000. С. 44–48.
44. Прыткова Н. Ф. Программа по изучению одежды народов Сибири // Одежда народов Сибири. Л. : СМАЭ : Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. С. 208–222.
45. Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л. : СМАЭ : Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. С. 3–99.
46. Прыткова Н. Ф. Типы верхней одежды народов Сибири // Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. 1952. Вып. 15. С. 19–22.
47. Серошевский В. Л. Якуты : опыт этнографических исследований. 2-е изд. М. : Рос. полит. энцикл., 1993. 736 с.
48. Смелова Ж. Хранители народного костюма // Клуб. 2001. № 10. С. 42–43.
49. Стрелов Е. Д. Одежда и украшения якутки в половине XVIII века // Совет. этнография. 1937. № 2-3. С. 79–85.
50. Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-Петербургской Академии наук профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттингенского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. СПб. : Император. Акад. наук, 1774. Ч. 2. 631 с.

УДК 738.1:329.015+069(571.53)

Грызлова А.А.

**СОВЕТСКАЯ АГИТАЦИОННАЯ ТЕМАТИКА
В ФАРФОРНО-ФАЯНСОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ им. В.П. СУКАЧЁВА)
SOVIET PROPAGANDA IN PORCELAIN INDUSTRY
(AS EXEMPLIFIED BY THE COLLECTION OF SUKACHEV IRKUTSK REGIONAL ART
MUSEUM)**

Статья посвящена одному из самых интересных явлений в искусстве начала XX в. – советскому агитационному фарфору. Великая октябрьская революция сформировала новое государство Советов, полностью изменив жизнь всех слоев населения. На примере коллекции Иркутского художественного музея им. В.П. Сукачёва, включающей изделия заводов Центральной России и Государственной фабрики «Сибфарфор» (п. Мишелёвка Иркутской области), рассмотрена история появления и развития этого нового вида искусства, созданного в то время.

The article is devoted to one of the most interesting aspects of the early 20th century art – Soviet propagandistic porcelain. The Great October Socialist Revolution formed a new Soviet state, having completely changed life of all population strata. On the example of the collection of Sukachev Irkutsk Regional Art Museum, which comprises works of factories of Central Russia and of the State Porcelain Factory “SibFarfor” of Misheliovka settlement in Irkutsk Region, we study the history of creation and development of this special kind of art, novel at that time.

Ключевые слова: агитация, фарфор, коллекция, фабрика «Сибфарфор», революция, Иркутский художественный музей им. В.П. Сукачёва

Keywords: propaganda, porcelain, collection, Porcelain Factory "SibFarfor", revolution, Sukachev Irkutsk Regional Art Museum

Советский агитационный фарфор в XXI в. приобретает все большую популярность среди ценителей и коллекционеров декоративно-прикладного искусства. Он раскрывает историю страны Советов через сюжеты декора, отображающие революционные лозунги, призывы, памятные даты, портреты вождей и писателей, не исключая творческих исканий художников в авторских работах.

Агитация – активная деятельность по распространению политических идей средствами массовой информации, устными выступлениями с целью оказать воздействие на широкие массы [24, с. 250].

До революционных событий в России в мировой истории уже был прецедент, когда политические события и переворот жизненных устоев искали поддержку в керамических изделиях. Это было во Франции в Невере во времена Великой французской революции. Тогда фарфоровый завод стал выпускать фаянс с патриотическими лозунгами «Свобода», «Равенство», «Братство», с революционными символами в виде сабли с якобинской шапочкой. Эти и другие подобные изображения, так же как и позднее, в России, были отображены на чашках и тарелках, последние в XVIII в. получили название – «патриотический фаянс».

В России изделия фарфора первых лет октябрьской революции 20-30-х гг. XX в. принято называть «агитационным фарфором», который, как и во Франции, предназначался для широких масс, но в то же время не был доступен простым обывателям. В основном, изделия можно было увидеть на советских и международных выставках или в витринах магазинов.

Начиная с 1920 г. советский художественный фарфор выставлялся в Риге, Берлине, Лондоне, Париже, Милане, Венеции, тем самым знакомя иностранных зрителей с недавно образованной страной Советов. В это же время агитфарфор становится и предметом коллекционирования.

В собрании Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачёва хранится небольшая коллекция агитационного фарфора, которую условно можно разделить на две части. Одна представляет заводы Центральной России (Дмитровский, Дулевский), другая – предметы, выполненные на фабрике «Сибфарфор» (в 1869–1920 гг. – «Фарфоро-фаянсовая фабрика торгового дома Переваловых», с 1954 г. – «Хайтинский фарфоровый завод»).

Часть коллекции, представляющая центральные заводы России поступила в художественный музей из Музея народоведения (бывшего ВСОИРГО) в 1927 г. Изделия фабрики «Сибфарфор»полнили собрание в 2004 г. при передаче коллекции Хайтинского фарфорового завода в связи с закрытием предприятия.

Новая жизнь, как и массовое искусство, требовали модернизации технического оснащения, изменений в специализации фабрик и стандартизации продукции, так как и в дореволюционной и в советской России не было разграничений между фарфоровыми и фаянсовыми заводами, заводами, выпускающими посуду и электрофарфор. Это обстоятельство существенно тормозило развитие отрасли.

В 1920-х гг. после национализации, на иркутской фабрике была проведена реконструкция, установлены новые печи, завод сменил название. Теперь это была Первая государственная фабрика «Сибфарфор», которая, как и все заводы новой России, не могла остаться в сто-

роне от революционных преобразований. Изделия с клеймом «Сибфарфор» выпускались в период с 1920-х по 1941 гг.

В 1927 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР о реорганизации фарфоро-фаянсовой промышленности были созданы два крупных, хотя и неравных по масштабам, треста – Центрофарфортрест, объединивший фабрики Центрального района России с заводами северной группы, и Сибирский трест местного значения, в который вошли Хайтинский и Красноярские заводы [1, с. 238]. Таким образом, в конце 1920-х гг. основными производителями фарфора в стране стали следующие предприятия: Дулевская, Дмитровская и Первомайская фабрики, завод «Пролетарий», завод «Красный фарфорист» и завод «Сибфарфор» в п. Мишелевка Иркутской области.

Следуя веяниям времени, художники по-новому отображали историю. Одним из первых изображений на советском фарфоре послереволюционного времени, стал В.И. Ленин. Он был выполнен А.Р. Голенкиной (1892–1973). В 1920 г., к пятидесятилетию Владимира Ильича на своих изделиях его изобразил С.В. Чехонин (1878–1935). Позже портрет вождя стал тиражироваться на тарелках многих фарфоровых производств СССР.

В 1924 г. после смерти В.И. Ленина на Ленинградском фарфоровом заводе была выпущена серия изделий из фарфора, посвященная вождю. В собрании ИОХМ хранится выпущенная в тот год тарелка [2]. Исполненное в черном траурном цвете по зеркалу, изображение Ленина выполнено с графической работы С.В. Чехонина, борт декорирован надписью «Вся власть Советам, 21 января 1921». На поддоне марка *Императорского фарфорового завода (ИФЗ) с буквой «Н» с короной наверху / цифра II / 1899 / ниже черной краской серп и молот / 1924/720/199.*

Следует отметить, что именно марка «Н-II» под короной с датой, реже – «А-III» или марка периода Временного правительства в виде двуглавого орла в круге с датой «1917», по словам ведущего специалиста в стране по советскому агитационному фарфору Э. Самецкой, является знаком качества в определении подлинности изделий 20-х гг. XX в. Одновременное изображение марок старой и новой России на одном изделии было связано с использованием для росписей дореволюционного белья, которого было достаточно на складах заводов.

Еще одним нововведением в фарфоровом производстве стала стандартизация посуды: определяли формы изделий, сокращали ассортимент, фарфор разделили на «тонкий» и «толстый». «Тонкий» предназначался для городской, более искушенной среды и на экспорт, «толстый» – для постоянного использования в крестьянском быту. Примером толстостенного фарфора в коллекции музея являются два блюда [3; 4], выполненные на фабрике «Сибфарфор». В центре изделий по зеркалу изображен в профиль Ленин в кепке, борт одного блюда декорирован нисходящим голубым крытьем.

Вплоть до распада СССР на Хайтинском заводе каждое десятилетие выпускались памятные изделия, посвященные Владимиру Ильичу Ленину и Октябрьской революции. Многочисленные кружки с блюдцами, чайники, чернильницы и вазы с надписями «Ленин бес- смертен, Ленин жив» [5], «XXX лет Октября» [6], «30 лет Октября» [7], «50 лет Октяб- ря. 1917–1967» [8], «Вся власть Советамъ. 1917-1987» [9] продолжали прославлять государ- ственный политический строй.

Для того, чтобы новые реалии были понятны населению, в оформление изделий из фарфора стали включать символы советской власти, надписи и даты.

Хранящиеся в коллекции художественного музея блюдца с изображениями пятиконечной звезды в окружении цветочной гирлянды по борту [10], ленты с надписью «III Конгресс Коминтерна», обвитой вокруг земного шара [11], серпа и молота [12], стилизованных колосков пшеницы [13] объединяет единая марка: (полукругом) ВХУТЕМАС / (ниже) КЕРфак.

Эта марка ставилась на изделиях, предназначенных для участников III Конгресса Интернационала и расписанных студентами керамического факультета Высших государственных художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС) на белье Дмитровского фарфоро- вого завода в 1921 г. В течение полутора месяцев под руководством профессора керамическо-

го факультета ВХУТЕМАСа А.В. Филиппова студенты и рабочие завода изготовили около 2000 фарфоровых изделий.

Электрификация, развитие промышленности, ликвидация безграмотности – все это становилось сюжетами декорирования фарфоро-фаянсовых изделий.

В марте 1930 г. на 1-й Всесоюзной конференции по качеству стекльно-фарфоровой промышленности о пропагандирующей роли фарфоровой продукции было сказано: «...совершенно забывают, что художественным оформлением фарфора также можно агитировать, и, пожалуй, еще больше, чем нашей печатью, потому что фарфоровая, фаянсовая чашка попадает в глухие деревни, где, может быть, нет ни одной газеты. Тематикой нашего фарфора и фаянса мы должны агитировать, и на это следует обратить особое внимание» [25, с. 29].

С этого момента с тарелок, чашек и декоративных блюд смотрели рабочие и крестьяне – в одинаковой одежде, чтобы нивелировать разницу между людьми, призывающие вступать в кооперацию, хранить деньги в сберегательных кассах, строить, ковать, сеять. Примером таких изделий является бокал с агиткой Восточно-Сибирского округа связи «*Выписывайте газеты через кольцевую почту!*», «*Крестьяне, вносите налог через почту!*», «*Несите вклады в Сбер.кассу*» [14] или чаша [15], выполненная в 1930 г. художником Владимиром Севастьяновым – на высокой кольцевой ножке, с отводкой люстром и нисходящим крытьем кобальтом, с одной стороны изображен рабочий с нагруженной углем тачкой.

Наряду с выпускаемым ассортиментом посуды значительное место в те годы занимала скульптура. Рабочие, красноармейцы, матросы, делегатки – каждая из этих фарфоровых статуэток говорит о больших событиях в жизни нашей страны. В коллекции Иркутского музея хранится известная скульптура «Смычка» (или «Смычка города с деревней») [16]. Автором формы был В.П. Николаев (1906–1941), который по комсомольской путевке принимал участие в культмассовой работе в деревне. Скульптурная группа из двух человек представляет союз рабочего класса – в образе рабочего с молотком, и крестьянства – в лице крестьянина со снопом колосьев. Выпущена композиция «Смычка» в 1929 г., автором росписи стал И.И. Ризнич (1908–1999), ведущий художник по фарфору Ломоносовского завода.

Однако, к 30-м гг. XX в. накал в производстве агитационного фарфора начал ослабевать, и большинство работ выпускалось к значимым событиям в стране или к торжественным датам. К юбилеям прославленных поэтов и писателей выпускались кружки и вазы, например, с портретами М. Горького с трубкой в руке [17] или Л.Н. Толстого [18].

В 1999 г. жительница города Иркутска Л.А. Шабынина преподнесла в дар музею чайную пару «Канал Москва-Волга» [19], выполненную в 1934 г. И.М. Харитоновым (1892–1969), мастером по росписи Дмитровского фарфорового завода, проработавшим на предприятии более пятидесяти лет. На слегка сужающейся кверху чашке с треугольной ручкой и на блюде изображение: на голубом фоне карта канала Москва-Волга, изображение корабля, в круглых резервах – шлюзы и мосты. По контуру зеркала и низу тулова чашки декор в виде красных стен и башен Кремля. В связи с нехваткой воды в Москве в 1930-х гг. было принято решение об использовании волжских водных ресурсов. Для строительства канала силами заключенных в г. Дмитрове был построен Дмитровлаг, просуществовавший более пяти лет. 17 апреля 1934 г. состоялось заполнение трассы канал Москва-Волга имени Сталина, а в 1941 г. канал стал линией фронта.

Через фарфоровую пластику и роспись широко освещалось развитие авиации и освоение Севера. В коллекции сибирского фарфора можно увидеть чайники, чайные пары с изображением национальных героев – «папанинцев» (И.Д. Папанин, Э.Т. Кренкель, Е.К. Федоров, П.П. Ширшов) [20; 21; 22], которые в течение 274 дней (с июня 1937 г. по февраль 1938 г.) собирали бесценный материал о природе Центральной Арктики. Продолав путь в 2500 км от Северного полюса до Датского пролива у берегов Гренландии, во время дрейфа огромная (3 x 5 км) льдина сократилась до критических размеров, и в середине февраля 1938 г. Папанин был вынужден просить помощи у Большой земли об эвакуации станции «Северный полюс-1». Благодаря помощи, 14 марта 1938 г. участники первой арктической дрейфую-

щей экспедиции прибыли в г. Ленинград. Полярникам были присвоены звания Героев Советского Союза за подвиг во имя Родины. Страна рукоплескала героям, а фарфоровые предприятия (в том числе и Хайта) выпускали посуду с групповыми портретами папанинцев на фоне ледяных глыб, с флагом СССР на заднем плане или самолетом, доставившим зимовщиков к полюсу.

На многих предметах, фиксирующих исторические события тех лет, имеются даты и надписи, что позволяет точно определить время создания произведения. Большую помощь в этом оказывают клейма и марки на дне изделия. С приходом советской власти менялись названия заводов и, соответственно, правила маркировки изделий. Если до 1917 г. марка определяла владельца фабрики или завода, либо время правления государя, то в 20-30-е гг. XX в. «...марка должна была содержать полное или сокращенное наименование предприятия-изготовителя, его местонахождение, наименование органа управления, в систему которого входило предприятие (трест, министерство и т.д.) и сорт товара. Отсутствие марки или неправильная маркировка влекли за собой ответственность предприятия» [26, с. 165-166].

Такого же принципа придерживались и на Хайтинском фарфоровом заводе. Только за одно десятилетие на сибирском предприятии несколько раз менялась марка. В середине 1920-х гг. она была достаточно простой и незамысловатой: (в овале в три ряда) *Хайтинская / ИРКУТСК / ФАБРИКА*. В конце 20-х гг. XX в. на изделиях Хайты ставилась круглая марка: (в четыре ряда) *ГОСФАБРИКА / изображение серпа и молота в кольце колосьев / СИБФАРФОР / И.С.С.Н.Х.* Она указывала, что государственная фабрика «Сибфарфор» подчинялась Иркутскому Совету народного хозяйства, который в свою очередь находился в ведомстве Высшего Совета народного хозяйства. Но после 1932 г. совнархозы были упразднены, и с начала 30-х гг. на изделиях Хайтинской фарфоровой фабрики стояло уже другое клеймо. В 4 ряда было прописано: *ФАБРИКА / серп и молот / СИБФАРФОР / ИРКУТСК*. Вместо И.С.С.Н.Х. указывалось место расположения фабрики. Так же в начале 1930-х гг. на посудных формах и декоративных тарелках можно встретить другое клеймо: (в круге в четыре ряда) *серп и молот / Госфабрика / (ниже) пятиконечная звезда / СИБФАРФОР*. Однако, с 1934 г. клеймо снова изменилось и стало выглядеть следующим образом: (в четыре ряда) */ НКМП / (полукругом) РСФСР / Хайтинская / фабрика*. Такая марка просуществовала до 1941 г. С началом Великой Отечественной войны название предприятия сменилось на – «Хайтинский абразивный завод» [23, с. 241-243].

В заключение следует отметить, что агитационный фарфор можно считать уникальным явлением в искусстве XX в. Он выпускался на всех предприятиях страны. Государственная программа требовала выпускать фарфор – революционный по содержанию, совершенный по форме и техническому исполнению. И здесь большая заслуга принадлежит высокоодаренным художникам-фарфористам не только центральных заводов России, но и мастерам фабрики «Сибфарфор», стремившихся возвести фарфор того времени в ранг большого искусства.

В статье рассмотрен небольшой, но очень важный период в истории Хайтинского фарфорового завода. Предоставленная тема требует более глубокого в дальнейшем исследования.

Примечания

1. Андреева Л. А. Советский фарфор 1920-1930 годы. М. : Совет. художник, 1975. 340 с.
2. ИОХМ (Иркут. обл. худож. музей). ОФ. Инв. № К-87.
3. Там же. Инв. № К-3216.
4. Там же. Инв. № К-3217.
5. Там же. Инв. № К-3602 а,б.
6. Там же. Инв. № К-3243.
7. Там же. Инв. № К-3242.
8. Там же. Инв. № К-3615 а,б.
9. Там же. Инв. № К-3733.

10. Там же. Инв. № К-388.
11. Там же. Инв. № К-387.
12. Там же. Инв. № К-392.
13. Там же. Инв. № К-389.
14. Там же. Инв. № К-3219.
15. Там же. Инв. № К-3086.
16. Там же. Инв. № К-696.
17. Там же. Инв. № К-3061.
18. Там же. Инв. № К-3090.
19. Там же. Инв. № К-2035 а,б.
20. Там же. Инв. № К-3016-3018
21. Там же.
22. Там же.
23. Насонова И. С., Насонов С. М., Гольский И. А., Дворкин Г. Л. Марки советского фарфора, фаянса и майолики : в 2 т. М. : Среди коллекционеров, 2009. Т. 1. 288 с.
24. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999.
25. Самецкая Э. Советский агитационный фарфор : справочник-определитель. М. : Collector's books, 2004. 477 с.
26. Старцева О. Е. Атрибуция советского фарфора первой половины XX века в музееведении // О-во. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 3. С. 162–166.

УДК 56:069(571.54)

Долгорова Б.А.

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА
THE HISTORY OF THE PALEONTOLOGICAL COLLECTION OF THE NATIONAL
MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BURYATIA: TO THE DEFINITION OF THE
PROBLEM**

В данной статье рассматривается история формирования палеонтологической коллекции Национального музея Республики Бурятия, дается краткое систематическое описание её главной составляющей – коллекции ископаемых млекопитающих, переданной музеем доктором биологических наук Н.П. Калмыковым.

This article describes the history of the paleontological collection of the National Museum of the Republic of Buryatia, gives a brief systematic description of its main component – the collection of fossil mammals that was given to the Museum by N. P. Kalmykov, doctor of biological sciences.

Ключевые слова: музей, палеонтологическая коллекция, ископаемые млекопитающие.

Keywords: Museum, paleontological collection, fossil mammals.

В современных музееведческих исследованиях актуальность изучения палеонтологических коллекций определяется тем, что они являются «своеобразными «документами», позволяющими изучить историческое прошлое, проникнуть в тайны эволюции животных и человека» [1, с. 3]. В связи с этим, изучение истории формирования палеонтологических коллекций в отдельных музеях имеет не только научное, но и практическое значение.

Палеонтологическая коллекция ГАУК «Национальный музей Республики Бурятия» занимает важное место в музейном собрании. Сегодня она насчитывает около 1300 единиц хранения основного фонда. Коллекция представлена в основном ископаемыми остатками млекопитающих кайнозойской эры (от 3,5 млн. лет до 10 тыс. лет): мамонта, шерстистого носорога, бизона, волка, лисицы, медведя, гиены, рыси, россомахи, гомотерия, зиголофодона, гиппариона, лошади, оленя, антилопы и других животных. Кроме этого в собрании имеются онко-

литы – образцы ископаемых доломитовых стяжений, образованные низшими водорослями, отпечатки строматолитов – ископаемые остатки цианобактерий, остатки древних губок археоциат, морских беспозвоночных брахиопод, моллюсков пелиципод, отпечатки трилобита, древних папоротников, костистых рыб, а также костные остатки динозавров. Разнообразие и богатство коллекции наглядно демонстрирует эволюцию жизни на Земле и развитие Земли. История формирования данной коллекции имеет слабую степень научной разработанности и не нашла должного отражения в специальных музееведческих изданиях. В связи с этим, в нашей статье предпринята попытка постановки этой проблемы.

Историю формирования палеонтологической коллекции Национального музея РБ, как и другой подобной коллекции сибирского музея, можно условно разделить на два периода. Первый период – период формирования коллекции за счет случайных сборов (от момента основания Краеведческого музея им. М.Н. Хангалова до 1980-х гг. XX в.). Второй период (с 1980-х гг. по настоящее время) связан с целенаправленными палеонтологическими экспедициями и изучением конкретных местонахождений и геологических разрезов региона, что привело к накоплению достаточного материала для создания в музее палеонтологической экспозиции.

Первые предметы, поступившие в коллекцию до 1980-х гг. за счет случайных сборов, не имеют ни геологической, ни географической привязки. Вместе с тем, их значимость в биологическом плане не оспаривается и позволяет данный материал использовать для исследования морфологической эволюции того или иного таксона [2, с. 5].

В дальнейшем пополнение фондов происходило путем передачи палеонтологических объектов отдельными жителями республики и в результате целенаправленных палеонтологических исследований на территории Прибайкалья и Забайкалья силами сотрудников музея природы Бурятии и Бурятского Геологического института (БГИ) СО АН СССР.

В 1978 г. были организованы первые совместные работы музея природы и БГИ СО АН СССР по изучению ископаемой фауны млекопитающих близ г. Северобайкальск, где были собраны многочисленные остатки мамонта, лошади, бизона. Часть этого материала в настоящее время экспонируется в залах музея. В раскопках участвовали Н.П. Калмыков, Д.Б. Базаров, Р.Ц. Будаев (БГИ СО АН СССР) А.С. Пискунов, В.Б. Хандуева (музей природы), Е.Е. Кононов, В.Д. Мац (Иркутский политехнический институт). В результате были изучены геология и фауна крупных млекопитающих, позволившие в свое время корректно обосновать ученым Бурятии стратиграфию плейстоценовых отложений в этом разрезе. Местонахождение ископаемой фауны Северобайкальск было первым и наиболее крупным в зоне строительства Байкало-Амурской магистрали [2, с. 9].

В 1991 г. у научного сотрудника БГИ СО АН СССР, доктора биологических наук Николая Петровича Калмыкова музеем была приобретена коллекция ископаемых млекопитающих, насчитывающая около 950 предметов. В каталоге «Ископаемые млекопитающие Музея природы Бурятии» Н.П. Калмыков дает ей краткую характеристику: «Из Восточного Забайкалья материал поступал от А.С. Ендрихинского (Институт земной коры СО АН СССР, г.Иркутск), который в течение ряда лет проводил там научные изыскания. Немаловажную роль в пополнении палеонтологической коллекции играли объекты, собранные Л.В. Шатковской (ПГО «Бурятгеология»), при крупномасштабном картировании Северного Прибайкалья. Юго-Западное Прибайкалье представлено остеологическим материалом из голоценовых отложений пещер Приморского хребта, собранного А.Г. Филипповым (Восточно-Сибирский научно-исследовательский Институт геологии, геофизики и минерального сырья, г.Иркутск) в результате исследования карста» [там же].

Сборы Н.П. Калмыкова представлены разнообразным в видовом отношении палеонтологическим материалом из раскопок местонахождений Удунга, Тологой, Засухино, Усть-Обор [там же]. Данной коллекции млекопитающих можно дать следующее краткое систематическое описание [3].

| № п/п | Отряд/ Семейство/ Род (Вид) | Краткое описание предметов |
|-------|---|--|
| 1. | Грызуны (Rodentia)/ Бобровые (Castoridae)/ Бобры (Castor L.) | Нижняя челюсть, изолированные зубы. Местонахождение: Бурятия, левый берег р. Темник, в 0,5 км восточнее с. Удунга (Удунга). Геологический возраст: конец нижнего плиоцена. |
| 2. | Хищные (Carnivora)/ Псовые (Canidae)/ Волк (Canis lupus L.) | Фрагменты черепа, верхней и нижней челюсти, клыки, посткраниальный скелет Местонахождение: Иркутская область, Западное Прибайкалье, Пещеры Большая Байдинская, Загадай, хребет Приморский. Геологический возраст: голоцен. |
| | Обыкновенная лисица (Vulpes vulpes L.) | Нижняя челюсть, фрагмент черепа, посткраниальный скелет. Местонахождение: Пещера Большая Байдинская, хребет Приморский. Геологический возраст: голоцен. |
| | Медвежьи (Ursidae)/ Бурый медведь (Ursus arctos L.) | Фрагменты черепа, нижней челюсти, клыки, посткраниальный скелет. Местонахождение: Пещеры Большая Байдинская, Политехническая, Загадай, хребет Приморский. Геологический возраст: голоцен. |
| | Куньи (Mustelidae)/ Соболь (Martes zibellina L.) | Нижние челюсти, плечевые кости. Местонахождение: Пещера Большая Байдинская, хребет Приморский. Геологический возраст: голоцен. |
| | Росомаха (Gulo gulo L.) | Нижние челюсти, посткраниальный скелет. Местонахождение: Пещера Политехническая, хребет Приморский. Геологический возраст: голоцен. |
| | Барсук (Meles meles L.) | Фрагменты черепа, нижние челюсти, посткраниальный скелет. Местонахождение: Пещера Большая Байдинская, хребет Приморский. Геологический возраст: голоцен. |
| | Гиеновые (Hyaenidae)/ Пахикрокуты (Pachycrocuta) | Нижняя челюсть и её фрагменты, изолированные зубы. Местонахождение: Удунга; Бурятия, подножие горы Тологой, левый берег р. Селенга (Тологой). Геологический возраст: конец нижнего плиоцена. |
| | Кошачьи (Felidae)/ Рыси (Lynx Kerr) | Фрагменты нижней челюсти, изолированные зубы. Местонахождение: Удунга. Геологический возраст: конец нижнего плиоцена. |

| | | |
|----|--|---|
| | Гомотерии (саблезубые кошки) | Нижняя челюсть. Местонахождение: Удунга. Геологический возраст: конец нижнего плиоцена. |
| 3. | Хоботные (Proboscidea)/ Гребнезубые мастодонты (Mastodontidae)/Зиголофодон (Zygodontodon) | Молочный зуб. Местонахождение: Удунга. Геологический возраст: конец нижнего плиоцена. |
| | Слоновые (Elephantidae)/ Архидискодонтные слоны (Archidiskodon) | Крючковидная кость. Местонахождение: Бурятия, правый берег р. Итанцы, в 1,5 км ниже по течению от деревни Засухино (Засухино). Геологический возраст: поздний плиоцен |
| | Мамонт (Mammuthus primigenius) | Нижние челюсти, изолированные зубы, бивни, неполный посткраниальный скелет. Местонахождение: Бурятия, северная окраина г. Северобайкальск, 60-80-метровая терраса оз. Байкал (Северобайкальск); в 9 км с.-в. г. Балей, Читинская область, Буторинский разрез, глубина 7 м. (г. Балей) Геологический возраст: средний –поздний плейстоцен. |
| 4. | Непарнопалые (Perissodactyla)/ Лошадиные (Equidae)/ Чикойский гиппарион (Hipparion tchicoicum) | Изолированные нижние зубы. Местонахождение: Удунга. Геологический возраст: конец нижнего плиоцена. |
| | Санмэнская лошадь (Equus sanmeniensis) | Изолированные верхние, нижние зубы, неполный посткраниальный скелет. Местонахождение: Засухино; Бурятия, правый берег р. Хилок, в 1,5 км ниже по течению от с. Усть-Обор (Усть-Обор). Геологический возраст: поздний эоплейстоцен. |
| | Носороговые (Rhinocerotidae)/ Тологойский носорог (Coelodonta tologoijensis) | Неполные лучевая, пяточная, большая берцовая, метатарсальная кости, астрагал. Местонахождение: Засухино. Геологический возраст: поздний эоплейстоцен. |
| | Шерстистый носорог (Coelodonta antiquitatis) | Зубы, черепа, фрагменты черепа, неполный посткраниальный скелет. Местонахождение: Бурятия, Северобайкальск, с. Кумора, с. Турунтаево, с. Барыкино, местность Инхор берег реки Джиды, долины р. Убукун; Читинская область, с. Орсук, г. Балей, с. Ундино-Поселье. Геологический возраст: средний – поздний плейстоцен. |
| 5. | Парнопалые (Artiodactyla)/ Кабарговые (Moschidae)/ Сибирская кабарга (Moschus moschiferus L.) | Фрагменты черепа, неполный посткраниальный скелет. Местонахождение: Пещера Политехническая, хребет Приморский. Геологический возраст: голоцен. |

| | |
|--|---|
| Олени (Cervidae)/ Благородный олень (Cervus cf. elaphus L.) | Нижняя часть рога, лучевая кость, череп. Местонахождение: Бурятия, в 4 км от с. Турунтаево (Турунтаево). Геологический возраст: поздний плейстоцен. |
| Косули (Capreolus) | Фрагменты рогов и черепа с пеньками, неполный посткраниальный скелет. Местонахождение: Удунга, Турунтаево, пещеры Загадай, Большая Байдинская. Геологический возраст: конец нижнего плиоцена, голоцен, поздний плейстоцен. |
| Лось (Alces alces L.) | Нижняя челюсть, фрагменты верхней челюсти, черепа. Местонахождение: Пещера Загадай, хребет Приморский. Геологический возраст: голоцен. |
| Полорогие (Bovidae)/ Первобытный бизон (Bison priscus) | Череп, неполный посткраниальный скелет. Местонахождение: Бурятия Северобайкальск, с.-в. с. Душелан, в 200 м выше по течению от железнодорожного моста через р. Селенга (автодорога Иркутск – Улан-Удэ), с. Никольск, пос. Богдарино, с. Барыкино, с. Куналей; Читинская область г. Балей, г. Нерчинск Геологический возраст: средний, поздний плейстоцен. |
| Винтороги (Spirocerus) | Роговой стержень, череп. Местонахождение: Засухино. Геологический возраст: поздний эоплейстоцен, средний плейстоцен. |
| Антилоспиры (Antilospira) | Фрагмент рогового стержня. Местонахождение: Удунга. Геологический возраст: конец нижнего плиоцена. |
| Газели (Gazella) | Роговые стержни. Местонахождение: Удунга, Тологой. Геологический возраст: конец нижнего плиоцена, поздний плиоцен. |
| Сибирский горный козел (Capra sibirica P.) | Череп с роговыми стержнями, метатарс. Местонахождение: Пещера Большая Байдинская, хребет Приморский. Геологический возраст: голоцен. |
| Архар, или аргали (Ovis ammon L.) | Роговые стержни с фрагментом черепа. Местонахождение: автодорога Иркутск – Улан-Удэ Геологический возраст: поздний плейстоцен. |

Нужно отметить, что определение остеологического материала из коллекции музея, сформированной до начала 1980-х гг., проводил Л.Н. Иваньев (Институт земной коры СО АН СССР), а в последние десятилетия 1990-х гг. – Н.П. Калмыков [там же].

Из коллекции ископаемых млекопитающих, с научной точки зрения, по мнению Н.П. Калмыкова, наибольшую ценность представляют черепа шерстистого носорога, остатки гиппариона, санмэнской лошади, саблезубого тигра, орхоноцера, винторогой антилопы, антилоспиры, газели. Это связано с тем, что перечисленные находки строго стратифицированы. И

дальнейшая обработка палеонтологического материала позволит выявить новые таксоны среди ископаемых животных Прибайкалья и Забайкалья, особенно среди носороговых [2, с. 5].

На основе данной коллекции были созданы разнообразные музейные выставки – «Окаменевшие свидетели прошлого», «Следы былых биосфер», «Палеонтологическая летопись края». С точки зрения привлекательности у посетителей музея вызывают неподдельный интерес крупные находки, такие как нижняя челюсть мамонта с зубами, крупные зубы, бивень мамонта, черепа шерстистого носорога, оленя, архара, первобытного бизона. Так как данные находки обладают такими важными качествами музейного предмета, как аттрактивность и экспрессивность. К «необычным» для ископаемой фауны Бурятии можно отнести материалы по саблезубому тигру (гомотерий), гиене (пахикрокута), представленные зубами, остатками челюстей. Они вызывают восторг и удивление у посетителей – эти животные около 3,5 млн. лет назад обитали на территории Бурятии и были распространенными для фауны тех лет.

В 2000-е гг. палеонтологическая коллекция пополнялась целенаправленными сборами интересных экспонатов. В музей впервые поступают материалы по динозаврам: осколок бедренной кости, дистальный хвостовой позвонок. Предметы были собраны в песчаных отложениях речного происхождения, в промоине Гусиноозерской котловины младшим научным сотрудником лаборатории экологии Института общей и экспериментальной биологии БНЦ СО РАН А.И. Старковым и переданы в дар музею.

В палеонтологической коллекции материалы по мезозою представлены отпечатками лучеперых рыб (Тугнуйская впадина, Бурятия), листовых пластинок Гинкго сибирского с черешками, древней костистой рыбы ликоптеры Миддендорфа (Забайкальский край), листьев папоротников (Бурятия, Иркутская область). Дальнейшей обработке подлежит материал, поступивший в 2010 г. от Бурятской таможни. Это, по предварительной экспертизе, окаменелое яйцо динозавра, часть ребра, суставные кости динозавра (Монголия). Собрание мезозойской эры достаточно обширное, разнообразное, интересное по своим местонахождениям и с научной точки зрения дает нам представление о природе Забайкалья прошлых лет.

Также необходимо отметить, что в 2010-е гг. музеем предпринимались попытки по экспедиционному сбору палеонтологического материала на территории региона. Накопленный материал требует научной обработки и комплексного изучения, решение этой проблемы на сегодня вызывает затруднения, обусловленные отсутствием в Бурятии специалистов-палеонтологов, занимающихся изучением именно крупных млекопитающих. Несмотря на эти трудности, за палеонтологической коллекцией стоит «будущее» всего естественнонаучного собрания музея. Историческая, научная и экспозиционная значимость данной коллекции определяет необходимость дальнейшей целенаправленной работы по ее комплектованию. Ведь палеонтологические объекты, при условии их высокой сохранности, всегда репрезентативны, аттрактивны, доступны для восприятия и осмысления широкими слоями населения.

Примечания

1. Алиясова В. Н. Музеи Северного и Восточного Казахстана как центры сохранения и популяризации палеонтологических коллекций : автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2009. 25 с.

2. Калмыков Н. П., Пискунов А. С., Хандуева В. Б. Ископаемые млекопитающие Музея природы Бурятии (систематика, распространение, экология). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1992. 71 с.

3. Инвентарная книга №1 основного фонда (ОФ) по группе хранения «Палеонтология» ГАУК РБ «Музей природы Бурятии». 1978-2010 гг. 99 л.

**ОБЪЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕМХОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
КРАСНОЧИКОЙСКОГО РАЙОНА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
OBJECTS OF HISTORICAL HERITAGE OF THE CHEREMKHOVSKY SETTLEMENT
OF KRASNOCHIKOYSKY DISTRICT OF ZABAYKALSKY REGION:
DEFINITION OF THE CURRENT STATE AND NATURE OF USE**

В статье представлен материал по историческому и мемориальному наследию Красночикоийского района Забайкальского края. Для изучения выбрана одна категория объектов наследию – памятники истории Черемховского поселения Красночикоийского района. В исследовании определено их современное состояние, характер использования и история создания, прописан статус объектов. В работу введен неопубликованный ранее материал архива Муниципальное учреждение культуры «Межпоселенческая центральная библиотека» с. Черемхово и архива школьного музея МОУ «Черемховская средняя общеобразовательная школа».

Material on historical and memorial heritage of Krasnochikoysky district of Zabaykalsky Krai is presented in the article. One category of heritage objects is considered – historical monuments of the Cheremkhovsky settlement of Krasnochikoysky district. The paper analyzes their current state, nature of use and history of creation, defines the status of objects. Research materials include unpublished materials of the local office of culture "Intersettlement central library" of the village of Cheremkhovo and archive of the school museum "Municipal Educational Institution Cheremkhovsky High Comprehensive School".

Ключевые слова: наследие, историко-культурное наследие, историческое наследие, мемориальное наследие, объекты наследия, памятники истории, краеведение, «малая Родина», школьный музей, патриотическое воспитание.

Keywords: heritage, historical and cultural heritage, historical heritage, memorial heritage, objects of heritage, monuments history, study of local lore, "the small Homeland", school museum, patriotic education.

Территория Забайкальского края на политико-административной карте России напоминает форму сапога. Красночикоийский район расположен в юго-западной его части и обращен к соседней Республике Бурятия. Общая площадь района составляет 28630 кв. км, что примерно составляет 6,6% площади Забайкальского края [5]. Особенность исторического развития, уникальность геолого-минералогических объектов, живописные ландшафты, флористическое и фаунистическое разнообразие территории края отмечали знаменитые ученые и путешественники еще в XVI-XIX вв.: П.С. Паллас, В.Э. Мессершмидт, Г.И. Радде, И.И. Молленсон, Ф.В. Мичи и др. Однако до середины XX в. ни одна примечательная местность или объект природы не получили государственной охраны [8, с. 55].

На сегодня на территории Красночикоийского района выявлено и стоит на государственной охране 314 объектов культурного наследия, 52 из них имеют региональное значение, к которым относятся только археологические объекты [6]. В поселениях района сохранились до наших дней 118 объектов истории и архитектуры. Памятников истории – 14, из них памятники, связанные с событиями Гражданской войны (могилы партизан) - 4, памятники в честь воинов-земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны - 1, памятники в честь односельчан, погибших в годы Гражданской и Великой Отечественной войн - 1, памятные знаки в честь воинов-земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны - 3, памятные знаки в честь В. И. Ленина - 2, памятники В.И. Ленину - 1, памятные знаки советского периода (в честь С.Г. Лазо и С.М. Кирова) - 2. Все памятники и памятные знаки истории являются выявленными, состоят на государственной охране местного уровня [6].

В состав Красночикийского района входит 47 населенных пунктов, объединенных в 15 поселений. Каждое поселение интересно своим природным, историко-культурным и мемориальным наследием. В нашей работе мы остановимся на объектах исторического наследия Черемховского поселения, с целью изучения истории их создания и современного состояния. Оговоримся, что административным центром поселения является с. Черемхово, помимо него в состав входит еще 8 сел: Афонькино, Большая Речка, Зашулан, Семиозерье, Стеклозавод, Усть-Ямаровка, Ямаровка, Ядрихино [1, с. 13].

Заселение Черемховского сельского поселения начинается в середине XIX в., когда из-за нехватки земель, выгонов, пастбищ, сенокосных угодий крестьяне, жившие по нижнему и среднему течению р. Чикой, искали себе место жительства вверх по течению реки. И не только это обстоятельство послужило причиной переселения крестьян вверх по ее течению, верховья были богаты кедровыми орехами, промысловыми зверьми и птицей, а реки – рыбой. Первые крестьяне, которые разместились на месте нынешнего поселения, были выходцами из сел Малоархангельска, Барахоево и др. деревень. Первыми поселенцами на заимках стали крестьяне из родов Колесниковых, Ивановых, Михайловых, Андреевских. Черемхово образовалось в 1884 г., наряду с ним в это же время возникли села Афонькино, Зашулан, Ядрихино [1, с. 5].

Но ошибочно считать, что здесь не было коренных жителей. Разрозненными семьями жили буряты-скотоводы, которые строили деревянные юрты и распределяли свои пастбища на зимники и летники, всего их было 10 семей. Отношения русских с бурятами было самое добрососедское [1, с. 7]. Особое место в истории поселения занимает культура семейских. Она пришла из соседних верхних сел, когда шло заселение территории. Считается, что староверы пришли в Красночикийский район во второй половине XVIII в., переселяясь из районов Польши. Сначала они появились в Урлуке, затем стали селиться вверх по течению реки Чикой, в том числе и на территории Черемховского поселения [7, с. 66].

В современном законодательстве отсутствует понятие «памятники истории», однако, в Законе РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1978 г. эта категория выделялась как самостоятельная. В соответствии с этим документом к памятникам истории относятся: «здания, сооружения, памятные места и предметы, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства... с развитием науки и техники, культуры и быта народов, с жизнью выдающихся политических, государственных, военных деятелей... захоронения погибших за свободу и независимость Родины». [3]

В Черемховском поселении имеются 2 братские могилы партизан времен Гражданской войны и памятный знак в честь воинов-земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны. События Гражданской войны так же оставили заметный след в памяти жителей сел. Осенью 1919 г. партизаны после неудачи восстания по реке Ингоде шли на соединение с партизанами долины реки Чикоя. Отряд был небольшой, его вел командир по фамилии Береснев (инициалы нами не установлены). Отряд остановился в вершине реки Жаргея, в зимовье на отдых. Белогвардейцы, превосходившие по силе, появились внезапно, захватив партизан, устроили над ними расправу, а затем их трупы разбросали по тайге. Жители сел Черемхово и Афонькино собрали их в тайге и схоронили на своих сельских кладбищах. Сегодня нет точных данных, сколько было человек, но приблизительно считается от 20 до 30 человек. В братской могиле захоронен и командир отряда Береснев, но в какой именно пока не установлено [1, с. 38]. В настоящее время за захоронениями ежегодно производится уход учащимися МОУ «Черемховская средняя общеобразовательная школа». Проведение такого рода мероприятий способствует развитию у школьников чувства патриотизма, которое начинается с изучения своей малой Родины – деревни, края, в котором живешь.

Характеристика исторического наследия была бы не полной без изучения вклада личности. Далее речь пойдет о ветеранах Великой Отечественной войны. Как и из тысячи других

деревень и городов СССР, жители Черемховского поселения отправились защищать нашу страну от фашистских захватчиков. В те годы из поселения ушло на фронт 241 человек, из которых вернулось 109 человек, погибли 110 человек, без вести пропал 21 человек и узником концлагерей был один человек (Подольский Николай Яковлевич). Орденом Славы 2-3 степеней награждены 9 человек, орденом Красной Звезды - 10 человек, медалями «За отвагу» - 9 человек, медалями «За доблестный труд в годы войны» - 5 человек, труженики тыла - 65 человек, дети войны - 15 человек, вдовы войны - 7 человек [2, с. 9].

В настоящее время в живых осталось 3 ветерана: Иванов Николай Феоктистович (род. 1924), Дианов Иван Иннокентьевич (род. 1924), Леонов Лаврентий Кириллович (род. 1926) [2, с. 10].

Иванов Николай Феоктистович родился 23 июня 1923 г. в с. Архангельское Красночичкойского района Читинской области. До войны окончил 6 классов Черемховской средней школы в 1939 г. Участвовал в боевых действиях в Великой Отечественной войне с октября 1942 г. по август 1945 г. в составе 176 минометного полка. Награжден медалью «За боевые заслуги» (№ 562744 от 27 июня 1947 г.), Орденом Отечественной войны II степени (№ 6270822 от 11 марта 1985 г.), медалью Жукова, юбилейными медалями, благодарностью Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина за преодоление безводной монгольской степи и форсирования горного хребта Большой Хинган. В 1950 г. окончил курсы механизаторов, два года отработал в колхозе трактористом, затем в Черемховской МТС бригадиром тракторной бригады, потом переведен в Черемховскую среднюю школу, где 25 лет проработал преподавателем основ производства и трудового обучения [2, с. 13].

Дианов Иван Иннокентьевич родился 24 июля 1924 г. в с. Коротково Красночичкойского района Читинской области. В 1935 г. окончил 4 класса в Коротковской средней школе, с 1936 г. работал в артели на хозяйственных работах, в 1941 г. работал счетоводом артели в с. Харцага Хилокского района. Участвовал в боевых действиях Великой Отечественной войны с августа по сентябрь 1945 г. в войне с Японией, в составе 80 минометного стрелкового полка 2 минометного батальона на Дальневосточном фронте. С 1948 по 1958 гг. работал охотником с. Харцага. В 1957 г. окончил Иркутский пушно-меховой заготовительный техникум, где учился вместе со своим сыном. С 1958 г. работал заведующим Харцагинским производственным участком, в 1968 г. переведен в Черемховское сельпо. 1 марта 1971 г. принят в штаты коопзверопромхоза на должность товароведа-сырьевщика, работал заведующим Черемховским участком вплоть до ухода на пенсию (1972-1984 гг.). Всю жизнь проработал в охотничьем хозяйстве, за что неоднократно был награжден премиями и объявлением благодарности за добросовестную работу, хорошую организацию заготовки орехов и т. д. В 1984 г. занесен в Книгу Почета облпотребсоюза и обкома профсоюза работников госторговли и потребкооперации (приказ от 28 июня 1984 г.). Награжден Орденом Отечественной войны II степени (№ 6270854), медалью «За победу над Японией» (№ 144859); знаком «Фронтовик 1941-1945 гг.», медалью Жукова, медалью «Ветеран труда», всеми юбилейными медалями. Также была объявлена благодарность приказом Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Сталина от 23 августа 1945 г. № 372 за отличные боевые действия в борьбе против японских агрессоров, форсирование горного хребта Большой Хинган и преодоление безводной монгольской степи [2, с. 15].

Леонтьев Лаврентий Кириллович родился в 1926 г., участвовал в боевых действиях в Великой Отечественной войне с августа 1945 г. по сентябрь 1945 г. в войне с Японией в составе 368 мотострелкового полка, Дальневосточный фронт. Лаврентий Кириллович награжден орденом «Отечественной войны» и медалью «За победу над Японией». К сожалению, более сведений о ветеране не имеется [2, с. 16].

9 мая 1970 г. состоялось торжественное открытие памятного знака участникам Великой Отечественной войны по случаю празднования 20-летия Победы над фашистскими захватчиками. Инициатором создания объекта являлся Салов (инициалы нами не установлены),

который его выполнил в 1969 г. Памятный знак создан в форме стрелы, установлен на постаменте и сделан из бетона. На белом фоне знака слева находится силуэт солдата, справа выгравирована надпись «Воинам, павшим в боях за Родину, вечная память, 1941-1945». Монумент находится в центре села, около школы, Дома культуры и библиотеки. Возле памятника расположен школьный парк, огороженный невысоким палисадником. Сегодня объект не потерял своего общественного значения: на этом месте проводятся линейки, последний звонок, молодежны возлагают цветы. Ежегодно ко Дню Победы школьники организуют шествие с возложением цветов [2, с. 35]. К сожалению, в краеведческой литературе содержатся достаточно скудные сведения о данном объекте и его создателе.

В школьном музее МОУ «Черемховская средняя общеобразовательная школа» (официально открыт в 1968 г.) имеются отделы, посвященные Великой Отечественной войне. Первый раздел «Дети войны»: представлен стендом, на котором записаны воспоминания детей о своих родителях-воинах и представлены их фотографии. Второй раздел «Военный отдел» представлен в виде стенда, где содержится статистика военных лет и краткая информация о ветеранах с фотографиями [2, с. 39]. В целом, экспозиция музея неполноценно раскрывает тему Великой Отечественной войны. На стендах представлена только поверхностная информация. Для того чтобы в полной мере раскрыть тему войны необходимо осуществить полный поиск информации о ветеранах и об объектах истории. Некоторые данные необходимо уточнить, поскольку даты военных лет в разных источниках разнятся [2, с. 41-43].

В целом, современное состояние памятников Черемховского поселения Красночикийского района Забайкальского края оценивается как удовлетворительное. Объекты находятся под присмотром местного населения, их сохранность обеспечивается жителями, которые каждый год проводят посильные «реставрационные» работы: уборку территории, покраску, побелку объектов. Кроме того объекты активно вовлечены в жизнь сельчан: митинги, посвященные праздникам, уроки краеведения, работа школьного кружка.

Мы познаем историю посредством памятников, что значительно интереснее, эмоциональнее, а главное, достовернее, чем изучение истории по учебникам. Сохраняя и изучая памятники, мы овладеваем опытом наших предков, приумножаем его и передаем будущим поколениям. Сохранение памятников в настоящее время является важным условием для формирования в обществе правильного, неискаженного мировоззрения, помогающего реалистично оценить настоящее и поставить перед собой реальные цели. Это будет способствовать созданию стабильного общества, выросшего на основе истинных, а не ложных знаний о себе, своих предках и своей стране. [4, с. 11]

Все выше перечисленное способствует развитию творческого потенциала, познавательного интереса, любознательности к историческому и культурному наследию родного края, воспитывать гражданственность, чувство гордости за свою малую и большую Родину, патриотизм. Воспитание любви к Родине и формирование достойного гражданина должны стать основными составляющими в учебно-воспитательной работе любой школы. В данном случае такими примерами могут стать памятники истории.

Примечания

1. Архив Муниципального учреждения культуры «Межпоселенческая центральная библиотека» муниципального района «Красночикийский район» с. Черемхово. Папка № 1. 53 с.

2. Архив школьного музея «МОУ Черемховской средняя общеобразовательная школа». Папка № 3. 48 с.

3. Об охране и использовании памятников истории и культуры : Закон РСФСР от 15 дек. 1978 г. (в ред. от 18.01.85) // Законодательство о культуре. М., 2001. С. 328-345.

4. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России (теория, история, методика) : учебник для вузов. Кемерово : КемГУ, 2013. 287 с.

5. Общие сведения о природе Красночико́йского района [Электронный ресурс]. URL: http://krchik.narod.ru/blog/obshhie_svedeniija_o_prirode_krasnochikojskogo_rajona/2013-10-08-9 (дата обращения: 27.02.2016).

6. Список объектов историко-культурного наследия на территории Забайкальского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.забайкальскийкрай.рф/culture/newspaper/spisokokn.html> (дата обращения: 21.04.2016).

7. Хроника земли чикойской : очерки о Красночико́йском районе. Чита : Экспресс-изд-во, 2013. 312 с.

8. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область : в 2 т. 2-е изд., испр. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2002. Т. 1 : Общий очерк. 302 с.

УДК 821.161.1-31

Куницын О.И.

О ЗНАЧЕНИИ ЭПИГРАФА К РОМАНУ Л.Н. ТОЛСТОГО "АННА КАРЕНИНА"¹ ABOUT THE MEANING OF THE EPIGRAPH OF LEO TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA"

Статья посвящена проблематике толкования эпиграфа к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Рассматривая концепции ряда исследователей, автор предлагает свою интерпретацию смысла эпиграфа.

The article is devoted to problems of interpretation of the epigraph to the Leo Tolstoy's novel «Anna Karenina». Considering conceptions of a number of researchers, the author offers his own interpretation of the epigraph's meaning.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Анна Каренина», эпиграф к роману

Keywords: Leo Tolstoy, "Anna Karenina", roman's epigraph.

«Когда живёшь в мире, им созданном, – говорил о Льве Николаевиче Толстом французский писатель Роже Мартен дю Гар, – наблюдаешь, как он всматривается в самую глубину человеческого существа, и следуешь за ним в его упрямых поисках совершенного в каждом человеке, вечных поисках того незаметного жеста, который вдруг раскрывает всего человека, когда и наше зрение делается зорче, обостряется наблюдательность <...> мы учимся проникать в тайники чужой души» [20, с. 170].

Роман Л. Толстого «Анна Каренина» – один из тех литературных миров, которые и при первом знакомстве, и при многократном повторном чтении (в каждом возрасте по-разному) поражает читателя удивительной глубиной психологического анализа, пониманием мотивов человеческих поступков, мотивов иной раз настолько скрытых, что их не осознают даже сами совершающие эти поступки.

Эту особенность дарования Л. Толстого, сделавшую его (вместе с его тяготением, как бы сейчас сказали, к глобальным проблемам) одним из величайших писателей мира на рубеже XIX-XX веков, проницательно подметил ещё Н. Чернышевский. В статье, посвящённой ранним сочинениям Л. Толстого, он указывал, что молодого писателя прежде всего интересует «сам психологический процесс, его формы, его законы, д и а л е к т и к а д у ш и» (разрядка наша – О. К.) [25, с. 705]. В статье есть пророческие слова: «Глубокое изучение человеческого сердца будет неизменно придавать очень высокое достоинство всему, что бы ни написал он и в каком бы духе не написал» [там же, с. 707].

Умение выразить «диалектику души» позволяет Л. Толстому в характеристике своих героев не навязывать читателю своего мнения априорно – писатель ведёт читателя по «тайникам души» персонажа, а в итоге характеристика словно бы сама возникает в сознании читающего.

Другая сторона гения Л. Толстого – «глобальная широкоохватность» – раскрывает перед нами панораму русской жизни во времена действия того или иного его произведения.

Идейно-художественная значительность произведений Л. Толстого, их глубина и широкоохватность закономерно породили внимательное и бережное отношение к каждой написанной великим писателем фразе. Но несмотря на то, что число книг и статей, посвящённых анализу романа Л. Толстого «Анна Каренина», давно превысило сотню названий, нет полного согласия в понимании авторской позиции. Это закономерно – истинно великие произведения художественной литературы неисчерпаемы и с той точки зрения, что их идейное содержание не может быть расценено однозначно, оно всегда оставляет место для всё новых и новых точек зрения, новых перспектив и аналогий.

¹ Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худож. лит., 1981-82. Т. 8, 9. Все ссылки на текст романа по этому изданию.

В проблематике, связанной с идейно-художественным содержанием «Анны Карениной», одним из самых сложных «тёмных мест» и до наших дней остаётся толкование эпитафии к роману – «Мне отмщение, и Аз воздам». "Как убедительный пример мобилизации читательских усилий и знаменательного диалога с читателем, – пишет Г. Ищук, – предстаёт полный затаённых смыслов эпитафия – «Мне отмщение, и Аз воздам». О нём спорили более ста лет" [15, с. 115].

В качестве эпитафии к роману Л. Толстой воспользовался фразой из Библии – «Мне отмщение, и Аз воздам». В каноническом церковно-славянском тексте эта фраза выглядит так: «Въ день отмщения воздамъ» [4, с. 205] – здесь со свойственным Библии суровым лаконизмом выражена идея возмездия как такового. В традиционном русском переводе этот эпизод трактуется применительно к конкретной ситуации – разгневанный на людей бог Иегова произносит: «У меня отмщєніє и воздаяніє, когда поколеблется нога ихъ; ибо близокъ день погибели ихъ, скоро наступитъ уготованное для нихъ» (Ветхий завет, Второзаконие, гл. 32, п. 35) [5, с. 247]. Л. Толстой же воспользовался вариантом из послания апостола Павла римлянам, цитирующего слова Бога. Здесь смысл высказывания особенно очевиден: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу *Божію* (курсив оригинала. – О. К.). Ибо написано: Мне отмщєніє, Азъ воздамъ, говоритъ Господь» (Новый завет, Послание римлянам, гл. 12, п. 19) [там же, с. 1428]. В традиционном богословском толковании эти слова понимаются, как выражение того, что Бог лишает людей права отмщения и "воздаяния" ближним – такое право имеет лишь высшая сила в лице Бога¹.

Эпитафия с самого начала вызвал многочисленные и разноречивые толкования. Так, ещё в 1883 году малоизвестный ныне литератор М. Громека истолковал эпитафию в духе ходячей морали того времени, в духе безоговорочной догматизации института буржуазного брака и безусловного пиетета к общественному мнению: «Нельзя разрушить семью, – писал он, – не создав ей несчастья, и на этом старом несчастье нельзя построить нового счастья. Нельзя игнорировать общественное мнение вовсе, потому что, будь оно даже не в е р н о, оно всё же есть неустранимое условие с п о к о й с т в и я и с в о б о д ы <...> (разрядка наша. – О. К.). Брак всё же есть единственная форма любви, в которой чувство спокойно, естественно и беспрепятственно образует прочные связи между людьми и обществом, сохраняя свободу для деятельности, давая силы для неё и побуждение...» [10, с. 265]. Далее М. Громека утверждал, имея ввиду человеческие чувства: «от воли человека зависит согласоваться с ними и быть счастливым или преступать их и быть несчастным» [там же].

Совсем иначе подошёл к вопросу великий мыслитель и психолог Ф. М. Достоевский, он прочёл эпитафию в плане концепции неистребимости зла в человеческой душе – именно поэтому люди не могут судить людей, они бессильны: «ни в каком устройстве общества, – утверждал он, – не избегнете зла, <...> душа человеческая останется та же, <...> ненормальность и грех исходят из неё самой и <...> наконец, законы духа человеческого столь же неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределённые и столь таинственны, что нет и не может быть ещё <...> судей о к о н ч а т е л ь н ы х (разрядка автора. – О. К.), а есть тот, который говорит: «Мне отмщение, и Аз воздам» [11, с. 189].

Совершенно иная и очень оригинальная концепция принадлежит В. Вересаеву. Он считал, что вина Анны не в том, что она преступила законы общества, в котором жила, но, напротив того, в том, что не смогла до конца отдаться силе любви, заставившей её выйти за рамки дозволенного: «Как будто независимая от Анны сила, – она сама это чувствует, – вырывает всё из уродливой её жизни и бросает навстречу новой любви. Если бы Анна чисто и

¹ Кстати сказать, не мешало бы в изданиях "Анны Карениной" давать перевод эпитафии с церковно-славянского на современный русский, иначе большинство читателей совершенно не понимает смысла этой цитаты из Священного писания. Вот результат опроса, проведённого автором данной работы: из 11-ти специалистов-гуманитариев с высшим образованием только один смог хотя бы приблизительно объяснить смысл эпитафии; из 32 студентов высшего учебного заведения ни один при чтении романа (в прошлом) не обратил внимания на эпитафию и не попытался уяснить его смысл.

честно отдалась этой силе, пред нею раскрылась бы новая цельная жизнь. Но Анна испугалась, испугалась женским страхом перед человеческим осуждением, перед потерей своего положения в свете. И глубокое, ясное чувство загрязнилось ложью, превратилось в запретное наслаждение, стало мелким и мутным» [8, с. 411]. В эссе «Живая жизнь» В. Вересаев постоянно подчёркивает эту концепцию: «В душе Анны ужас. Но это не светлый радостный ужас любви, которым полны, например, полюбившие Лёвин и Китти. Мрачные страшные лица людской жестокости и лицемерия стоят над любовью Анны, давят эту любовь и уродуют. <...> Анна <...> полна только презрением к себе и к постоянной своей любви» [7, с. 498]. И ещё: «Когда свершилось то, что неизбежно должно было совершиться, то было это не радостным счастьем, а сугубым ужасом, мукой и позором» [там же].

Таким образом, В. Вересаев считает, что «отмщение» приходит к Анне не за измену супружескому долгу, а за неспособность быть верной истинному чувству, себе, как живому существу, жизни, которая сделала любовь высшим человеческим чувством: «И здесь можно только молча преклонить голову перед праведностью высшего суда, – подводит итог В. Вересаев, – если человек не следует таинственно-радостному зову, звучащему в его душе, если он робко проходит мимо величайших радостей, уготованных ему жизнью, – то кто же виноват, что он гибнет в мраке и муках? Человек легкомысленно пошёл против собственного своего существа, – и великий закон, светлый в своей жестокости, говорит: «Мне отмщение, и Аз воздам» [там же].

Были ещё и другие концепции, подчас резко исключаящие друг друга.

Заметим, что сам Л. Толстой, реагируя на те или иные толкования проблемы эпитафии, несколько варьировал свои объяснения смысла эпитафии. Так, банальные сентенции М. Громеки ему как-будто понравились: «Он объяснил то, – говорил писатель, – что я бессознательно вложил в произведение» [22, с. 55]. Однако, по справедливому замечанию М. Бойко, «роман Л. Толстого ставит проблемы вины, долга, свободы чувства глубже, многозначнее» [6, с. 64], а поверхностное морализирование вряд ли могло ли быть близким писателю.

Вересаевское объяснение Л. Толстой отверг, хотя оно ему по-своему понравилось: «Да, это остроумно, очень остроумно, но я должен повторить, что я выбрал этот эпитафия просто, как я уже объяснил, чтобы выразить ту мысль, что то дурное, что совершает человек, имеет своим последствием всё то горькое, что идёт не от людей, а от Бога, и что испытала на себе и Анна Каренина» [9, с. 433].

Своего рода итог толстовским самоинтерпретациям проблемы эпитафии подвело его высказывание, сделанное на склоне лет: «Много худого люди делают сами себе и друг другу только оттого, что слабые, грешные люди взяли на себя право наказывать других людей. «Мне отмщение, и Аз воздам». Наказывает только Бог и то только через самого человека» [1, т. 9, с. 436].

Как видим, при всех оттенках высказываний Л. Толстого основной остаётся мысль: право отмщения принадлежит высшей силе, которую писатель называет «Бог». Но, если отойти от чисто религиозного толкования, можно предположить, что говоря «Бог», Л. Толстой имел в виду «высший нравственный закон», который писатель считал присутствующим в сознании каждого человека, достигшего определённого нравственного уровня.

Подтверждение этого тезиса можно найти в ряде исследований. Литературовед М. Храпченко, например, особенно настаивает на мысли о метафоричности эпитафии. Он считает, что эпитафия содержит в себе (применительно к роману Л. Толстого) в качестве «подтекста» мысль о вечности и неизменности нравственных законов, означавших, по мнению писателя высшую среди сил, движущих развитие человеческого общества: «Аз» для автора «Анны Карениной», – утверждает критик, – это не просто Иегова и даже, пожалуй, совсем не Иегова, а добро, составляющее условие истинной жизни, те требования человечности, вне которых она немислима» [24, с. 218].

Но так или иначе, эпиграф существует, а роман Л. Толстого называется «Анна Каренина». Поэтому логичным будет для того, чтобы попытаться прийти для себя к какому-то выводу, обращение к образу заглавной героини.

Как известно, импульсом к созданию романа стал для Л. Толстого действительный случай, о чём говорится в главе «Почему Каренина Анна и что навело на мысль о подобном самоубийстве» воспоминаний С. А. Толстой» [19, с. 154].

Первоначальный духовный и физический облик героини был, как указывают исследователи, существенно иным (об этом красноречиво свидетельствует первое название романа – «Молодец баба»). Героиня была своего рода искательницей приключений, физическое начало в ней преобладало, обманывая своего мужа, находила в лжи извращённое удовлетворение.

В дальнейшем в процессе работы писателя над рукописью мало-помалу заглавный образ эволюционировал от лихой «молодец-бабы» к женщине порядочной, привлекательной духовно и внешне. Эта эволюция наблюдается не только при хронологическом сравнении вариантов тех или иных эпизодов романа, но и в самом развитии действия в окончательном варианте. Так, например, по началу очевидно неприязнь автора к героине, по крайней мере, к её внешности. Впервые говоря об облике героини – «она была прелестна в своём простом чёрном платье, прелестны были её полные руки с браслетами, прелестна твёрдая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы <...>, прелестны грациозные лёгкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своём оживлении» [1, т. 8, с. 95], тут же добавляет: «но было что-то ужасное и жестокое в её прелести» [там же]. Ниже Кити говорит об Анне: «Да, что-то чуждое, бесовское и прелестное есть в ней» [там же].

Отрицательное начало в Анне Л. Толстой выявляет ещё в ряде ситуаций нескольких глав романа. Так, например, полюбив Вронского, она инстинктивно старается найти плохое в Каренине. Вот сцена её первой встречи с мужем после событий в Москве: «Ай, боже мой, отчего у него с т а л и (разрядка наша. – О. К.) такие уши?» [там же, с. 118], именно тогда её поразили «хрящи ушей, подпиравшие поля круглой шляпы». И далее расшифровывается причина этого «открытия»: «неприятное чувство», «чувство недовольства собой» [там же]. Несомненно ведь, что та неприязнь, которую испытывает к Каренину большая часть читателей романа, во многом связана с тем, что они словно бы смотрят на Каренина глазами Анны.

Оттенению «отрицательности» образа Анны служит и вторая сюжетная линия романа (Лёвин – Кити). Позволим себе не согласиться с мнением В. Кулешова, который трактуя проблему «полифонизма» (сюжетной многослойности) в творчестве Л. Толстого, утверждает, что в «Анне Карениной» «сталкиваются разные и на равных правах концепции жизни» [16, с. 235]. Как думается, сюжетная линия Лёвина носит всё-таки подчинённый характер именно в силу исходной авторской концепции неприятия Анны. «Анна Каренина и Константин Лёвин, – пишет Е. Куприянова, – обрисованы Толстым отнюдь не в качестве двух различных вариантов правдоискателя, а как д в а а н т и п о д а (разрядка наша. – О. К.). Лёвин ищет смысла жизни, сознавая бессмысленность своей, весьма благополучной, и окружающей жизни. Анна же видит весь смысл своей неблагополучной жизни в удовлетворении своего стремления к личному, в конечном счёте, «плотскому» счастью и падает жертвой его «обмана» [17, с. 128].

В этих словах Е. Куприяновой ясно просвечивает толстовская концепция осуждения «плотской» любви, концепция, проходившая через всю жизнь писателя и достигшая вершины на склоне его лет. Л. Толстой писал тогда: «Идеал христианина есть любовь к Богу и ближнему, есть отречение от себя для служения богу и ближнему. Плотская же любовь, брак – есть служение себе и потому есть во всяком случае препятствие служению Богу и людям и потому с христианской точки зрения – падение, грех» [21, с. 48].

Поэтому, видимо, столь частым в «Анне Карениной» является «мотив вины». По словам, например, М. Бойко, «Л. Толстой строит роман как строго детерминированную систему, где «преступление» и «возмездие» сплетается в единую неразрывную цепь. Ощущение виновности – вот чувство, которое, пожалуй, чаще всего испытывают герои романа» [6, с. 65]. В самом деле, роман начинается с описания того, как Стива Облонский мучается сознанием

своей виновности перед женой: «его воображению представились опять все подробности ссоры <...>, вся безысходность его положения и мучительнее всего собственная вина его» [1, т. 8, с. 8]. Вот Кити видит на балу Вронского, в его внезапном увлечении Анной: «на лице Вронского, всегда столь твёрдом и независимом, она видела то поразившее её выражение потерянности и покорности, похожее на выражение умной собаки, когда она виновата» [там же, с.95]. Чувствуя какую-то свою вину, Каренин именно поэтому усердно убеждает себя: «Я ошибся, связав свою жизнь с нею; <...> Виноват не я <...>, но она. Но мне нет дела до неё» [там же, с. 308]. «Она должна быть несчастлива, но я не виноват и потому не могу быть несчастлив» [там же, с. 312].

Как думается, с «мотивом вины» связан и «мотив судьбы» Анны – ведь Л. Толстой сразу указывает на предопределённость трагической судьбы Анны – об этом говорит эпизод гибели путевого обходчика, неспроста соседствующий с эпизодом первой встречи Анны и Вронского. Именно так расценивает это событие сама Анна: «Степан Аркадьевич с удивлением увидел, что губы её дрожат и она с трудом удерживает слёзы.

– Что с тобой, Анна? – спросил он, когда они отъехали <...>

– Дурное предзнаменование, – сказала она» [там же, с. 75].

Очевидно, что у каждого, кто уже читал роман или хотя бы знает о трагическом конце Анны, это «дурное предзнаменование» тут же вырастает в многозначительный символ¹.

Итак, Л. Толстой начинает с осуждения Анны. В дальнейшем, очевидно, началось то, что называют «самодвижением» художественного образа – образ Анны словно бы вышел из подчинения писателя и стал жить «самостоятельной жизнью». Сам Л. Толстой об этом говорил вполне определённо, вспоминая «случай, бывший с Пушкиным: Однажды он сказал кому-то из своих приятелей: «Представь, какую штуку удрала со мной моя Татьяна! Она – замуж вышла. Этого я никак не ожидал от неё». То же самое и я могу сказать про Анну Каренину. Вообще герои героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы: они делают то, что должны делать в действительной жизни, а не то, что мне хочется» [3, с. 423]. Направление же самодвижения заключалось в том, что из игрушки низменных страстей, какой была Анна первоначально («чувство это удесятерилось прелестью запрещённого плода и возрастило развитие силы страстей» [14, с. 153], так характеризовалась героиня в первоначальных эскизах романа) она превратилась в жертву трагических обстоятельств.

Отметим, что Л. Толстой приводит сведения о «брачном союзе» Анны и Каренина, о начале их совместной жизни лишь во второй половине романа (в пятой части). А ведь у читателя, который судит по отношению Анны к Каренину, сразу складывается впечатление, что их брак с самого начала был сделкой, совершённой по традициям их общества – девушку, достигшую известного возраста, выдали за пожилого человека «с положением» (невольно вспоминается пукиревский «Неравный брак»). А позже об этом у Л. Толстого говорится достаточно приземлённо: «Во время его (Каренина. - О.К.) губернаторства тётка Анны, богатая губернская барыня, свела хотя немолодого уже человека, но молодого губернатора со своею племянницей и поставила его в такое положение, что он должен был или высказаться, или уехать из города. <...> тётка Анны внушила ему через знакомого, что он уже компрометировал девушку и что долг чести обязывает его сделать предложение. Он сделал предложение и отдал невесте и жене всё чувство, на которое был способен» [1, т. 9, с. 84] (разрядка наша. – О. К.). Как видим, о чувствах Анны речи нет, даже об «отражённых» (какие бы могли возникнуть в ответ на сильные чувства претендента). «Анна с её характером, – пишет Е. Евту-

¹ Характерно, что Р. Щедрин в балете "Анна Каренина" сделал музыкальной темой (лейтмотивом) "судьбы Анны" словно "стучащий" (обходчик, постукивающий молотком о рельсы и колёса) мелодический оборот, который впервые появляется в сцене встречи героев и гибели обходчика, развивается на протяжении всего действия и злобно торжествует в эпизоде смерти Анны. Кстати, композитор объединил образы обходчика и обкладчика, которые появляются в снах Анны и Вронского [1, т. 8, с. 391, 397], что усиливает роль зловещего символа – «темы судьбы Анны».

шенко, – возможно, бросила бы Каренина, даже не встретив Вронского. Любовь к Вронскому была одним из проявлений её ненависти к мужу, и если бы Вронского не существовало бы, Анна бы его выдумала» [13, с. 26].

Читатель ощущает подобное сразу, с первых сцен, в которых «выступают» Анна и Каренин, однако писатель, как уже говорилось, не торопится об этом сказать.

Очевидно, что в процессе развития действия облик Анны становился более близким Л. Толстому, безусловное поначалу осуждение её мало-помалу становится не столь категоричным. В этом плане переломной становится сцена у постели умирающей Анны. Ф. Достоевский писал об этом эпизоде: «Явилась сцена смерти героини (потом она опять выздоровела) – и я понял всю существенную часть целей автора. В самом центре этой мелкой и наглой жизни появилась великая и вековечная жизненная правда, и рядом всё озарила. Эти мелкие, ничтожные и лживые люди стали вдруг истинными и правдивыми людьми» [12, с. 57].

Неспроста изменилось и авторское отношение ко второй сюжетной линии романа – линии Лёвина. Б. Эйхенбаум, например, пишет, что в процессе работы Л. Толстого над романом, «Лёвин, постепенно вытесняя Анну, стал главным героем – и роман из любовного, посвящённого вопросу семьи, брака и страсти, превратился в сельскохозяйственный, аграрно-производственный» [27, с. 70]. Если отбросить некоторое преувеличение (роман всё-таки остался прежде всего психологическим), то надо признать, что верно подмечено превращение второй линии романа из только поддерживающей «осуждение» в пласт в известной степени ведущего самостоятельное существование.

Окончательно «высветляет» образ Анны её трагическая гибель¹.

При поверхностном подходе смерть Анны воспринимается как квинтэссенция «отмщения»², однако это вовсе не так – ведь на гибель Анна идёт по собственной воле, ибо видит в ней единственное средство вернуть их любви прежнюю высоту: «И смерть, как единственное средство восстановить в его (Вронского. – О. К.) сердце любовь к ней, наказать его и одержать победу в той борьбе, которую поселившийся в её сердце злой дух вёл с ним, ясно и живо представилось ей» [1, т. 9, с. 345].

Таким образом, смерть Анны – новый этап борьбы за любовь, за правду в человеческих отношениях, эта та смерть, о которой Л. Фейербах говорил: «Смерть – благо и даже право – священное естественное право придавленного злом на освобождение от зла. Смерть – это не кара за совершённые грехи, это награда за перенесённые страдания...» [23, с. 451]. Смерть Анны означает для неё уход в «новую жизнь» (в памяти близких), возрождение её доброго имени, духовное самоочищение.

В итоге, «создание образа Анны Карениной – пример сложных творческих исканий художника, который отбрасывая всё искусственное, нарочитое и оставлял всё убедительное и правдивое» [2, с. 321].

Каков же итог? Очевидно, что образ Анны, выйдя из-под власти автора, сумел защитить себя, сместить акценты в концепции романа, а следовательно, иной смысл должен был приобрести и эпиграф. Однако, Л. Толстой, взяв это библейское изречение в самом начале работы над романом, оставил его и в окончательном варианте. Из этого можно сделать вывод о том, что, во-первых, писатель придавал ему очень важное значение, и, во-вторых, что для Л. Толстого эта библейская фраза символизировала не просто судьбу одной женщины, одной семьи, одной любовной пары, но несла в себе выражение «всеобщего нравственного закона». М. Храпченко, например, считает, что вообще эпиграф «...не может быть «прикреплён» к об-

¹ По-существу, на эпизоде смерти Анны роман должен был бы завершиться, поскольку после этой трагической кульминации всё остальное воспринимается, как нечто снижающее пафос целого (своего рода следование традиции старого западного романа, где непременным условием был эпилог, разъясняющий читателю судьбу всех персонажей повествования).

² Возвращаясь к итогам нашей «анкеты», отметим, что большинство опрошенных при напоминании им эпизода смерти героини прямолинейно понимает слова «отмщение» и «воздам», как символы вины Анны, наказанием за которую является её смерть.

разу главной героини произведения. Попытки с точки зрения прямолинейного истолкования эпитафии рассмотреть этот характер, его психологическое содержание терпят полную неудачу по той простой причине, что обрисовка Анны в целом решительно противоречит «осудительной» идее эпитафии» [24, с. 217].

Если поначалу можно было представлять себе, что «острие» эпитафии нацелено в Анну, то в дальнейшем очевидно, что Л. Толстой осуждает вовсе не её. В самом эпитафии акцент с «отмщения» смещается на лишение людей права на «отмщение». Вернёмся к уже приводившемуся высказыванию Л. Толстого (теперь для нас его смысл ясен): «Наказывает только бог и то, только через самого человека» (разрядка наша. – О. К.) – судьёй может быть сам человек, достигший осознания высшего нравственного закона [3, с. 430]. Кто же, по мнению писателя, лишён права судить, права на «отмщение и воздаяние»? Это очевидно – виновато в гибели Анны общество, построенное на лжи и лицемерии – они охотно простили бы ей «невинные шалости», но любовь простить не могут.

Итак, хотел этого Л. Толстой или не хотел, но древние библейские слова, поставленные им эпитафией к «Анне Карениной», могут звучать, как грозная надпись, которую «чертит уж рука роковая» – как грозное предостережение обществу соучастному несправедливости.

Мощью своего художественного дара Л. Толстой показывает, что в «треугольнике» главных персонажей романа нет безусловно заслуживающих «отмщения». Дело не в вине кого-то из них – виновато общество, его догматы.

В. И. Ленин недаром назвал Л. Толстого «зеркалом русской революции» [18, с. 5], по словам Б. Эйхенбаума, «употребив слово «зеркало» не как метафору, а в роли термина, обусловленного пониманием искусства как особой формы «отражения действительности» [27, с. 255]. К революции привело развитие всех сторон русской жизни, поэтому ленинское определение означает исчерпывающую широту отражения русской действительности в творчестве Л. Толстого. Революция сломала и старый институт брака, а Л. Толстой показал неизбежность этого в романе «Анна Каренина».

Предлагаемая выше интерпретация смысла эпитафии к «Анне Карениной», не претендует быть исчерпывающей, но, как думается, может быть одной из возможных.

Необходимо также иметь в виду, что подробное рассмотрение проблемы эпитафии может излишне акцентировать на нём внимание и придать ему то основополагающее значение, которого может быть, вовсе и не придавал ему сам Л. Толстой. Такое мнение не раз высказывалось рядом исследователей. «Совершенно очевидно, – считает, например, М. Храпченко, – что <...> пафос романа как системы образов, как объективного отражения жизни не может быть сведён к формуле: «Мне отмщение и Аз воздам» [24, с. 217]. Б. Эйхенбаум сформулировал сходную мысль так: Толстой «вовсе не имел в виду выразить в этом эпитафии смысл всего романа и превратить, таким образом, роман в иллюстрацию к евангельскому изречению...» [26, с. 199-200]. С другой стороны, рассмотрение проблемы эпитафии, безусловно, необходимо, так как до сих пор постоянно встречаются поверхностные, мелко субъективные его толкования.

Несомненно, проблему эпитафии к «Анне Карениной» нельзя считать разрешённой до конца, впереди ещё новые литературоведческие прочтения проблемы, новые концепции и гипотезы. И уже в этом одном ещё раз подтверждается неисчерпаемость идейно-художественной глубины замечательного произведения великого русского писателя.

Примечания

1. Толстой Л. Н. Анна Каренина // Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1981-82. Т. 8, 9.
2. Арденс Н. Творческий путь Л. Н. Толстого. М. : Изд-во АН СССР, 1962.
3. Бабаев Э. Послесловие к роману "Анна Каренина" // Толстой Л. Н. Указ. соч. Т. 9.
4. Библия или книги Священнаго писания. СПб., 1817.

5. Библия или книги Священнаго писанія Ветхаго и Новаго завета. Въ русскомъ переводе. СПб. : Синодальная тип., 1912.
6. Бойко М. По поводу эпиграфа к роману "Анна Каренина" // Литература в школе. 1969. № 4.
7. Вересаев В. Воспоминания. М. : Гослитиздат, 1946.
8. Вересаев В. Живая жизнь // Собр. соч. : в 5 т. М. : Правда, 1961. Т. 3.
9. Вересаев В. Лев Толстой // Там же. Т. 5.
10. Громека М. Последние произведения гр. Л. Н. Толстого // Русская мысль. 1883. № 2.
11. Достоевский Ф. Дневник писателя за 1877. СПб., 1878.
12. Достоевский Ф. Дневник писателя. Москва, 1911.
13. Евтушенко Е. Восстание Анны // Литературная Россия. 1987. 18 сент.
14. Интервью и беседы с Львом Толстым. М. : Современник, 1986.
15. Ищук Г. Лев Толстой. Диалог с читателем. М. : Книга, 1984.
16. Кулешов В. Этюды о реализме Л. Н. Толстого и Ф. Достоевского // Кулешов В. Этюды о русских писателях. М. : Изд-во МГУ, 1982.
17. Купреянова Е. Выражение нравственных исканий Л. Толстого в "Анне Карениной" // Русская литература. 1960. № 3.
18. Ленин В. И. Статьи о Толстом. М. : ГИХЛ. 1955.
19. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : ГИХЛ, 1960. Т. 1.
20. Мартен дю Гар Р. Открытие Толстого // Писатели Франции о литературе. М. : Прогресс, 1978.
21. Половой вопрос, брак и семья в представлении великих людей. Харьков : Космос, 1925.
22. Толстовский ежегодник. М., 1912.
23. Фейербах Л. Избранные философские сочинения. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1.
24. Храпченко М. Лев Толстой как художник. М. : Совет. писатель, 1963.
25. Чернышевский Н. Детство и отрочество. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого // Чернышевский Н. Избр. соч. М. ; Л. : Гослитиздат, 1950.
26. Эйхенбаум Б. О взглядах Ленина на историческое значение Толстого // Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии. Л. : Худож. лит., 1986.
27. Эйхенбаум Б. Творческие стимулы Л. Толстого // Там же.

УДК 008 (571.5)

Судакова О.Н., Нава С.С.

ПРОБЛЕМАТИКА КУЛЬТУРОЛОГИИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА

PROBLEMS OF REGIONALISM FROM CULTUROLOGICAL POINT OF VIEW

В статье авторы обозначают актуальную проблему культурологии областничества – исследование её категориального аппарата. Концепт «сибирская культура» стал предметом работы. Основанием архитектоники концепта «сибирская культура» являются идеи областников о региональной культуре.

In the article the authors consider an actual problem of regionalism in cultural studies. The concept «Siberian culture» became the work subject.

Ключевые слова: культурология областничества; сибирская культура; идеи областной культуры Г.Н. Потанина; теория культурных гнёзд; теория фронта.

Keywords: regionalism in cultural studies; Siberian culture; the Idea of the regional culture G. N. Potanin; theory of cultural nests; theory of a frontier.

Культурология областничества как дискуссионная тема была предложена организаторами семинара «Принципы пограничности и регионализма в культуре» (Институт философии СПбГУ, 2015 г.) [1]. Этот факт указывает на формирование ещё одного направления в

науке о культуре. Усилиями учёных культурологическое наследие областничества обрело системное изложение [2], и как следствие этого, стало возможным выделение особой «ветви» - культурологии сибирского областничества. Попытка классификации источников по проблематике сибирского областничества была предпринята С.А. Троицким [3]. Цель данной работы обозначить некоторые проблемные поля для дальнейшего структурирования материалов сибирского областничества в русле культурологии.

Отправной точкой, по нашему мнению, может стать проблематизация концептов, среди которых выделяется понятие «сибирская культура». Историк понятий Ю.А. Асоян утверждает, что концептуализацию термина «сибирская культура», как некой идеи, следует искать не столько в работах этнографов второй половины XIX века, сколько в статьях представителей сибирского областничества [4]. Культуролог Т.Ф. Ляпкина указала, что парадигма XIX столетия детерминировала рассмотрение областниками культуры в ракурсе «история=культура» или «культура=история» [5]. В многообразном наследии лидеров сибирского областного движения А.В. Головин обнаружил принципы существования региональной культуры, среди которых равноценность и равнозначность всех субъектов этнокультурного пространства [6]. Учитывая точки зрения названных учёных, и исходя из того, что концепт «сибирская культура» объективирует вокруг себя различные теории, попробуем выстроить алгоритм его теорий.

Данная задача может быть решена с помощью ступенчато-пирамидальной конструкции, предложенной историком культуры И.В. Кондаковым. Каждому региональному типу культуры, утверждает исследователь, свойственна своя логика исторического развития и строения, целостность последнего зависит от двух моментов. Во-первых, каждая последующая теория должна «наслаиваться» на предшествующие ей теоретические представления, служа одновременно продолжением и преодолением их. Во-вторых, для понимания имманентной логики региональной культуры следует показать закономерность последовательного восхождения, надстраивающихся друг над другом и в то же время сменяющих друг друга, пяти основных регулятивных механизмов (конфигураторов): кумуляции, дивергенции, культурного синтеза, селекции и конвергенции [7]. Не ставя перед собой такой масштабной работы, мы обозначим теории, которые составляют архитектуру концепта «сибирская культура».

Аналитика региональных исследований показывает, что общее число теорий, которые раскрывают архитектурное строение обозначенного понятия невелико: областничество (культурный сепаратизм) (Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и др.), культурные гнёзда (И.М. Гревс, И.К. Пиксанов, Е.Д. Петряев, Е.И. Дергачёва-Скоп, В.Н. Алексеев и др.), культурная (гуманитарная) география (Д. Н. Замятин, Ф.С. Корандей, Р.Ю. Фёдоров и др.), теория фронта (А.Д. Агеев, М.В. Шиловский, Д.Я. Резун и др.). Первая теория служит основанием смыслового конструирования концепта «сибирская культура». Благодаря действию кумулятивного механизма, заложенного во взглядах областников – это обсуждение «общественных вопросов Сибири» на страницах периодической печати, публичные выступления и подготовка научных трудов [8], стало возможным не только введения самого концепта в поле научного дискурса, но и понятен первичный носитель региональной культуры, а именно «иногородцы» Сибири. Позднее им станет «народно-областной тип» или сибиряки, к которому причислялись автохтонные и переселенческие народы Сибири. Таким образом, открытие региональной культуры стало возможным после того как областниками была «открыта» культура автохтонных народов, способствующая вхождению сибирской культуры в общероссийскую культуру.

К сожалению, интегративные возможности механизма кумуляции не безграничны. Внутри него зреет другой конфигурант, осуществляющий противоположное, и по своей направленности и смыслу, действие. Расщепление единого на противоположности такова задача механизма дивергенции [9]. Однако, этот механизм не только разводит единое целое на смысловые полюса, но и порождает другой взгляд на концепт «сибирская культура», заключающийся в оппозиции «столица-провинция». Если для Н.М. Ядринцева решение этого вопроса виделось в «провинциальной свободе» и «самостоятельности» региона от центра [10],

то для Г.Н. Потанина было важным воспитание сибирской интеллигенции, способной встать на защиту интересов региона [11]. Таким образом, была заложена идея о провинциальной культуре, которая получит своё развитие уже в ходе вторичной конфигурации, надстроенной над смысловыми структурами первичной и найдёт новое теоретическое воплощение концепта «сибирская культура».

Следующая теория, с помощью которой изучаемый концепт получает своё дальнейшее развитие, в научной литературе именуется как теория «культурных гнёзд». Именно централизация культуры и общественной жизни побудила литературоведа Н.К. Пиксанова, а затем историка И.М. Гревса [12] оттолкнуться от результата механизма дивергенции, проявившегося в оппозиции «провинция – столица» или «периферия – центр», и удержать обе противоположности с помощью механизмов культурного синтеза и селекции. Н.К. Пиксанов выступил против взглядов на развитие русской культуры только по прямой линии - Древний Киев, Москва, Петербург, с небольшим ответвлением на Новгород. Такой подход, утверждал он, безжалостно стирает местные особенности, которые и являются основанием общерусского культурного процесса [13]. Идея «культурного гнезда / культурных гнёзд» детерминировала разработку некоего символического языка (определенный круг деятелей, постоянная его деятельность, выдвижение питомцев), снимавшего антиномии, и более того, дающего возможность интегрировать морфологически различные феномены региональной культуры (поэтические и беллетристические произведения, журналистика, местное школьное образование и местные научные исследования [14]). В силу того, что механизм семантического синтеза опирается на «нижележащие» и во многом взаимоисключающие друг друга механизмы – кумуляцию и дивергенцию [15], возникает системная нестабильность элементов и противоречивости самой теории. Например, современные философы культуры и культурологи применение теории «культурное гнездо / культурные гнёзда» видят на пространстве края (региона) в целом или отдельных его инвариантов (уезды, города, сёла, усадьбы и пр.). При этом неизменным остаётся не изолированность их от судьбы отдельного края (региона) и всей культуры России [16]. Таким образом, даже последующее вытеснение культурного синтеза механизмом селекции, который поддерживает уже диссимилиативные тенденции, заложенные в теории культурных гнёзд, не приводит к бескомпромиссному размежеванию и смысловому взаимоисключению культуры русской (российской) и культуры региональной. Самоограничение и сохранение самоидентичности сибирской культуры в форме «культурных гнёзд» позволило наполнить её концепт сменяющимися друг друга, а порой и параллельно существующими подобными «гнёздами»: Колывано-Воскресенские горные заводы и Тобольск конца XVIII века, Кяхта рубежа XVIII-XIX веков, Иркутск и Тобольск первой половины XIX столетия, Томск и Омск второй половины XIX – начала XX века и др. Они, как представляется авторам статьи, не тяготели друг к другу, а только непосредственно к общероссийскому центру, имея при этом уникальную местную специфику. Причина подобного явления заключается в том, что «надстраиваясь» над теорией областнической культуры теория «культурных гнёзд» логически следовала за ней и вытекала из неё, но при этом представляя собой другую систему смысловых структур региональной культуры.

Процесс третичной конфигурации теорий концепта «сибирская культура» связан с новым интегративным механизмом – конвергенцией. Ему было необходимо связать противоположности средствами развитой рефлексии [17], которая возникла вокруг теория «фронта» (границы). Названная теория в научный мир вошла с именем американского историка Ф. Дж. Тёрнера, изучающего в конце XIX века процессы расширения Североамериканских штатов [18]. Компаративистские исследования американского и русского фронтиров позволили отечественным учёным сформулировать своё понимание культуры «сибирского фронта» [19]. Например, в работах А.Д. Агеева [20] это сложное явление, формирующееся под влиянием конкретных факторов, обладающее определёнными категориями и свойствами (пространство, время, вера, язык, социальная аморфность и пр.) и носителем этой культуры – сибиряком, что в целом придаёт ей особенность и специфичность. Для М.В. Шиловского процесс генези-

са и развития культуры фронта заключается в культурном контакте и дальнейшем постоянном межкультурном взаимодействии [21]. Обобщённую трактовку сибирского фронта и структурных элементов его культуры предложил другой историк Д.Я. Резун. Наряду с такими факторами как климат, рельеф, пространство, исторический фон он выделил макро- и микро-системы культуры сибирского фронта [22]. Таким образом, в отличие от теорий, включающих в себя дивергентные и селективные механизмы, приводящих концепт «сибирская культура» к отделению от российской культуры, конвергенция способствует переходу от культурной дихотомии к мозаично смысловому единству культуры. Сам концепт обретает некую целостность, не похожую на ту, которая возникает в результате механизма кумуляции, ибо она сложно структурирована и внутренне динамична. В то же время теория «фронта» (границы) сохраняет на новом уровне алгоритм теорий, возникших ранее.

Из вышесказанного следует, что системно-синергетический принцип, положенный в архитектурное строение теорий концепта «сибирская культура», позволяет проследить его поэтапное содержательное усложнение, выделить на каждом этапе особую историко-культурологическую теорию, которые, в конечном счёте, составляют научную рефлексию культурологии областничества. Недаром учёный, публицист и общественный деятель сибирского областничества Г.Н. Потанин утверждал, что человечество состоит из множества локальных образований, каждое из которых представляет собой замкнутую систему, где внутренние связи преобладают над внешними [23].

Примечания

1. Принципы пограничности и регионализма в культуре. К 180-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина и 150-летию «Дела об отделении Сибири от России»: семинар в рамках международной научной конференции «Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья XIX-XX вв.» (Санкт-Петербург, 22 октября 2015 г.).

2. См.: Ляпкина Т. Ф. Культурологический вектор региональной истории // Философско-идеологический дискурс народничества и областничества в зеркале отечественной науки: сб. материалов всерос. с междунар. участием (заоч.) науч.-практ. конф., 18 окт. 2011 г. Барнаул. СПб.: Сизиф, 2011. С. 60-69; Её же. Ядринцев о проблемах культурного влияния // Областная тенденция в русской философии и общественной мысли: к 150-летию сибирского областничества. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2010. С. 84-92; Головинов А. В. Областная концепция культуры: опыт философского постижения идейного мира Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева // Философско-идеологический дискурс народничества и областничества в зеркале отечественной науки. С. 12-19; Смокотина Л. И. Г. Н. Потанин о целесообразности родиноведения в развитии русско-монгольской торговли в конце XIX – начале XX вв. // Вестн. Томского гос. ун-та. История. 2011. № 2(14). С. 49-53; Её же. «Концентрическое родиноведение» как органическая часть культурологических разработок Г. Н. Потанина // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2008. Вып. 2(76). С. 30-31 и др.

3. Троицкий С. А. Областничество в российской гуманитарной научной литературе // Журн. социологии и соц. антропологии. 2013. Т. 16, № 1 (6). С. 60-77.

4. См.: Асоян Ю. А. «Сочинитель самобытных культуры»? (идея культуры в сибирском областничестве Н. М. Ядринцева) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumchtenia.rggu.ru/article.html?id=254168> (дата обращения: 23.07.11); Её же. Из истории понятий: идея культуры в сибирском областничестве Н. М. Ядринцева [Электронный ресурс]. URL: <http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=127> (дата обращения: 23.07.11).

5. Ляпкина Т. Ф. Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири: конец XVII – начало XX вв.: монография. СПб.: Инфо-да, 2006. С. 52.

6. Головинов А. В. Областная концепция культуры: опыт философского постижения идейного мира Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева // Философско-идеологический дискурс народничества и областничества в зеркале отечественной науки. С. 18.

7. Кондаков И. В. Архитектоника русской культуры // Обществ. науки и современность. 1999. № 1. С. 159-160.
8. Ядринцев Н. М. Русская народность на Востоке (статья первая) // Дело. 1874. № 11. С. 297-340; Его же. Сибирские инородцы, их быт и современное положение : этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб. : Изд. И. М. Сибирякова, 1891. 308 с.; Его же. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, её нужды и потребности, её прошлое и будущее. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с. : ил., табл.; Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло [и др.]. 2 изд., перераб., доп. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 280 с. и пр.
9. Кондаков И. В. Архитектоника русской культуры. С. 161.
10. Ядринцев Н. М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов: из газеты «Камско-Волжское слово», «Сибирь» и «Восточное обозрение» за 1873-1884 гг. Красноярск : Тип. Енисейского губернского союза кооперативов, 1919. С. 153.
11. Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 117-121.
12. Пиксанов И. К. Областные культурные гнёзда : ист.-краевед. альм./семинарий. М. ; Л. : Гиз, 1928. 148 с.; Гревс И. М. История в краеведении // Краеведение. 1926. Т. 3, № 4. С. 457-508.
13. Пиксанов И. К. Областные культурные гнёзда... С. 60-63.
14. Гревс И. М. История в краеведении... С. 502-503.
15. Кондаков И. В. Архитектоника русской культуры. С. 164.
16. Воронина Н. И. Философское «собрание» человека как концепт информационного пространства «культурных гнёзд» // Регионология [Электронный ресурс]. 2011. № 2. URL: <http://regionsar.ru/node/715> (дата обращения: 11.07.11).
17. Кондаков И. В. Архитектоника русской культуры. С. 170.
18. Тёрнер Ф. Дж. Роль границы в американской истории [Электронный ресурс] / пер. В. Е. Борисова. URL: [Turner_sory.pdf](http://turner_sory.pdf). (дата обращения: 18.09.11).
19. См.: Замятина (Белаш) Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах // Обществ. науки и современность. 1998. № 5. С. 75-88; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001-2003. Вып. 1-3; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь: конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 193 с. и др.
20. Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск : ИГУ, 2002. 294 с.
21. Шиловский М. В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101.
22. Резун Д. Я. Предисловие // Там же. С. 7.
23. Цит. по: Смокотина Л. И. «Концентрическое родиноведение» как органическая часть культурологических разработок Г. Н. Потанина // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2008. Вып. 2(76). С. 30.

**ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОГО
И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА КУЛЬТУРЫ**

**APPLIED ASPECTS OF STUDY AND TRANSMISSION OF CULTURAL AND NATURAL
HERITAGE: EXPERIENCE OF REGIONAL INSTITUTE OF CULTURE**

В статье анализируется многолетний опыт образовательной и научно-исследовательской деятельности ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» по изучению и трансляции объектов культурного и природного наследия. Рассмотрен опыт организации и проведения ряда научных конференций, специализированных школ, площадок, разработки и реализации образовательных программ и проектов по заявленной проблеме.

The article analyzes long-term experience of educational and research activities of the East-Siberian State Institute of Culture in the study and transmission of objects of cultural and natural heritage. The experience of organization of a number of scientific conferences, specialized schools, platforms, development and implementation of educational programs and projects in the field is analyzed.

Ключевые слова: культурное и природное наследие, образовательная деятельность, научные исследования, музеология, регион, туризм;

Keywords: cultural and natural heritage, educational activities, researches, museology, region, tourism

В современных реалиях актуализация культурного и природного наследия рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной политики России. Сегодня наследие выступает в качестве фактора стабильности развития общества, а его оптимальное использование позволяет сохранять национально-культурную самобытность регионов и способствовать социально-экономическому развитию территорий.

Наследие, традиционные подходы и инновационные формы его сохранения и использования становятся базовыми концептами, вокруг которых разворачиваются научные дискуссии, имеющие не только теоретическое значение, но и несомненную практическую востребованность. Необходимо отметить, что сегодня отсутствуют комплексные научные исследования, посвященные проблеме интеграции, сбережения и интерпретации наследия. В этой связи возникает потребность изучения региональных особенностей этого процесса, что позволит представить целостную картину заявленной проблемы.

Еще в середине 80-х гг. XX в. специалистами ЮНЕСКО были сформулированы основные позиции политики по отношению к культурному наследию. Во-первых, не причинить вреда наследию, т.е. рассматривать его как ресурс. Во-вторых, ограничить политику исключительно охраны наследия; выявить экономическую ценность объектов наследия; снизить бедность за счет использования объектов наследия; выявить образовательную и воспитательную ценности объектов наследия [1; 4]. В настоящее время позиционирование наследия как ресурсного источника свидетельствует об его интеграции в современный социальный контекст. Трансформация отношения общества к наследию позволяет показать его уникальность и значимость в формировании социокультурной среды региона. Объясняется это тем, что культурное и природное наследие является основным фактором привлекательности большинства территорий, не только с точки зрения развития туризма, но и в привлечении внешних и внутренних инвестиций, а также в обеспечении занятости населения.

Восточная Сибирь представляет собой уникальную территорию, богатую объектами историко-культурного и природного наследия, в том числе входящих в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Своеобразие региона определяется также самобытностью и разнообразием этно-конфессиональных культур. В презентации всех видов наследия музеи и учреждения музейного типа играют ведущую роль, от эффективной деятельности которых, в том чис-

ле, зависит формирование положительного имиджа региона. Это актуализирует необходимость совершенствования системы подготовки и переподготовки профессиональных кадров, что осуществляется в рамках разработки и внедрения инновационных и практикоориентированных образовательных, научных и методических программ в области музеологии, охраны объектов наследия и туризма ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры».

С 1991 г. в вузе кафедрой музеологии и наследия ведется подготовка кадров в области музейного дела и охраны памятников, за 25 лет было подготовлено свыше 1000 высококвалифицированных специалистов. Профессорско-преподавательский состав кафедры успешно реализует комплексную научно-исследовательскую тему «Историко-культурная среда как фактор устойчивого развития Байкальского региона». Разработка темы и апробация ее основных результатов подтверждается многолетней практикой организации и проведения традиционных международных и межрегиональных симпозиумов, конференций, круглых столов, музеологических школ и форумов, семинаров [2; 3; 5; 6]. К инновационным формам можно отнести комплекс мероприятий – мастер-классы, дискуссионные и презентационные площадки, олимпиады, интерактивные игры, выставочные, экскурсионные и социокультурные проекты с приглашением ведущих музеологов и специалистов из стран Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. Важное место занимают программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации, также стажировки, в том числе зарубежные.

Приоритетными направлениями в изучении обозначенной проблемы являются международное сотрудничество и академическая мобильность. Международный научный диалог способствует поиску новых форм и технологий сохранения и презентации наследия. В 2003 г. при ИКОФОМ (Международный Комитет музеологии/Международный Совет музеев/ЮНЕСКО) был создан межрегиональный альянс музеологов стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК). Отделение АСПАК в России возглавила доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул) О. Н. Труевцева. Создание данного объединения позволило кафедре музеологии и наследия в 2010 г. интегрироваться в профессиональное международное музейное научное сообщество. Кроме того, деятельность в рамках альянса дает возможность интенсивно и плодотворно развивать взаимодействие ученых различных отраслей науки, преподавателей и студентов высшей школы, сотрудников музеев и других институций, чья работа нацелена на сбережение, изучение и популяризацию наследия. Изучение культурного наследия ЮНЕСКО в странах Европы в ходе обучающих семинаров и серии мастер-классов в ведущих музейных центрах Германии и Швейцарии (международный проект «Объекты мирового наследия ЮНЕСКО», 2012) позволили перейти на более качественный уровень комплексной реализации научно-исследовательской темы ВСГИК.

Прикладной аспект проблемы – эффективность использования объектов наследия как ресурса социального и экономического развития региона был рассмотрен и проанализирован в ходе работы международных конференций: «Байкальские встречи – VII: Культура как ресурс социально-экономического развития» (2010) и «Байкальские встречи – VIII: Историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития» (2014) [2; 3]. Анализ разнообразных научных, экскурсионных, образовательных концепций, программ и проектов в музейном пространстве Африки и Азии (международные симпозиумы ИКОФОМ: «Помогая посетителю: процесс, прогресс и протест», Тунисская республика, 2012 и «Музей и культура», Республика Тайвань, 2015) [5] способствовал совершенствованию форм и методов работы с музейной аудиторией.

Опыт проведения международных молодежных музеологических школ «Музеи и наследие: проблемы сохранения, научного описания и презентации» (2010), «Музеи, исчезающее и воспроизведенное наследие, туризм: опыт и современные практики взаимодействия» (2013) [6], «Наследие – музей – туризм: мифы и современные реалии» (2016) показал необходимость разработки совместных проектов в рамках моделирования экскурсионной деятель-

ности в музейном и туристском пространстве. Приглашенные специалисты-модераторы из ведущих зарубежных научно-исследовательских центров и профессиональных общественных организаций (Германия, Чехия, Монголия, Тайвань) раскрыли особенности накопленного опыта по интеграции музеев в туристскую индустрию. Так, участники школ подчеркнули определяющую роль культурного и природного наследия по привлечению туристов к посещению определенных территорий. Ведь именно культурно-познавательный туризм по своей природе направлен на восстановление сил людей через познание нового, эмоциональное восприятие полученных впечатлений. В связи с этим, в качестве приоритетных были выделены проблемы минимизации вреда, который потоки туристов могут нанести объектам наследия; создания условий для устойчивого развития туризма; координации взаимоотношений между государственными организациями, местными сообществами и туристским бизнесом.

Процессы сохранения и актуализации культурного наследия напрямую связаны с музейной практикой и реализуются в большинстве случаев через музеефикацию. Первоначально музеефикация ассоциировалась исключительно с объектами недвижимого культурного наследия. В современной практике в процесс музеефикации активно включаются объекты нематериального культурного наследия и окружающая среда [7].

Пример проекта по частичной музеефикации комплексного объекта наследия Иволгинская сопка «Баян Тогод» («Буян Тугад», «Баин Тогод» – в переводе с бурятского языка означает «Щедрый павлин») был реализован преподавателями и студентами кафедры музеологии и наследия ВСГИК в марте-апреле 2015 г. На подготовительном этапе проекта было проведено натурное обследование объекта, который находится в Иволгинском районе Республики Бурятия. Сопка является уникальным памятником природы регионального значения. Также на стенках грота, находящегося на южной стороне сопки, имеются памятники древнего наскального искусства (петроглифы или писаницы – I тыс. до н.э.), являющиеся объектом археологического наследия федерального значения. Во время обследования были выявлены значительные загрязнения на территории объекта: современные надписи на петроглифах; «закопчение» свода грота, где непосредственно расположены «писаницы», от дыма костров, устраиваемых как местными жителями, так и приезжими при совершении ритуальных обрядов.

В рамках Международного дня памятников и исторических мест консолидированными усилиями различных ведомств и организаций (Комитет государственной охраны объектов культурного наследия Министерства культуры РБ, музей ФГБУН БНЦ СО РАН, Администрация МО «Иволгинский район» РБ, ФГБОУ ВО ВСГИК) был проведен ряд мероприятий, в том числе, очистка территории памятника и тропы, ведущей к гроту, пещеры и др. Для дальнейшей реализации проекта были приняты следующие рекомендации: согласовать с Комитетом государственной охраны объектов культурного наследия достоверную информацию о памятнике для местных жителей и гостей республики (информационный баннер был изготовлен и размещен у подножия сопки); в рамках сотрудничества с Администрацией МО «Иволгинский район» провести на базе школы пос. Иволгинск цикл мероприятий по популяризации наследия района; инициировать работу по дальнейшему благоустройству территории и частичной музеефикации памятника.

Результаты проекта были представлены и обсуждены на межрегиональной презентационной площадке «Традиционные подходы и инновационные формы сохранения и использования объектов наследия в современных условиях». Данная площадка показала в живом дискуссионном диалоге актуальные проблемы, возникающие в процессе изучения и музеефикации объектов наследия, наметила перспективы репрезентации недвижимых памятников и их активного включения в экскурсионно-туристские маршруты.

В целом, реализация подобных интегрированных проектов помогает позиционировать объекты наследия и территории, на которых они расположены, как престижные брендовые, но главное использовать, в том числе нематериальное наследие для социокультурной адаптации местного населения. Кроме того, с помощью данных программ инициируется развитие

территории, ее включение в индустрию туризма, вовлечение в креативную экономику, а также осуществляется практическая интеграция науки, культуры и образования. Таким образом, музеефикацию объектов наследия можно рассматривать как фактор формирования историко-культурной среды региона и самоидентификации местного сообщества.

Особое значение в вопросах сбережения и трансляции наследия имеет совершенствование форм и методов подготовки и переподготовки профессиональных кадров, в том числе международного уровня. К таким формам можно отнести проведение дискуссионных площадок, программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, специализированных школ и форумов. В качестве положительных примеров можно рассмотреть проведение *дискуссионной площадки* с приглашением представителей работодателей «Музейное образование: оценки, результаты и перспективы развития» (2010), где был обобщен практический опыт конструирования образовательных услуг; *презентационной площадки* «Традиционные подходы и инновационные формы сохранения и использования объектов наследия в современных условиях» (2015) в рамках межрегионального научно-практического форума «Инновационные технологии в сфере культуры и искусств». Тематические программы повышения квалификации «Моделирование музейной и экскурсионной деятельности» (2014-2015) были востребованы руководителями и сотрудниками музеев Монголии.

Таким образом, можно отметить, что систематическое взаимодействие с работодателями и сетевыми партнерами, а также внедрение в образовательный процесс результатов международного и трансграничного сотрудничества, обобщенного опыта научно-исследовательских проектов, расширяют возможности для профессионального роста, как преподавателей, так и студентов направления «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Это особенно важно в условиях практикоориентированного высшего образования, нацеленного на освоение общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций соотнесенных с определенными видами деятельности будущих выпускников. Совместная исследовательская работа теоретиков и практиков, апробированная на различных научных и методических мероприятиях, нашла отражение в ряде востребованных изданий, что в свою очередь, свидетельствует о формировании информационно-методического пространства музеологии и наследиеведения.

Примечания

1. Гаагская декларация по туризму // Международный туризм : правовые акты. М., 2000. С. 219-243.

2. Байкальские встречи – VII : Культура как ресурс социально-экономического развития : материалы междунар. науч. конф., 1-2 июля 2010 г. г. Улан-Удэ – оз. Байкал. Улан-Удэ : ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. 707 с.

3. Байкальские встречи – VIII : Историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития» : 11-13 сент. 2014 г., Респ. Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал / отв. ред. Р. И. Пшеничникова. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2014. 831 с.

4. Манильская декларация по мировому туризму // Международный туризм : правовые акты. М., 2000. С. 186-203.

5. Музей и посетитель: процесс, прогресс и протест : материалы V ежегод. симп. Междунар. комитета музеологии Сибири, стран Азии и Тихоокеан. региона, 1-3 нояб. 2012 г., Тунис. Респ. Иркутск : Отгиск, 2012. 148 с.

6. Музеи, наследие и туризм: опыт и современные практики взаимодействия : материалы междунар. молодеж. музеол. школы, 11-13 нояб. 2013 г., Респ. Бурятия, г. Улан-Удэ - оз. Байкал. Иркутск : Отгиск, 2013. 320 с.

7. Шелегина О. Н., Курьянова Т. С. Наследие: теория и музейная практика в Сибирском регионе // Гуманит. науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 2. С. 112.

**РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ФУНКЦИЙ
В ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА
(НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК СИБИРИ)**

**THE REALIZATION OF THE SOCIOCULTURAL FUNCTIONS IN THE SPACE OF
THE RURAL SOCIETY
(ON THE MATERIAL OF THE NATIONAL REPUBLICS OF SIBERIA)**

В статье на региональном материале рассматривается реализация социально-культурных функций в сельском социуме.

This article describes the realization of sociocultural functions in the rural society on the regional material.

Ключевые слова: село, сельское население, национальные республики, социально-культурные функции, социально-культурный феномен, социально-культурное пространство.

Keywords: village, rural population, national republics, sociocultural functions, sociocultural phenomenon, sociocultural space.

Рассматривая сельский социум как социокультурный феномен, отметим, что его функционирование обладает своей спецификой. Социально-экономические критерии, доминировавшие ранее при изучении села, должны быть дополнены изучением его социально-культурных функций. Т.И. Заславская, руководитель многолетних исследований сельской жизни, отмечает: «Изучая развитие сибирского села, мы убеждались, что имеем дело с особым социокультурным миром, который не собирается исчезать; он вмещает многие миллионы людей, воспитанных в крестьянской культуре с ее особыми ценностями, свыкшихся с сельским образом жизни, и, что очень важно, выполняющих уникальные функции по отношению к обществу» [4, с. 79]. А.А. Хагуров говорит о том, что село «является поставщиком многих благ, не поддающихся стоимостной оценке», выполняет, наряду с экономическими, такие функции, как сохранение этнокультурного разнообразия российского общества; поддержание экологического благополучия страны; воспроизведение и сохранение человеческого капитала; социальный контроль над территориями; сохранение исторически освоенных агроландшафтов и др. [8, с. 97]. В.В. Пациорковский считает, что «сворачивание сельского образа жизни и характерных для него занятий... ведет как к хозяйственной заброшенности издревле культивировавшихся земель, так и к деградации локальных социальных общностей, теряющих свой культурный код (генотип)» [7, с. 31]. Реализация социально-культурных функций в рамках сельского социума обусловлена пространственно-временной организацией жизнедеятельности сельчан, их образом жизни и менталитетом. Таким образом, социально-культурные функции села связаны с историческим развитием проживающих на определенной территории народов, их типами освоения пространства, закрепленными в материальной и духовной культуре, системе социальных связей между представителями локального сообщества.

Исторически основной формой пространственной организации общества в Сибири являлось село, что было обусловлено особенностями колонизации края и использования его ресурсов, темпами развития региона. Наиболее значительные изменения в соотношении сельских и городских поселений произошли в XX веке в результате индустриализации и урбанизации, что повлияло на трансформацию социально-культурного пространства Сибири. При этом одной из особенностей формирования и развития сибирских городов в советский период являлась рурализация городской среды, обусловленная миграцией сельских жителей – носителей сельской культуры – в города. Обратной стороной модернизации была урбанизация сельской жизни, в результате чего произошло расслоение сельской культуры на традиционную и агро-индустриальную. На современном этапе развития село продолжает оставаться жизненной средой значительного числа сибиряков и оказывать влияние на социально-культурные процессы региона в целом.

Одним из факторов, определяющих значение села в социокультурной жизни сибирского социума, является соотношение числа сельских и городских жителей. В Сибири доля сельского населения выше, чем в среднем по стране. Так, в 2015 г., согласно официальной статистике, сельские жители составляли 25,9 % от всего числа населения Российской Федерации и 27,3 % – Сибирского федерального округа [9]. В национальных республиках Восточной Сибири эти показатели еще выше, чем в округе и федерации. В 2015 году, согласно данным территориальных органов Федеральной службы государственной статистики, численность сельского населения Республики Хакасия составляла 36,2 %, Республики Бурятия – 41,1 %, Республики Тыва – 46,1 %, Республики Алтай – 70,8 % [13; 11; 12; 10]. Весомая доля сельских жителей в республиках Восточной Сибири выступает как один из факторов сохранения этнического многообразия региона, его культурной самобытности.

Другой фактор, влияющий на социально-культурные особенности сельского социума, - это специфика бытования сельских жителей. Хозяйственный уклад, его природосообразность неразрывно связаны с традициями, образом жизни, языком, менталитетом коренных народов Сибири, поэтому повседневная хозяйственная деятельность сельчан, занимающихся животноводством, народными промыслами и ремеслами, способствует сохранению основ этнической культуры, утраченной большинством городских жителей. У народов Восточной Сибири сохранились такие специфические традиционные занятия, как овцеводство, оленеводство, коневодство, яководство, верблюдоводство, войлоковаление, кожевенное и кузнечное ремесла и др. Продукты скотоводства используются в изготовлении народных музыкальных инструментов, одежды, жилища, хозяйственной утвари сельских жителей, для которых подобные предметы являются элементами повседневного обихода. Культура питания сельских жителей региона также обусловлена хозяйственной жизнью, распространено приготовление традиционных блюд на основе продуктов, произведенных в условиях домашнего хозяйства – мяса домашних и диких животных, субпродуктов, молока, овощей. Охота, рыболовство, сбор орехов и дикорастущих растений позволяют включать в рацион сельских жителей продукты, полученные и приготовленные традиционными способами (копчение, вяление, сушение, соление и т.д.)

С сельскохозяйственной практикой, хозяйственно-природными циклами связана традиционная праздничная культура народов Сибири. В структуре досуговой деятельности сельского населения традиционные праздники занимают важное место. В настоящее время народы Сибири поддерживают традицию празднования Сагаалгана, Сурхарбана (Бурятия), Шагаа, Наадыма (Тыва), Чыл пазы (Хакасия), Чага-Байрам (Алтай). Отмечаются русская Масленица, татарский Сабантуй, что отражает полинациональный состав республик. Каждый из народных праздников представляет собой целый комплекс обычаев и обрядов, игр и развлечений, религиозных, эстетических и этических воззрений. Значительной устойчивостью обладают семейные праздничные традиции, связанные со свадебным ритуалом (сватовство, девичник, свадьба и др.), рождением и первыми этапами жизни ребенка (срезание первых волос, появление первого зуба, милан и т.д.), новосельем и т.д. Ряд традиционных праздников в советское время был предан забвению. Вместе с изменением социальных отношений, хозяйственной деятельности, быта сибирских народов был утрачен смысл некоторых праздников, связанных с традиционными промыслами, особенностями кочевки и т.д. Сейчас о них знают только представители старшего поколения. Это относится к праздникам Ойтулааш (Тыва), Аба-той, Тунч, Ух-той, Ирбе чулчан улукун (Хакасия) и др. Современные социально-культурные мероприятия, организуемые в национальных республиках, опираются на народные традиции и знания. Так, в Республике Тыва стал традиционным «Фестиваль войлока», в Бурятии – «Ночь ёхора», «Праздник бууз».

Важным элементом традиционной культуры являются народные игры и спортивные состязания. Среди скотоводческих народов были распространены борьба, стрельба из лука и конные скачки. Наиболее устойчивой оказалась традиция национальной борьбы, сохранившаяся у бурят, тувинцев (хуреш), хакасов (күрес), алтайцев (куреш), а также сопровождаю-

щий соревнования обряд исполнения «танца орла» победителем. В последние годы возрождаются конные состязания, стрельба из лука. Что касается народных игр, то у бурят, тувинцев, хакасов и алтайцев существуют игры, направленные на развитие ловкости и силы, координации движений, стратегическое мышление. Среди тувинцев по-прежнему распространены такие игры, как прятанье кольца (билзек чажылары), «хромая старушка» (аскак-кадай), катанье на шкуре (чунгулаар), домино (даалы), «выбивание ремня» (баг кагары), различные игры в кости (кажык) и др. Алтайцы играют в «алтайские шашки» (шатра), выбивание плетью деревянных бабок (камчи), поднятие камня (кодурге кеш), а также жонглирование ногами кусочком свинца, обернутым в козью шкуру (тебек), смотр конской упряжи и шорных изделий (малчи мерген) и др. Связь многих игр со скотоводческой культурой очевидна, ведь кожаные ремни, кости, шкуры – это продукты животноводства. Среди народов, проживающих в настоящее время в Восточной Сибири, тувинцы и алтайцы в большей степени сохранили празднично-обрядовые формы, фольклор, традиции горлового пения (хоомея), игровые этнопрактики. Особой этнографической группе русских – старообрядцев, проживающих на территории Бурятии, Тывы, Алтая и Хакасии удалось сохранить многое из традиций предков, например, уникальное многоголосое пение. Жилища и убранство домов, одежда, украшения этой специфической группы сохранились практически в неизменном виде.

Важнейшим свидетельством сохранения этнической культуры является знание родного языка, в этом вопросе лидером так же является Республика Тыва, слабее всего из рассматриваемых этнических групп родным языком владеют хакасы. Согласно статистическим данным, тувинским языком на момент последней переписи населения владело 253,7 тыс. чел., в то время как общая численность тувинцев составляла 264 тыс. чел.; бурятский язык знали 218,5 тыс. человек при численности бурят 461,4 тыс. чел.; знание хакасского языка было присуще 42,6 тыс. человек, а число хакасов составляло 73 тыс. человек; владение алтайским языком отмечено у 55,7 тыс. чел., число алтайцев составляло 74,2 тыс. чел. [6]. При этом, среди людей, отметивших владение тем или иным языком были не только представители этнической группы – носительницы языка, но и других национальностей. Это значит, что число владеющих родным языком еще ниже. Кроме того, качество владения языком так же достаточно низкое, в основном носители языка владеют разговорной, а не письменной речью, при этом в каждой из республик эти языки являются официальными государственными языками наряду с русским. Статистические данные отражают тенденцию снижения знания родного языка пропорционально сокращению численности сельского населения, урбанизации, ведь именно село – это естественная среда сохранения родного языка, органично прививающегося в процессе ежедневного общения, использования форм этнопедагогики, осуществления традиционных видов деятельности.

Одним из факторов формирования социокультурного пространства села является общение. На особенности сельской коммуникации влияют размеры сельской общности, родство, в котором состоят члены сельского социума. В условиях села наиболее распространен тип общения «Мы – Мы», что обусловлено спецификой сельского образа жизни: немногочисленные ежедневные контакты; частые встречи с друзьями и соседями, обусловленные, прежде всего, взаимопомощью и потребностью в общении; использование в качестве источников информации телевидения, радио, слухов; сохранение элементов традиционной сельской общины; присутствие референтных лиц среди друзей, коллег, соседей и т.д. [2, с. 15.]. С этим связаны такие черты сельской жизни, как наличие неформального контроля со стороны односельчан, активное участие в жизни друг друга, а также специфический информационный обмен, субъективный и не всегда достоверный.

Консерватизм сельской культуры, системы ценностей и образа жизни сельчан обусловлен характером сельскохозяйственного труда, ограниченного природными условиями. Сельскохозяйственный труд, будь то земледелие или скотоводство, имеет временные и пространственные рамки, циклический характер. При этом представления о природе, использовании различных природных ресурсов, закрепленные в сельских традициях, имеют языческие, ми-

фологические корни. Все это обуславливает традиционализм сельской жизни в разнообразных проявлениях. Этническая культура сохраняется, воспроизводится и транслируется в условиях села естественным образом, в силу исторической преемственности поколений.

Одним из важных структурных компонентов сельской культуры является аксиологическая система. Так, сельским жителям, по сравнению с горожанами, в большей степени присуща ориентация на традиционную семью с большим числом детей, патриархальный характер семейных отношений. Сельская аксиологическая система определенным образом связана с хозяйственной необходимостью: сети социальной поддержки как архаические формы взаимопомощи предполагают большую семью, интенсивные контакты между родственниками, соседями, друзьями. Сельская межсемейная сеть, поддерживающая традиционные семейные и культурные ценности, моральные нормы и установки – механизм, способствующий преодолению аномии, возникшей в духовной жизни современного сельского социума. Значительное место в аксиологической системе сельчан занимают религиозные ценности, сельские жители традиционно отмечают религиозные праздники, соблюдают обряды, нормы. Согласно оценкам региональных исследователей, обращение к народным истокам, религии, во многом заполнило культурный вакуум в кризисный период, препятствовало социальной дезинтеграции, характерной для российского села. Так, при проведении исследования социального самочувствия сельского населения Бурятии, В.Г. Жалсановой было отмечено, что традиционное бурятское мировоззрение, опирающееся на буддийскую религию и шаманизм, способствует не только выживанию в сложных условиях современности, но и позволяет адаптироваться в социуме [3, с. 243-244]. Данное утверждение справедливо и для других национальных республик, в которых население не только стало активнее посещать культовые места и мероприятия, участвовать в паломнических турах и экскурсиях, но и проявлять инициативу в восстановлении и строительстве дуганов, дацанов, субурганов, собирать информацию о почитаемых ранее ламах, интересоваться родословными.

Таким образом, функционирование сельского социума зависит от совокупности социально-экономических, культурных, природных факторов, взаимосвязанных между собой. Специфика занятий сельского населения, особенности села как поселенческой структуры, характер социальных отношений способствуют сохранению элементов традиционной сельской культуры. Современными исследователями выделяются такие черты культуры села, присущие наиболее широкому слою сельских жителей, наиболее тесно связанных с аграрным производством, как неравномерная трудовая занятость в течение года и праздничный календарь, совмещенный с аграрным циклом; персонификация межличностных отношений; контроль за поведением каждого члена локальной общности; определенная грубоватость и фамильярность обращения друг с другом; субъективная интерпретация исторических и общегосударственных событий, основанная на слухах, а не на официальных источниках; локальная замкнутость культуры, ограниченный жизненный опыт, консервативный менталитет и образ жизни; большая степень коллективной деятельности; раннее занятие физическим трудом на открытом воздухе, внимание к экологической культуре и охране окружающей среды; ограниченный культурный выбор, недоступность ряда видов культурно-досуговой деятельности; разрыв между уровнем культуры села и города, различных социальных групп внутри этих типов поселений [5, с. 25-27]. Социальные процессы, оказывающие влияние на сельский социум, противоречивы и неоднозначны. На протяжении двух последних десятилетий сельская социальная структура претерпела субстанциональные и институциональные изменения. Стратификация населения сибирских сел, осуществленная на основании социокультурного критерия, позволяет выделить три основных слоя: первый слой – это лица, занятые преимущественно умственным трудом, имеющие достаточно высокую квалификацию, обладающие развитой системой досуговой деятельности и минимальной занятостью в личном подсобном хозяйстве; второй слой состоит из лиц, занятых преимущественно физическим трудом высокой квалификации или умственным трудом низкой квалификации со средней занятостью в личном подсобном хозяйстве, этому слою присущ среднеразвитый досуг; к третьему слою относятся лица,

занятые физическим трудом, имеющие высокую занятость в личном подсобном хозяйстве и слабо развитый досуг [1].

Указанные черты сельской культуры присущи не только сибирским селам, но и городам, ведь негативные социально-экономические процессы в сельской местности усиливают поток сельских мигрантов, использующих различные способы закрепления в городе. Сельская культура шире пространственных границ поселений, а урбанизация села в настоящее время менее интенсивна, чем рурализация города.

В полной мере сибирское село сможет использовать свой социокультурный потенциал и способствовать развитию поликультурной среды, обогащению культурного опыта населения региона при понимании указанных тенденций и развитии тех факторов, которые определяют культурное своеобразие сельского социума.

Примечания

1. Алисов Д. А. Урбанизация и культура // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 3-15.

2. Ардашев А. Н. Национально-региональный компонент как фактор поликультурного образования сельских школьников : дис. ... канд. пед. наук. Ижевск, 2006. 172 с.

3. Жалсанова В. Г. Влияние этнокультурных процессов на социальное самочувствие сельского населения Бурятии // Общество и этнополитика : материалы пятой Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. СибАГС / под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск, 2012. С. 240-246.

4. Заславская Т. И. Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли (1950-1990 гг.). М., 1999. 287 с.

5. Малакшинова Н. Ш. Сельское население: культурные запросы и проблемы их удовлетворения в условиях трансформации российского общества (на материалах Республики Бурятия) : дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2011. 174 с.

6. Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. Т. 4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi_1612.htm (дата обращения: 28.02.2016).

7. Пациорковский В. В. Социология расселения как специальная социологическая теория // Социол. исслед. 2012. № 4. С. 25-34.

8. Хагуров А. А. Некоторые методологические аспекты исследования российского села // Социол. исслед. 2009. № 2. С. 95-101.

9. Численность населения в регионах России на 1 января 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/society/1887626.html> (дата обращения: 28.02.2016).

10. Численность населения Республики Алтай. 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://statra.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/statra/ru/statistics/population/ (дата обращения: 28.02.2016).

11. Численность населения Республики Бурятия. 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 28.02.2016).

12. Численность населения Республики Тыва. 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://tuvastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tuvastat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 28.02.2016).

13. Численность населения Республики Хакасия [Электронный ресурс]. URL: http://hakasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/hakasstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 28.02.2016).

**ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
МУЗЕЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ
(НА ПРИМЕРЕ БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ А. В. АНОХИНА»)**

**MILITARY AND PATRIOTIC EDUCATION OF MODERN YOUTH BY MEANS OF
MUSEUM (ON EXAMPLE OF THE BUDGETARY INSTITUTION OF THE ALTAI
REPUBLIC «THE NATIONAL MUSEUM NAMED AFTER A. V. ANOKHIN»)**

В статье рассматриваются основные формы экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности Национального музея имени А.В. Анохина, направленные на военно-патриотическое воспитание молодежи. Среди них экспозиции и выставки, экскурсии, лекции, встречи, музейные уроки, акции, а также комплексные массовые мероприятия, объединенные в Вахты Памяти и месячники военно-патриотической работы.

The article discusses the main forms of exhibition activities, cultural-educational activities of the National museum named after A.V. Anokhin, which are aimed at the military and patriotic education of youth. There are expositions and exhibitions, excursions, lectures, meetings, museum lessons and other forms of work with visitors.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Национальный музей имени А. В. Анохина, военно-патриотическое воспитание, экскурсии, лекции, встречи, музейные уроки.

Keywords: the Great Patriotic War, the National museum named after A. V. Anokhin, the military and patriotic education, excursions, lectures, meetings, museum lessons.

В современных условиях важной проблемой общества и государства является формирование высоких патриотических качеств у молодого поколения страны. Воспитание гражданина, патриота своей Родины, во все времена являлось приоритетной задачей государства, учреждений культуры и образования. В современном обществе молодой человек должен быть подготовлен к новым общественным отношениям, уметь адаптироваться в новых социокультурных условиях, стать полноценным гражданином своей страны, патриотом Родины, сохранять и преумножать ее культуру, заботиться об ее престиже в мире [1].

Составной частью государственной политики Российской Федерации в области патриотического воспитания является военно-патриотическое воспитание. На сегодня оно наиболее близко и понятно молодежи, так как их прапрадеды и деды являлись участниками Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [2].

Музеи как носители исторической памяти Великой Отечественной войны, выраженной в различных видах источников: воспоминаниях (устных, записанных на бумажных и электронных носителях), эпистолярном наследии, архивных источниках, в т. ч. коллекциях личного происхождения, имеют широкие возможности для организации и проведения работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Военно-патриотическое воспитание занимает одно из центральных мест в работе Национального музея имени А. В. Анохина. Работа, направленная на военно-патриотическое воспитание молодежи, отражена в планах и отчетах Национального музея имени А. В. Анохина, освещена в публикациях научных сборников, средствах массовой информации, программах Государственной телевизионной и радиовещательной кампании «Горный Алтай», в сети Интернет. Анализ перечисленных источников позволяет представить комплексное описание деятельности Национального музея в области военно-патриотического воспитания современной молодежи.

С 1995 по 2010 гг. в Национальном музее работала экспозиция «Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», построенная на основе исторических материалов: фотографий, документов участников военных действий и тружеников тыла, оружия и

историко-бытовых предметов. После полномасштабной реконструкции Национального музея данная экспозиция была воссоздана и дополнена новыми свидетельствами.

Стационарные и передвижные выставки являются презентацией богатого военно-исторического собрания: Национального музея имени А. В. Анохина, муниципальных музеев Республики и крупнейших музеев страны. В 2005 г. была открыта выставка «Боевые знамена, плакаты Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) из фондов Центрального музея Вооруженных Сил» (г. Москва). Одновременно, как итог совместной деятельности Национального музея, государственных и общественных организаций Республики Алтай по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения и молодежи, прошла презентация материалов «Фронтовики! Наденьте ордена!» [3, с. 1-5]. С 8 апреля по 7 мая 2010 г. в Доме культуры г. Горно-Алтайска была оформлена выставка «Победители», посвященная 65-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). На ней были представлены материалы из собрания Национального музея. Выставку посетило 782 человека, из которых более 50 % составили учащиеся старших классов и обучающиеся средних специальных учебных заведений [3, с. 1].

Культурно-образовательная деятельность Национального музея, направленная на военно-патриотическое воспитание молодежи, осуществляется за счет традиционных форм – экскурсий и лекций. Тематика экскурсий следующая: «Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны», «Государственные награды в годы Великой Отечественной войны», «Документальный фонд Национального музея имени А. В. Анохина как источник по изучению истории Великой Отечественной войны», «Эпистолярное наследие участников Великой Отечественной войны в фондах Национального музея имени А. В. Анохина». Они освещают участие населения Ойротской автономной области (ныне Республики Алтай) в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.).

Анализируя культурно-образовательную деятельность Национального музея имени А.В. Анохина по военно-патриотическому воспитанию современной молодежи можно условно выделить два периода: 1) 1996–2010 гг.; 2) 2011–2015 гг.

Первый период (1996–2010 гг.) характеризуется активной работой по организации встреч с ветеранами Великой Отечественной войны. В этот период Национальному музею большую помощь в организации мероприятий оказывали ветераны. На встречах с учащимися фронтовики рассказывали о своем участии в Великой Отечественной войне, говорили о значении таких понятий, как «Родина и патриотизм», «что нужно сделать, чтобы стать достойными защитниками своей Родины».

С 1996 г. ежегодно в музее проводятся декады, посвященные Дню Защитника Отечества и Дню Победы в Великой Отечественной войне «Фронтовики! Наденьте ордена!». В настоящее время декада, посвященная Дню Защитника Отечества, была преобразована в Вахту Памяти «Отечества верные сыны», а декада, посвященная Победе в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) – в месячник «Салют, Победа!» [4, с. 209-213]. Основными целями декад и месячников являются: формирование исторического сознания у подрастающего поколения и молодежи, формирование у них умения работать с историческими документами, в т. ч. воспоминаниями ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла, воспитание чувства гордости за своих предков, отстоявших с оружием в руках «свободу и независимость Родины». Со временем сложилась структура данных мероприятий: торжественное открытие, организация встреч с участниками Великой Отечественной войны и тружениками тыла и проведение экскурсий.

Так, 27 апреля 2007 г. В Национальном музее состоялось открытие декады с участием Президиума Республиканского Совета ветеранов войны и труда, Горно-Алтайского городского Совета ветеранов войны и труда, Горно-Алтайского городского Комитета ветеранов войны и военной службы, Совета ветеранов с. Маймы: участников Великой Отечественной войны: И. В. Скуридина, Н. А. Кайгородова, Н. А. Штанакова, В. П. Чайки, Т. К. Казанцева, Н. З. Долгова, И. Г. Ластовки, ветерана труда М. П. Крючковой, председателя Координационного

Совета по патриотическому воспитанию, заместителя Главы администрации г. Горно-Алтайска А. А. Санашкина, учащихся школ № № 9 и 3. На открытии присутствовало 116 человек, из которых 68 – представители молодежи [5, с. 79].

В рамках декад особое место занимают встречи с участниками Великой Отечественной войны. 5 мая 2007 г. состоялась встреча «Победители» ветеранов Великой Отечественной войны: В. П. Чайки, К. И. Гребенникова, труженицы тыла Р. Л. Чайка и учащихся 9-10 классов школ № № 1, 13. В ней приняли участие 63 человека [6].

Второй период (2011–2015 гг.) культурно-образовательной деятельности Национального музея имени А.В. Анохина, направленной на военно-патриотическое воспитание молодежи характеризуется поиском новых форм работы. В это время активно применяются мультимедийные ресурсы, презентации, видеозаписи воспоминаний участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла, проводятся музейные уроки, организуются и реализуются молодежные акции.

В апреле 2015 г. в Национальном музее прошли музейные уроки «Дорогами Победы». Уроки состоят из экскурсии по экспозиции «Горный Алтай в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)», «Музейного марафона», закрепления полученных знаний. После окончания урока была проведена проверка эффективности, определены наиболее активные участники. Школьникам были вручены памятные жетоны «Участнику музейного марафона «Салют, Победа!», посвященного 69-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)». Практика проведения музейных уроков по экспозиции «Горный Алтай в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)» показала, что данная форма организации культурно-образовательной деятельности является востребованной среди молодежной аудитории Республики Алтай [7].

В 2015 г. в рамках Вахты Памяти «Отечества верные сыны», посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) и Дню Защитника Отечества состоялась акция «Молодежь читает письма военных лет». Акция была организована Национальным музеем имени А. В. Анохина, Молодежным Советом при Администрации г. Горно-Алтайска, Отделом по делам молодежи Администрации города Горно-Алтайска, Государственной телевизионной и радиовещательной компанией «Горный Алтай», Радио «Сибирь». В акции приняли участие учащиеся школ старших классов, обучающиеся средних специальных учебных заведений г. Горно-Алтайск, студенты Горно-Алтайского государственного университета, представители работающей молодежи. Большинство участников прочли письма из собрания Национального музея имени А. В. Анохина. Учащиеся МБОУ «Лицей № 6 им. И. З. Шуклина г. Горно-Алтайска» озвучили письма Ильи Захаровича из фондов Военно-исторического музея им. Героя Советского Союза И. З. Шуклина. Как показал опрос участников, акция стала для них не только источником новых знаний по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., выраженных в эпистолярном наследии, но и способом соприкосновения с патриотическими и духовно-нравственными ценностями прошлого [8].

Кроме того, второй период характеризуется и выходом на новую ступень информирования аудитории о мероприятиях, проходящих в Национальном музее имени А. В. Анохина. В молодежной среде наиболее востребованными источниками получения информации являются веб-сайты. Активно используя возможности интернета, Национальный музей в 2012 г. создал официальный сайт «Бюджетное учреждение Республики Алтай «Национальный музей имени А. В. Анохина» [8], на страницах которого размещаются сведения, посвященные патриотическому воспитанию граждан. В 2015 г. на сайте Национального музея открыт раздел «70-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается» [7]. Работа Национального музея по патриотическому воспитанию регулярно освещаются на страницах других сайтов: «Республика Алтай: официальный интернет-портал» [9], «Министерство культуры Республики Алтай» [10], «Официальный портал муниципального образования Город Горно-Алтайск» [11], «Молодежный информационный портал г. Горно-Алтайска «Молодой Горный», «Новости Горного Алтая» [12].

За большой вклад в развитие работы по патриотическому воспитанию в Республике Алтай, организацию и проведение мероприятий, направленных на воспитание патриотических убеждений и взглядов подрастающего поколения и молодежи БУ РА «Национальный музей имени А. В. Анохина» решением Коллегии Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации за № Б–2399 от 24 апреля 2013 г. был награжден Почетным знаком «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации».

Таким образом, Национальный музей Республики Алтай имени А. В. Анохина ведет активную деятельность по военно-патриотическому воспитанию молодежи. В мероприятиях, целью которых является формирование исторического сознания и воспитание патриотизма, принимает участие разновозрастная аудитория. Основную часть участников мероприятий составляют дети старшего школьного возраста, обучающиеся средних специальных учебных заведений, студенты, магистранты и аспиранты Горно-Алтайского государственного университета, представители работающей молодежи и молодежных общественных объединений. Благодаря совместной работе Национального музея с Управлением образования г. Горно-Алтайска, Отделом по делам молодежи, Военным комиссариатом Республики Алтай, Республиканским и городским Советами ветеранов войны, труда и правоохранительных органов, Республиканским Советом ветеранов – воинов Афганистана и Чечни, Союзом десантников Республики Алтай, Алтайской Республиканской организацией Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов», Советом Алтайского Регионального отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство» по военно-патриотическому воспитанию молодежи, осуществляется историческая преемственность поколений и формирование у молодого поколения патриотических качеств.

Примечания

1. Горбунов В. С. Патриотическое воспитание школьников в условиях городской системы образования [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. URL: <http://www.dissercat.com/content/patrioticheskoe-vozpitanie-shkolnikov-v-usloviyakh-gorodskoisistemyobrazovaniya#ixzz2h1yjuClH> (дата обращения: 12.01.2015).

2. Дригота В. В., Лавриков М. В. Патриотизм: традиции и инновации [Электронный ресурс]. URL: <http://skmuseum.ru/index.php /konferencii/internet-konferencija/-lbrg-ainmenu-205/68> (дата обращения: 12.01.2015).

3. Архив Национального музея. Отчет Национального музея Республики Алтай имени А. В. Анохина о мероприятиях, направленных на патриотическое воспитание граждан Российской Федерации. 2005. 5 с.

4. Полтева Т. И. Декада как форма работы с посетителями по патриотическому воспитанию в музее (на примере Национального музея имени А.В. Анохина // Анохинские чтения : VII науч. конф., посвящ. 95-летию со дня образования БУ РА «Нац. музей имени А. В. Анохина», 23-26 окт. 2013 г. Горно-Алтайск, 2013. С. 209-213.

5. Полтева Т. И. Память о прошлом формирует будущее» (Из опыта работы Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина по патриотическому воспитанию) // Материалы Анохинских краеведческих чтений. 2008. Горно-Алтайск, 2008. С. 76–80.

6. Архив Национального музея. Журнал регистрации массовых мероприятий Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина (2003–2008 гг.).

7. К 70-летию Победы в Великой отечественной войне. 1941-1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://musey-anohina.ru/index.php/homepage/k-70-letiyu-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-1941-1945-gg> (дата обращения: 14.01.2015).

8. Бюджетное учреждение Республики Алтай «Национальный музей имени А.В. Анохина» [Электронный ресурс] : сайт. URL: <http://musey-anohina.ru/> (дата обращения: 12.01.2015).

9. Республика Алтай [Электронный ресурс] : офиц. интернет-портал. URL: <http://www.altai-republic.com> (дата обращения: 12.01.2015).

10. Министерство культуры Республики Алтай [Электронный ресурс]. URL: <http://culture-altai.ru> (дата обращения: 25.09.2014).

11. Муниципальное образование «Город Горно-Алтайск» [Электронный ресурс] : офиц. портал URL: <http://www.gornoaltaysk.ru> (дата обращения: 25.09.2014).

12. Новости Горного Алтая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gorno-altaisk.info>. (дата обращения: 23.09.2014).

УДК 328.185 + 379.823

Малошик М.В.

КОРРУПЦИОНЕР КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

CORRUPT OFFICIALS AS A SPECIFIC TELEVISION IMAGE IN MODERN RUSSIA

В настоящей статье автор рассматривает образ коррупционера в отечественном телевизионном пространстве, получивший широкое распространение в современной действительности. Образ коррупционера анализируется с позиции его создания телеагентом и интерпретацией телезрителем.

In this article the author examines the image of a corrupt official on television. The image is analyzed from two perspectives: how is it created by the TV makers and interpreted by the TV viewers.

Ключевые слова: Телеагент, телезритель, телевизионное пространство, коррупционер, телевизионный образ, технология создания телевизионного образа, масс-медиа.

Keywords: the television, Tv viewer, corrupt official, the technology of creating television image, mass media

Исследовательские подходы к пониманию сущности человека как особого объекта исследования позволяют утверждать, что качественное содержание определения во многом зависит исторически от тех доминирующих идей, что были актуальны в разные периоды развития человеческого социума. Так, например, представители древнегреческой научной мысли определяли человека как «общественное животное», эпоха Возрождения ввела в научный круг понятие «человека гармоничного», эпоха Просвещения - «человека образованного», а последователи широко распространившейся теории Ч. Дарвина основное внимание сконцентрировали на Homo Sapiens – Человеке Разумном. XX век породил несколько обликов Человека Индустриальной Цивилизации. Появился человек толпы (Г. Тард), человек играющий (И. Хейзинга), человек потребляющий (Е. Николаева), человек кликающий (М. Эпштейн) и т.д.

XXI век наиболее злободневной поставил идею «Человека информационного», когда верной, на наш взгляд, становится формула: «Миром владеет не тот человек, который владеет информацией, но тот человек, который умеет правильно ее интерпретировать». Одним из основных источников формирования информационного поля современного человека, по утверждению многочисленных гуманитарных исследований, является телевидение и формируемое им телевизионное пространство. Его многогранный мир отражает, адаптирует и в значительной степени способствует актуализации многих социальных проблем. И поскольку общий статус данных фундаментальных проблем, в русле постоянно изменяющегося мира не может определяться какой-то частью образов, а для представления объективной картины требуется рассматривать каждый образ, представленный в современной культуре как самостоятельную единицу, требующую отдельного и подробного исследования. Проанализируем

в настоящей статье особенности интерпретации образа коррупционера в контексте телевизионного пространства.

Рассматриваемый нами образ коррупционера представляет собой некий социально-культурный конструкт, образованный слоями, определяющими его создание в качестве конечного продукта. Первый слой представляет собой реально существующее знание о феномене коррупции, истории ее становления, развития, особенностях людей, представляющих антисоциальное явление, определяемое современной наукой как «коррупция» [1].

Второй слой, в свою очередь, сосредоточивает основное внимание на субъективных представлениях о коррупции участников коммуникационного обмена в телевизионном пространстве: телезрителя – телеагента. Поэтому телевизионный образ коррупционера – это объект, искусственно созданный по законам телевизионной драматургии, и в данном случае мы имеем дело не столько с человеком как таковым, сколько с его прототипом – образом второго порядка, репрезентируемым телевизионным миром.

Являясь продуктом телевизионной рекламы, данный образ представляет особую ценность не только с позиции телевизионного объекта как «вещи в себе». В современную информационную эпоху механизмы конструирования коллективной идентичности, в свою очередь, стали технотронными. Традиционная модель передачи социально-культурных установок, существовавшая ранее по принципу передачи ценностных установок и ориентиров от поколения к поколению через личное общение, передачу сложившихся ценностей или усвоение неявного знания, путем вербального общения или путем ориентации на канонизированные образцы высокой культуры. При этом доминирующим становится роль электронных средств коммуникации, в недрах которых в результате непрерывной и высокоскоростной (по меркам культурно-исторических процессов) взаимной индукции человека реального и его электронного образа формируется и развивается его новая интерпретация.

Таким образом, можно сказать, что телевизионный образ в современном обществе персонализирует формирование индивидуального смыслового образа «реального мира», который выстраивается на основании информации, поступающей к телезрителю с индексом «реально» (т. е. на основании, в первую очередь, новостей). Поэтому, телевизионные персонажи коррупционеров, создаваемые в художественных фильмах или телевизионных сериалах, являясь в данном смысле дополнительными, они не отражают действительной информации о коррупционерах, это разные симулякры, которые создаются телевизионными агентами, на основании их знания о данной социальной группе, и должны активизировать в телевизионных зрителях какие-либо эмоции. Причем в данном случае неважно будет созданный образ вызывать негативные или положительные эмоции, важнее их наличие. Потому что при отсутствии заинтересованности у телевизионной аудитории интереса к телевизионному продукту, его необходимо убирать с телевизионного эфира. И здесь существуют разные способы его «устранения». Например, телевизионный образ коррупционера убивают силовые, либо криминальные структуры; у него появляются новые черты характера – причем не важна оценка качеств от положительных до отрицательных; наконец, если не одна из приведенных выше мер не приводит к сохранению рейтинга телевизионного продукта как особого художественного произведения, он просто убирается с телевизионного эфира и заменяется каким-то другим продуктом. Показательным в этом смысле является индустрия создания телевизионных сериалов.

Учитывая вышеизложенное, в информационно-новостной сфере создания телевизионного образа коррупционера, можно выделить, по меньшей мере, две формы важнейшего смыслообразования.

Во-первых, с позиции семантики новостные сообщения в телевизионном пространстве задают способ данности предмета или факта [2]. Любой телевизионный канал максимально основательно и предельно ясно фиксирует такой способ данности и не позволяет нам интерпретировать его так, как это позволяет делать актуальный жизненный опыт каждого телезрителя. Поэтому один и тот же образ получит разную степень распознаваемости и значимо-

сти для каждого конкретного телезрителя в зависимости от его социального опыта, уровня образования, степень культурной грамотности и иных факторов. Одно и то же событие может быть задано бесконечно различными способами трансляции при сохранении своей полной фактической достоверности. Поскольку, сама процедура декодирования материала, распознавания телевизионного события или образа, о которой у телезрителя как потенциального потребителя телевизионного продукта как израрца культуры нет единого цельного представления, то распознавание и отождествление телевизионного продукта видится нами как конструирование предмета. В рассматриваемом смысле данность предмета представляет собой авторское видение режиссера телевизионного продукта и актера, это лишь аудиовизуальный образ, своего рода матрица, на уровне личного восприятия. Повторимся в данном контексте, что в данном случае режиссер представляет собой не только источник построения телевизионных смыслов и телевизионных идей, воплощенных по большей части в фигуре телевизионного персонажа. Кроме этого, телевизионный режиссер является телеагентом – той фигурой, которая моделирует телевизионное пространство. Именно телеагенты, представленные в разных смысловых ролях в телевизионном пространстве, конструируют проблемное поле телевизионных персонажей, разноликость и многогранность телевизионных образов, позволяют телезрителям быть поливариативными, благодаря разности телевизионных персонажей у телезрителей появляется прекрасная возможность выбора, с помощью которого внутренние границы телевизионного пространства насыщаются новыми смыслами, содержанием. На эту основу в последующем нанизываются смысловые контексты каждого телезрителя и персонажируются на индивидуальном уровне. Таким образом, избирая способ подачи телевизионного образа, телевизионное пространство способно в широких пределах варьировать представление об этом образе, возникающее у получателя информации. В данном случае важно все – и сам образ как единица построения телевизионного пространства, и те смысловые структуры, которые закладываются телеагентами в алгоритм его восприятия, и наконец способ подачи телевизионного образа, который рождает индивидуальный контекст для распознавания телевизионного образа, для его декодирования телезрителем. Здесь следует отметить и тот факт, что каждый телезритель декодирует образ одного и того же телевизионного образа по – своему. Каждый телезритель заостряет свое внимание на каком-то только ему важном смысловом поле, когда актуализируются лишь для данного телезрителя референтные структуры, тогда как многие иные отходят на второй план или, иначе говоря, структуры второго плана, второй действительности.

Второе понятие социально-культурного смысла, которое мы можем использовать применительно к формированию и интерпретации телевизионных образов, - это герменевтическое понятие надления телевизионного продукта категорией «значительности». Сфера опыта имеет континуальный и бесконечно варьируемый характер, специфика создания которого также очень индивидуализирована и связана с повседневным опытом каждого конкретного телезрителя не просто как потребителя, но как источника формирования телевизионного пространства на уровне внешних границ, определенных в результате осуществления взаимодействия между телеагентом и телезрителем по поводу конкретного телевизионного образа. Способ работы с образом в телевизионном пространстве связан с антропологической организацией и предполагает выделение в ней наиболее ярких узловых моментов, что задает выборочный характер памяти (не только индивидуальной, но и коллективной исторической, что восходит к пониманию ментальности) и в то же время позволяет нам выстраивать целенаправленные виды действия (это связано с отсечением того, что малозначительно и не существенно для рассмотрения телевизионного продукта как особого социально-культурного феномена). Так складывается смысловая жизненная сфера, определение витального пространства создаваемого телевизионного образа, в котором выделяется важное, игнорируется и предается забвению неважное. За пределами актуального жизненного опыта основные элементы восприятия и витальности жизненного опыта телезрителя задаются в контексте масс-медиа, при этом телезритель сам выбирает телевизионный образ как данность как предмет представ-

ляющий ценность для самоидентификации зрителя, и как набор смысловых качеств, связанных не только со способом интерпретации телевизионного образа, но и с правом выбирать сам предмет и набор ценностных характеристик, представляющих интерес для конкретного телезрителя. С поправкой на упрощенный физиологизм выражения, можно в этой связи полностью согласиться с М. Маклюэном, который рассматривает медийную сферу как «ампутированную и отчужденную нервную систему человека» [3]. Таким образом, телевизионное пространство организует смысловое освоение мира, находящееся за гранью личного опыта телезрителя, создавая тем самым тот предметно-событийный каркас, который дает ему опорные точки в осмыслении увиденного и отрефлексированного сознанием телевизионного образа или телевизионного события, когда за пределами индивидуального личного жизненного опыта (например, случайный разговор с незнакомым человеком зачастую начинается с обсуждения погоды, которая стоит на улице или политических событий в обществе злободневных в текущий период), переход к социальным темам, как правило, уже опосредован медийной сферой.

Доказан тот факт, что для большинства подсистем общества возможность влияния на смысловой универсум представляет собой ценнейший ресурс, и все, кто использует сферу массовых коммуникаций, в целом, и телевидения, в частности, в своих интересах, всегда стремились присвоить право определять значительность событий и оказывать влияние на способ их подачи. Однако не стоит забывать о способе формирования телевизионного пространства. Потому что в данном смысле формирование границ телевизионного пространства с позиции данности – определение внешних границ телевизионного пространства – это прерогатива телеагентов. Тогда как адаптивное внутреннее формирование границ телевизионного пространства есть прерогатива телезрителя. В телевизионном пространстве не обязательно «искажать» или «придумывать» события: вполне приемлемо даже не затрагивая предметного «значения» (по терминологии Фреге) телевизионного сообщения, а варьировать только его смысл. Разная смысловая акцентированность позволяет выстраивать совершенно различные образы действительности, в некоторых случаях диаметрально противоположные. Причем в данном случае не важно, что один и тот же телевизионный образ может представать в телевизионном пространстве с разных оценочных позиций, так как драматургия построения телевизионного образа совершенно не согласуется с обычной логикой восприятия объекта в обычной действительности. Телевизионный образ и реально существующий образ в действительности не существуют как цельность. Они различны и именно данная различность и является наиболее ценной.

Многие теоретики прошлого и современности считают, что по мере развития форм контроля, которыми обладает политическая власть, и (или) по мере экономических процессов монополизации в сфере массмедиа человечество окажется в тотально-контролируемой телекоммуникационной реальности [4]. Хотя, ряд современных исследователей (например, П. Вирилио и Э. Тоффлер), напротив, констатируют или предвещают исчезновение тотальных, массовых по своему воздействию средств массовых коммуникаций, которые диверсифицируются в силу экономических и политических процессов, протекающих в современном обществе, в силу появления новых медийных каналов (например, Интернета), в силу кризиса больших нарративов как таковых и т. д. Общество, по их мнению, становится все более непрозрачным, состоящим из небольших анклавов, каждый из которых имеет свой собственный информационный горизонт, отличный от «массового» [5]. Несмотря на это остается не до конца разрешенной дискуссия, связанная с гомогенизацией телевизионной сферы как собой медийной сферы. Мы приходим к размышлению о том, что телезрители и телеагент как субъекты коммуникационного пространства в контексте телевизионного пространства различным образом расшифровывают базовые человеческие понятия (например, понятие свободы, чести, достоинства, нравственности по-разному определяют границы дозволенного. Так, телеагент интерпретирует границы дозволенного на телеэкране, больше опираясь на понятие рейтинга, тогда как телезритель основным определяющим моментом видит личный

опыт или восприятие окружающей действительности, где наиболее существенным является понятие социального опыта). Следовательно, конкретная позиция будет определяться выбранным языком, контекстом и набором антропологических допущений и ценностной позицией.

Очевидно лишь то, что новостные сообщения, затрагивающие социально злободневные проблемы, в частности коррупцию, необходимо должным образом контролировать, во избежание придания этому социальному злу статуса массовой эпидемии, избавление от которой представляется сложным, а иногда и невозможным. Нужна объективная оценка телевизионными каналами этого социального явления, в котором «антигерои» коррупционеры будут представлены в объективном документальном ракурсе, раскрывающем как реальный его уровень, так и последующее ему наказание, соразмерное совершенному деянию.

Поэтому телевизионный образ коррупционера не представляется как определенная самость, это скорее симулякр, мозаичный набор качеств и структур, должных с точки зрения участников телевизионной коммуникации присутствовать в нем. К тому же, характерные черты современной телевизионной части экранной культуры носят по-большому счету, характер заказной, имеют коммерческую сущность и насыщаются телевизионными образами, созданными на фоне новых мифов и культовых фигур и репрезентируемые как сверхзначимые.

Если коснуться конкретного содержания того человека, которого мы сегодня именуем как коррупционер, то одним из общих свойств, присущих данному телевизионному персонажу является его повседневность. Он воспроизводится для огромной аудитории как постоянно присутствующий во сферах жизнедеятельности общества культурный антипод, включающий в себя набор готовых формул и стереотипов, обеспечивающий основу общения людей из разных социальных слоев, разных поколений.

Другим таким свойством можно выделить креативность телевизионного образа коррупционера. Поставленный в определенные жесткие рамки, он легко может измениться и подстроиться под окружающую действительность, что делает обнаружение и разоблачение его крайне сложным.

Наконец третье свойство, присутствующее в большинстве случаев в изображении коррупционеров, уходит своими корнями к ментальным основаниям отечественной культуры и носит название «этатизм власти». Коррупционер, изображаемый на телевизионном экране, считает власть безусловной ценностью и всякими способами пытается ее добиваться, отчетливо осознавая те возможности, что даст ему ее ощущение и наличие.

Исторически образ коррупционера претерпевал свои изменения, наполняя содержание данного концепта новым смыслом. Современный коррупционер является порождением действительности. Его телевизионный прототип обладает теми свойствами, что присущи и многим другим социальным группам людей, что зачастую затрудняет считать эти свойства как маркирующие коррупционера. В рамках борьбы с коррупцией, каждый социальный институт должен вносить свою посильную лепту, и в этом смысле задача телевизионного пространства заключается в противодействии созданию мифа о непобедимости коррупции, потому что миф победить значительно труднее, чем реально существующее социальное явление.

Примечания

1. Следует отметить, что в настоящее время существует много подходов к определению «коррупции». Мы согласны с точкой зрения В.К. Максимова, который в криминологическом понимании определяет коррупцию (коррупционное преступление) как «антисоциальное, общественно-опасное явление, угрожающее национальной безопасности России, составляющее целостную совокупность преступлений, совершенных публичными должностными лицами с использованием ими своего должностного и фактического положения, имеющих у них должностных и служебных полномочий, вытекающих из них возможностей, а также их соучастниками, вопреки законным интересам граждан, общества, государства, государствен-

ной службы, службы в органах местного самоуправления, коммерческих и иных организациях, для личного обогащения или в иных личных, узко групповых и корпоративных целях, либо выразившихся в предоставлении им возможностей и средств для достижения указанных целей, а также совокупность самих таких лиц» (Подробнее см.: Максимов В. К. Понятие корпорации в международном и российской праве // Право и безопасность. 2002. № 3-4). Уникалии: новые измерения человека // Искусство кино. 1994. № 2. С. 67-74.

2. Более точное определение данной трактовки, смотрите в работах Г. Фреге и Э. Гуссерля.

3. Подробнее см.: Маклюэн М. С появлением спутника планета стала глобальным театром // Кентавр. 1994. № 1. С. 20-31; Его же. Осмысля средства коммуникации: новые измерения человека // Искусство кино. 1994. № 2. С. 67-74.

4. На уровне современной массовой культуры эти страхи (восходящие по меньшей мере к антиутопии Оруэлла) получают регулярное воплощение в образе какого-нибудь «искусственного интеллекта», получившего полный контроль над человечеством (фильм «Матрица» и т. п.). Подробнее см.: Сиберт Ф. С., Шрам У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М. : Нац. ин-т прессы : Вагриус, 1998. С. 96.

5. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999. - из содерж.: Глава 13. Демассификация средств массовой информации. С. 261-280; Его же. Метаморфозы власти : пер. с англ. М., 2002. С. 402, 403, 415 ; Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / пер. с фр. И. Окуневой. М. : Гнозис : Прагматика культуры, 2002. С. 19. и др.

УДК 20

Дансарунова С.А.

РЕФЛЕКСИЯ О ВОЗНИКНОВЕНИИ РЕЛИГИИ И ЕЁ РАННИХ ФОРМАХ

REFLECTION ABOUT THE EMERGENCE OF RELIGION AND ITS EARLY FORMS

В связи с религиозным возрождением и духовным подъемом в многоконфессиональной и многонациональной России данная статья посвящена генезису религии. Знание азов религии и ее традиций содействует толерантности в отношениях и готовности к восприятию иных культур, традиций, обычаев. В статье рассматриваем анимизм, фетишизм, тотемизм и магию как ранние формы религии.

This article is devoted to the emergence of religion in connection with the religious revival and spiritual rise in the multi-religious and multi-ethnic Russia. Knowing the basics of religion and its traditions contributes to tolerance and readiness to perceive other cultures, traditions and customs. Animism, fetishism, totemism and magic are considered as the earliest form of religion.

Ключевые слова: религия, первобытное общество, анимизм, фетишизм, тотемизм, магия, шаманизм.

Keywords: religion, primitive society, animism, fetishism, totemism, magic, shamanism.

История возникновения религии, ее эволюция и экстенсивность не имеют в научном мире однозначного вывода. Древнегреческий философ Протагор в книге «О богах» сказал, что «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду. Ибо много препятствуют знать (это): и неясность (вопроса), и краткость человеческой жизни» [8, с. 6]. К. Маркс первым указал, что религия является социальным феноменом по самой своей природе [3, с. 7]. М. Вебер в своем трехтомном труде «Сочинения по социологии» пишет о том, что определение религии не может быть дано в начале исследования... - оно может только его завершать. [3, с. 45]. Но сегодня исследователи-религиоведы не имеют единого мнения даже по такому вопросу, как существование религии в едином явлении, проявляющемся в разных формах, или следует понимать их как разные религии. Поэтому дать обобщающее определение верованиям и в конце, и в начале исследования сложно, так как были и есть конкретные религии со своими канонами, а «религии вообще» не было и

нет. Но мир религии таинственен и многообразен, так как в основе религии как отрасли культуры находятся мистические и мифологические представления, из которых она рождалась в первобытности со своими специфическими культами и верованиями. Все мифические явления и ритуалы были сотканы мистикой, которая была иррациональна, выходящая за пределы понимания разума, эмпирики и за непосредственно природное. По времени возникновения мифология является первой отраслью духовной культуры и в качестве составной части присутствует во всех религиях как сверхъестественные явления и как таинственная связь, направленная на установление контакта с таинственным миром духовных сущностей и существ. Мифы были неотъемлемой частью языческих миникультур родоплеменного уровня и объясняли происхождение и устройство мироздания и места человека в нем. Мифам изначально были свойственны антропоморфизм, фетишизм, тотемизм, анимизм, то есть все те явления, которые неотделимы от мистических явлений языческих религий. И, по Б. Малиновскому, для архаичной культуры миф являлся и способом мышления, и средством консолидации первобытной общины, а впоследствии практическим руководством первобытных верований и соответствующих действий [2, с. 224].

Следовательно, в начале человеческой истории древнее общество являлось выразителем мифа, который, по К.Юнгу, был носителем истины, недоступной рациональному объяснению, также голосом прошлого, коллективного бессознательного и хранителем прообраза жизни единого человечества [2, с. 225]. Может быть, что совокупность культуры человечества начиналась не только от возделывания сельскохозяйственных культур, но также и от культа первых ритуалов, вышедших из практики мифологического мировоззрения. Тем более, господствующие ценностные понятия общества определяются не представителями наук, а являются производными от духовно-исторических истоков национальных культур, определившихся в ранних верованиях предков.

История человечества начинается с выделения человека разумного, способного к абстрактному мышлению, из животного мира и его первой естественной попытки выжить. По Е.В. Домашек, человек – уникальный творец, пытавшийся своим полуосознанным действиям придать смысл, в отличие от его имеющихся инстинктивных реакций – наследственно-безотчетных побуждений внутреннего чутья. И первоначальный смысл его опытов выживания и отношения с природой непосредственно связан с тем, что в человеческой культуре называется сакральным, божественным, культовым [4, с. 107-108].

В первобытности все исходит из начала «впервые или первые». Эта самая длинная и трудная эпоха первобытного человека, также обозначается как доисторический период, т.е. до появления письменности. И термин «примитивная религия» возникает в этот период, в научном исследовании не имеет уничижительного значения. Он указывает на первичный период формирования религиозных верований. Также в этот период пращуры, не знавшие ни грамоты, ни городов, ни государств научились добывать огонь, обрабатывать камни, приручать животных, выращивать хлеб, строить жилище, шить одежду, гончарить и т.д. Первобытность длилась около трех миллионов лет и завершилась с появлением письменности, городов и первых классовых обществ.

Исследователям нелегко реконструировать процесс мышления первобытного человека. Но сохранившиеся свидетельства исторических источников, территориально охватывающие все континенты, кроме Антарктиды, позволяют судить о первоначальных религиозных проявлениях первобытных людей. А древние пещеры с бесценными наскальными изображениями быта, охоты, реликтами древнейших ритуалов и другими фактами являются главными свидетельствами событий. При помощи этих первоисточников можно воссоздать причины зарождения религиозных воззрений, которые в любых случаях будут являться гипотетическими вариантами.

Первые простейшие формы примитивной религии предположительно связаны с практикой захоронения древних людей. Вероятно, уже в то время рождались мистическо-религиозные воззрения, что кроме реального мира существует другой мир, в котором продолжают

жить умершие. А мифологическо-религиозные представления об окружающем мире были обусловлены синкретизмом, и первобытный человек осознавал себя частью окружающей среды. По В.М. Хачатурян, согласно мифам многих народов, человек произошел от разных частей природы: плоть его – от земли, кровь – от воды, кости – от камней, дыхание – от ветра, а глаза – от солнца. С другой стороны, и природа наделялась человеческими чертами. Звери и птицы, небесные светила, камни, деревья, источники – все это считалось одушевленным и сходным с человеком [9, с. 33-35]. И все то, что древние люди не могли освоить практически и понять теоретически, они отнесли к необъяснимым сверхъестественным явлениям. К ним можно причислить природные стихии и катаклизмы (огонь, вода, гроза, наводнения, ураганы, землетрясения), космические факторы (затмения солнца и луны, влияние звезд и планет), тайны человеческой психики (сновидения, страх, внушение и т.д.). Значит, нужны были такие сверхъестественные силы, с которыми необходимо соприкоснуться, умиловить их, вымолить защиту, помощь, покровительство и т.д. При поиске этих высших сил ритуализированные смыслообразующие действия человека из мифов впоследствии приобрели сакральное значение. Ритуалы стали не только частью религии, но и языком религии и самым древним способом сохранения информации и ее трансляции потомкам в бесписьменном обществе. И древние люди при помощи ритуальных действий стали совершать магические обряды для удачи в охоте, для здоровья и благополучия. Согласно Леви-Брюлю, первобытные умы были ориентированы мистически, то есть всегда готовы видеть во всем мало-мальски странном или необычном действии сверхъестественных существ [5, с. 31]. И свойственное первобытным людям осознание их целостности с окружающей природой позволило им найти эти таинственные силы в виде объектов окружающей среды, которых они одухотворили и придали им способности думать, знать, сопереживать, защищать, покровительствовать и т.д. Предполагалось, что священные объекты при надлежащем почтении и угощении могут покровительствовать архаичным обществам, а при недовольстве ими могут создать неприятности и беды. Поэтому природу и ее объекты первобытные люди обожествляли и стремились воздействовать на нее с помощью ритуалов и обрядов. Таким образом, первобытные люди создали фантастический параллельный мир добрых и злых духов со сверхъестественными силами, имеющих огромное значение для людей и родоплемен, то есть природоморфность мифологическо-религиозных образов как культы различных объектов природы изначально были почти повсеместно распространены на ранних этапах человеческой истории. По О.К. Садовникову, элементарные формы религии существовали уже со времен появления на Земле человека разумного – Homo-Sapiens [9, с. 316]. Первоначальные религиозные воззрения первобытных людей стали в примитивной религии ее ранними конкретными формами как фетишизм, анимизм и тотемизм. Выяснить очередность возникновения этих ранних форм невозможно, так как на первичных этапах развития они переплетались между собой как части единого целостного миропонимания первобытного синкретизма.

По М.Д. Зомонову, ученые не имеют единого мнения о генезисе и сущности религии, особенно ее ранних форм – фетишизма, аниматизма, тотемизма, анимизма, магии, которые структурно-генетически вписались в систему шаманизма как ее основные элементы. Ученые определили, что шаманизм и его конкретно-исторические формы – это самая древняя из всех археологических, астрономических, медицинских, социокультурных и философских дисциплин человечества. В связи с этим не случайно в истории философии находятся миф и религия как ее первоисточники. Очевидно, у ее истоков мог быть шаманизм как самая древняя религия со своим архаичным мировосприятием [7, с. 13]. Фетишизм, анимизм тотемизм, и магия пережили время своего формирования в примитивной религии и перешагнули через первобытность. Они сегодня наличествуют во всех современных религиях и практикуются как поклонение неодушевленным объектам и предметам со сверхъестественными силами, как вера в существование духов нематериальной природы, т.е. «вне физики» как божества, ангелы, демоны, темные силы и т.д., и также как сверхъестественное родство человеческого родоплемена с их предполагаемым предком в образе животного, птицы, даже растения. Значимость вы-

шеназванных первоначальных форм примитивной религии первобытности неоспорима, если они коренятся в базовых основах мировых и всех других религий наших дней.

Фетишизм (отпорт. *fetico* – амулет) – неодушевленный предмет суеверного поклонения, наделенный сверхъестественными свойствами, способными мистически защищать, приносить удачу, помогать на охоте, лечить и совершать другие социально-бытовые содействия. В первобытности в качестве объектов поклонения могли быть камни необычной формы, зуб животного, перья и т.п., а позднее уже разные человеческие поделки. Фетиши могли быть и личным оберегом человека и оберегом всего родоплемена. Обращение с фетишем не всегда обозначало почитание. Например, у германских племен фетишем в начале нашей эры являлась ель. В определенные зимние дни они украшали, ублажали и развлекали ее в надежде на помощь и заступничество. А в Африке в фетиш вбивали гвозди, чтобы он не забывал обращенные к нему просьбы. Также за бездействие фетиш могли наказывать, за успех благодарить, за неудачу выбросить или заменить. Фетишизм и его пережитки сохранились в виде амулетов, талисманов, оберегов. Фетишами являются священные рощи, шаманские сакральные объекты, святые источники, могилы, усыпальницы святых. Фетишами являются кресты и иконы, которым поклоняются христиане. Как фетишам мусульмане поклоняются полумесяцу и «черному камню», замурованному в Каабу (храм в Мекке). Фетишизм следует отличать от преклонения перед святынями.

Анимизм (от лат. *anima* - душа, дух) – в первобытности предполагаемая одухотворенность и одушевленность всех объектов и предметов окружающей среды. По Э. Тайлору анимизм является древнейшей основой религии, и что понятие об одушевленности предметов и явлений возникло у «дикаря-философа» из размышлений над причинами сновидений, смерти, сумасшествия и т. д. И наличие души у человека, которая способна отделяться от тела во сне или в момент смерти привело к заключению, что все предметы обладают душой [1, с. 28]. Природу и предметы окружающей среды пралюди населили добрыми и злыми духами, обожествили силы и явления природы. Многие ученые считают, что одним из этапов анимизма стал шаманизм (эвенкийский-исступленный). Но в принципе аниматическая теория была универсальна для объяснения первобытной религии, и фактически в раннем шаманизме имеются все первоначальные формы ранних религиозных проявлений, которые гипотетически рассматривались как разновидности анимизма или его дополнением. Шаманизм имел особую систему обрядовых действий для предполагаемого контакта с духами предков, божеств. Шаманизм и сейчас существует у многих народов. Сегодня все религии признают у человека наличие тела и души. Для всех религий свойственна вера в реальное присутствие чисто духовных начал полностью автономных от тела и не подвластных ему: это боги, святые, ангелы, духи чистые и нечистые и т.д.

Аниматизм (от лат. *animatus* – одушевленный) – вера в безличную одушевленность природы или отдельных ее частей в первобытности. Термин «аниматизм» введен английским ученым Р. Марретом в 1900 г. Аниматизм необходимо отличать от гилозоизма – способность материи ощущать, воспринимать и мыслить во всех ее частях, и также отделять его от анимизма. Р. Маретт выделил аниматизм из анимизма, как его более раннего предшественника. Вера в аниматизм известна как «мана» у меланезийцев, «оренда» у ирокезов, «маниту» у алгокинов, «мегбе» у пигмеев и т.д.

Тотемизм (от алгонкинского «*ototeman*» - его род) – ранняя форма примитивной религии. По классическому определению Дж.Фрезера представляет собой таинственную связь, которая, как полагают, существует между группой кровных родственников с одной стороны, и определенным видом естественных или искусственных объектов, называемых тотемами этой группы людей, - с другой [5, с. 32]. И образ тотема, который мог быть и животным, и птицей, и растением, и т.д., проходит почти через все мифологии древности – китайскую, индийскую, шумеро-аккадскую, египетскую, греческую и других. Человек воспринимал себя как прямого потомка определенного тотема – предка. Каждый род носил имя своего тотема, который представлялся, скорее всего, не как божество, а как символ единства родоплемена,

как защитник и помощник. По Э. Дюркгейму основной функцией религии является обеспечение социальной интеграции, т.е. сплоченность общества, что и служит основной причиной возникновения религии в ее самой примитивной форме – тотемизме [1, с. 21]. Тотемизм сопровождается системой табу, исходящих от тотема-предка. Кроме этого, у разных народов существовали обряды как поедание тела тотема, или пищевые запреты в ряде религий. Например, ислам своим верующим запрещает есть свинину, в иудаизме нельзя употреблять свинину, конину, зайчатину. А в Индии продолжают оставаться священными коровы, тигры, обезьяны, в некоторых странах почитают слонов и крокодилов. Также в тотемизме находятся корни христианского таинства причастия: принятие под видом хлеба тела Иисуса Христа, а под видом вина – его крови.

Магия (от греческого *magia* – колдовство) – совокупность особых действий, физических и духовных с целью воздействия на эмпирический мир, «реальную действительность» [2, с. 199]. Магия – одна из составляющих ранних форм религии с использованием снадобий, заклинаний и особых ритуалов для сверхъестественного воздействия на явления природы, людей, животных и т. д. Магические действия совершали специальные люди – колдуны, чародеи, шаманы. В поздних исторических развитиях они были оттеснены на задний план жрецами и священнослужителями. Магическое наследие тайных знаний как прообраз вошло в алхимию эпохи возрождения. В разных исторических периодах магия была гонима. И в определенные периоды общественного развития возникал повышенный интерес к ней. Магия наличествует в современных религиях, т.к. в религиозный культ заложено совершение магических действий.

Все религиозные таинства, начиная с примитивной религии первобытности, мистично таинственны. У мистики и религии один исток начала - это осознание смертности и страх смерти. Культ почитания предков в первобытности означает веру в возможность осуществления мистических, т.е. сверхъестественных связей между людьми и их умершими родственниками. Во времена архаичного родоплеменного строя огромная роль отводилась представителям старшего поколения – живой памяти племени, обладателям бесценных опытов, хранителям-трансляторам родовых традиций. Их почитали при жизни не за их физическую мощь, а за духовную силу и устойчивость. И если духовное начало в человеке казалось бессмертным, то прижизненное почитание старших переходило в посмертное поклонение их духам с предполагаемой обратной мистической связью. Это подтверждается дошедшими до наших дней пожеланием умершему, обычаем приносить пищу на кладбище, молитва за него, а впоследствии уже молитва умершему как духу с просьбой о помощи и защите. Таким являлся путь от умерших к бессмертным духам или божествам. Культ предков наличествует в современных религиях как почитание святых, поклонение святым мощам, молитвы за упокой души и многое другое. Особенно культ предков был значим в шаманизме, в котором важную часть шаманистского мировоззрения занимали представления о душе, смерти, загробной жизни, неразрывности человеческого рода и знания генеалогического древа – колен-поколений.

В ходе изучения шаманизма выявлены веками существующие сходства обрядов, теорий, практик и традиций этого древнего верования разных народов. По мнению многих ученых и приверженцев этой религии, шаманизм в своих начальных разновидностях является первоосновой всех религий. По утверждению Л.Л. Абаевой, большинство исследователей-шаманистов придерживаются мнения, что шаманизм – это целый религиозный комплекс универсальных традиций и, практически, как показывает теория и практика культурогенеза шаманской традиции, все социумы планеты на всех континентах в разных формах и под различными терминами в своем этносоциальном развитии прошли сквозь ту религиозную традицию, именуемую в современный период шаманизмом [6, с. 333].

Шаманизму, в отличие от мировых религий, исторически была свойственна определенная ограниченность в пределах дискретного явления, какими были родоплеменные общности и, несмотря на то, что в некоторых раннефеодальных образованиях тюркоязычных,

финноугорских, монгольских народов шаманизм становился национально-государственной религией, впоследствии он так и не стал общенациональной религией ни у бурят, ни у других монголоязычных народов, ни у тех социумов, прошедших в своем начале через его примитивные традиции.

Первые, очень неясные предрелигиозные очертания наметились у древних людей при захоронении сородичей и осознания своей смертности. Также появление ранних форм религии было обусловлено страхом перед необъяснимой жестокостью природных явлений и социально-бытовыми рядностями, выживанием. Таким образом, примитивная религия в комплексе ритуалов, обрядов, традиций и обычаев предшествовала распространению всех религий. В дальнейшем часть ее ранних форм как одни из основополагающих элементов вошли во все мировые религии.

Примечания

1. Аникин Д. А. История религии : конспект лекций. М. : Юрайт, 2011. 182 с.
2. Алексеев А. П. Краткий философский словарь. М. : РГ-Пресс, 2012. 496 с.
3. Веремчук В. И. Социология религии. М. : Юнити-Дана, 2004. 354 с.
4. Домашек Е. В. Справочник по обществознанию. Ростов н/Д. : Феникс, 2010. 222 с.
5. Горелов А. А. Религиоведение в вопросах и ответах. М. : Эксмо, 2007. 272 с.
6. История Бурятии. В 3 т. Т. 2. XVII- начало XX вв. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
7. Зомонов М. Д., Зомонов Ж. М. Эзотеризм и анимизм как феномены шаманизма : монография. Улан-Удэ : ИПК ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2013. 227 с.
8. Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений : учеб. пособие. М. : Проспект, 2011. 480 с.
9. Хачатурян В. М. История мировых цивилизаций с древнейших времен до конца XX в. М. : Дрофа, 2004. 508 с.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1.09

Хосомоев Н.Д.

ИСПЫТАНИЕ СЛОВОМ TRIAL WITH A WORD

Книга, представленная на суд читателю, содержит семь содержательных и необычных историй, которые были написаны в преддверии одного из самых трагических событий за всю историю человечества – 70 лет со дня атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Книга «Мечты, погребенные в атомном пекле», издание которой приурочено к трагической дате, посвящена памяти детей Хиросимы, которые стали невинными жертвами ядерных взрывов. Название книги подчеркивает глубокое символическое значение события, а также раскрывает ужасную правду о том, как это произошло.

The book, presented for the reader's judgment, includes seven extensive and unusual stories. These stories have been highly motivated. They were written by the author in anticipation of one of the most tragic dates in the history of mankind, the 70th anniversary of the atomic bombing of Hiroshima and Nagasaki.

The book "The Dreams Buried In Nuclear Ashes", the publication of which was arranged to coincide with this tragic date, is devoted to the memory of Hiroshima's children, who became innocent victims of the nuclear bombings. The title of the book is aimed to emphasize both deep symbolic meaning and a terrible reality of what had happened.

Ключевые слова: Антонов В.И., «Мечты, погребенные в атомном пекле», Япония, 6 августа 1945 года, атомная бомбардировка городов Хиросима и Нагасаки.

Keywords: Antonov V.I., Japan, nuclear bombing, Hiroshima, Nagasaki.

Талантливые люди талантливы во всем. В руках у меня сборник рассказов известного российского ученого и талантливого публициста, заслуженного деятеля науки РФ Вл. Антонова «Мечты, погребенные в атомном пекле». Сборник небольшой, собраны в нем семь, правда, объемных рассказов, посвященных памяти японского города Хиросимы, подвергнутого атомной бомбардировке 6 августа 1945 года. В предисловии «От автора» повествователь отмечает: «Имена героев рассказа, конечно же, являются вымышленными, а истории, происходящие с ними, выдуманными... Человеку присуща способность к предчувствию, он обладает даром предвидения... Поэтому на примере героев, представленных в рассказах, автором показано, как они испытывали смутное состояние беспокойства и тревоги, предчувствуя грядущую трагедию».

Сборник открывается рассказом «Лыжник Дзиро» о восьмилетнем мальчике ДзироНакамура. Он большой мечтатель, не по годам развитый и любознательный. У него заветная мечта стать лыжником, не просто лыжником, а чемпионом. Ему такую мечту внушил отец, ныне военный летчик, и ей Дзиро будет верен до конца своей короткой жизни. Во сне мальчик видит себя лыжником, восходящим на небеса, пока атомная бомба, сброшенная на город, вознесет туда сотню тысяч человеческих жизней.

Еще один рассказ «Сестры Сато» начинается с трагедии. Одна из сестер, старшая Ёсико, которой идет 12-й год, сорвалась с лестницы и получила травму позвоночника. Теперь она ведет сидячий образ жизни. Удивительно стоический характер отличает это маленькое существо – нелегкое испытание выработало в ней сильный дух, сострадательность, доброе сердце. Ёсико обучается графике и в ней открывается поразительный дар художницы, так до конца не раскрытый из-за страшного дня – шестого августа.

Очередной рассказ «Я – божественный ветер» повествует о мальчишках, полностью отдающихся игре в разведчиков, шпионов и сыщиков. Семья Цукахары получает печальную

весть о гибели отца Гимпэя, одного из четырех друзей-мальчиков. Рассказ завершается такими словами: «И даже летняя жара 45-го года нисколько не убавила их интереса к игре. Знакомые звонкие возгласы временами буквально пронзали парной от влажности воздух начала августа. И тогда казалось, что не будет конца беззаботной ребячьей игре под густой листвой сливовых деревьев».

Интересен своей недетской увлеченностью поэзией мальчик из Хиросимы КэндзиКобаяси из рассказа «Будущий мастер хокку». В школьном кружке, который он посещает, ученик упорно учится искусству писать хокку, на примере трудной работы классика японской поэзии МацуоБасё. Идет война, сирены воздушной тревоги держат в большом напряжении жителей огромного города. Острое восприятие текущей действительности присуще детям в роковые ее минуты. Предчувствие скорого конца жизни рождает в душе Кэндзи, только начавшего жить, скорбные строки:

Как жизнь коротка!
Мраком ночным побежденный,
День мгновенно угас.

И эти строки обернулись страшной явью на земле Хиросимы.

Завершает сборник рассказ «Маленький архитектор подводного города» о мальчике МасаоХаякава, будущем мастере, который мечтает о строительстве подводного города, и целыми днями занимается конструкцией своего проекта. Опытный образец готов и испытание прошло удачно, но радость мальчика и его друга Сэньити завершилась трагедией: «Яркая, ослепительной белизны вспышка над городом моментально испепелила мальчиков, подвергнув их чудовищному перевоплощению».

Еще в студенческие годы в МГУ имени М.В. Ломоносова у В. Антонова зародился интерес к традиционной культуре, литературе и искусству, кино и театру, общественному устройству, к национальному менталитету и характеру японцев, к их системе воспитания, семейной жизни, к истории японского народа, к политике и экономике страны.

Этот интерес вылился со временем в многочисленные авторские работы – более пятидесяти публикаций. Назову лишь некоторые. В 1993 году у В. Антонова в Москве выходит интересная книга «Символ в обществе и культуре Востока», в научном журнале «Вестник Московского университета», серия «философия», № 1 за 2000 год опубликована оригинальная статья «Язык контекста как семантический базис культуры», которая была признана лучшей за год. Она обращена к традиционному японскому представлению о красоте. Из большого ряда других статей, посвященных японской тематике, назову следующие: «Традиционные японские сады как семантико-культурный феномен», «Японская улыбка – символ многозначный».

Из последних по времени работ В. Антонова отмечу объемную статью «Слово о патриархе японского и мирового кино Канэто Синдо». Она опубликована в двух номерах журнала «Байкал» в 2012 и 2013 годах. И, наконец, совсем свежая капитальная статья «Истина, смысл жизни, добродетель как известные проблемы человеческого бытия в творчестве Акиры Куросавы» в журнале «Вестник Российского университета дружбы народов» (серия «философия», 2015, № 3).

Сошлюсь на свой страх и риск на слова рецензента книги московского писателя Николая Черкашина (он не давал мне права на ссылку). Он пишет: «Книга... поражает глубиной знания и проникновения в человеческое бытие (не только хиросимской, но всей японской жизни, быта, культуры, ментальности), утонченным лиризмом, простотой и ясностью, в то же время образностью и метафоричностью языка. Словом, сплав художественного вымысла и исторической правды, органично воссозданный в книге, удался».

В рассказах Владимира Антонова нет внешних эффектов, словесной эквилибристики, изысканной фразы, которые отвлекают читателя от смысла, заложенного в тексте, он точен в деталях, лаконизм и чувство соразмерности отличают его письмо.

Чем привлекает фраза в художественном произведении? Звуком, всплеском, искусом, посылом, музыкой. Все это можно найти в сборнике В. Антонова и есть надежда, что удачно начавшийся опыт писательства найдет продолжение в его будущих сочинениях. Испытание словом, художественным, состоялось.

В рассказах Владимира Антонова нет внешних эффектов, словесной эквилибристики, изысканной фразы, которые отвлекают читателя от смысла, заложенного в тексте, он точен в деталях, лаконизм и чувство соразмерности отличают его письмо.

Чем привлекает фраза в художественном произведении? Звуком, всплеском, искусом, посылом, музыкой. Все это можно найти в небольшом сборнике В. Антонова и есть надежда, что удачно начавшийся опыт писательства найдет продолжение в его будущих сочинениях. Испытание словом, художественным, состоялось.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Бальжурова Арюна Жамсуевна, кандидат исторических наук, хранитель группы «Буддизм» ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» (г. Улан-Удэ).
2. Ваганова Екатерина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
3. Грызлова Анастасия Анатольевна, старший научный сотрудник отдела хранения ГБУК «Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачёва», член Ассоциации искусствоведов России (г. Иркутск).
4. Дансарунова Санжида Александровна, магистрант ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
5. Долгорова Баирма Александровна, заведующий сектором хранения естественно-научной коллекции ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» (г. Улан-Удэ).
6. Жамбаева Туяна Иннокентьевна, кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры теории и истории искусства и литературы ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
7. Загидуллина Анна Викторовна, магистрант ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (г. Казань).
8. Затева Надежда Александровна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
9. Зориктуев Булат Раднаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).
10. Иванова Евгения Владимировна, студентка направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
11. Кабунова Елена Михайловна, заведующая отделом скульптуры ГБУК «Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачёва», член Ассоциации искусствоведов России (г. Иркутск).
12. Куницын Олег Иосифович, кандидат искусствоведения, ФГБОУ ВО ВСГИК, заслуженный деятель искусств России (г. Улан-Удэ).
13. Мишакова Оксана Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой музеологии и наследия ФГБОУ ВО ВСГИК, член ICOM-ICOFOFOM-ASPAC (г. Улан-Удэ).
14. Малошик Максим Владимирович, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
15. Нава Саида Санчиевна, кандидат культурологии, преподаватель ГБОУ СПО «Кызыльский колледж искусств им. А.Б. Чыргал-оола» (г. Кызыл).
16. Полтева Татьяна Ивановна, заведующий отделом истории БУ Республики Алтай «Национальный музей имени А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск).
17. Санникова Марина Иосифовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
18. Серебрякова Зоя Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры теории и истории искусства и литературы ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

19. Судакова Ольга Николаевна, кандидат культурологии, доцент кафедры истории и теории дизайна и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна» (г. Санкт-Петербург).

20. Суслов Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (г. Казань).

21. Татарова Светлана Петровна, доктор социологических наук, доцент, декан факультета социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

22. Хосомоев Николай Данилович, кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и истории искусства и литературы ФГБОУ ВО ВСГИК, заслуженный работник образования РБ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (г. Улан-Удэ).

23. Цыремпилова Ирина Семеновна, доктор исторических наук, профессор, и.о. проректора по научной работе ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

24. Чернявская Ольга Александровна, старший научный сотрудник МБУК «Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова» (г. Иркутск).

Для заметок